

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РУБРИКИ:

5.3 Психология

5.3.3 — Психология труда,
инженерная психология,
когнитивная эргономика

5.4 Социология

5.4.4. — Социальная структура,
социальные институты и
процессы
5.4.7. — Социология управления

5.8 Педагогика

5.8.7. — Методология и технология
профессионального образования

Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-64254 от 25 декабря 2015 года

**Научный журнал «Социально-гуманитарные
технологии»
№ 4 (20), 2021
ISSN (Online) 2500-4202**

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ № ФС77-64254 от 25 декабря 2015 г.

Учредитель Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза,
летчика-космонавта А.А. Леонова», г. Королев, Россия (141074, Московская обл., г. Королев, ул.
Гагарина, д.42) / 16+

Главный редактор:

Кирилина Т.Ю., доктор социологических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Афонин И.Д., кандидат психологических наук, доцент
Барков С.А., доктор социологических наук, профессор
Гайдабрус Н.В., кандидат исторических наук, доцент
Долгорукова И.В., доктор социологических наук, доцент
Захарова Н.Л., доктор психологических наук, профессор
Капранова М.В., кандидат психологических наук, доцент
Костыря С.С., кандидат психологических наук, доцент
Красикова Т.И., кандидат филологических наук, профессор
Лапшинова К.В., кандидат социологических наук, доцент
Ларионов А.Э., кандидат исторических наук, доцент
Магомедов К.О., доктор социологических наук, профессор
Морозюк С.Н., доктор психологических наук, профессор
Морозюк Ю.В., доктор психологических наук, профессор
Романов П.С., доктор педагогических наук, доцент
Старцева Т.Е., доктор педагогических наук, профессор
Тавокин Е.П., доктор социологических наук, профессор

Editor-in-Chief:

Kirilina T.Yu., Doctor of Sociology, Professor

Editorial board:

Afonin I.D., PhD {Sociology}, Associate professor
Barkov A.S., Doctor of Sociology, Professor
Gaydabrus N.V., PhD {History}, Associate professor
Dolgorukova I.V., Doctor of Sociology, Associate professor
Zakharova N.L., Doctor of Psychology, Professor
Kapranova M.V., PhD {Psychology}, Associate professor
Kostyrya S.S., PhD {Psychology}, Associate professor
Krasikova T.I., PhD {Philology}, Professor
Lapshinova K.V., PhD {Sociology}, Associate professor
Larionov A.E., PhD {History}, Associate professor
Magomedov K.O., Doctor of Sociology, Professor
Morozyuk S.N., Doctor of Psychology, Professor
Morozyuk Yu.V., Doctor of Psychology, Professor
Romanov P.S., Doctor of Pedagogy, Associate professor
Startseva T.E., Doctor of Pedagogy, Professor
Tavokin E.P., Doctor of Sociology, Professor

Над выпуском работали:

Паршина Ю.С.
Макаревич Е.В., Когтева У.А.

15.12.2021 г.

Адрес редакции:

141070, Королев, Ул. Октябрьская, 10а Тел. (495)543-34-31
e-mail: sgtjournal@mail.ru
www.sgtjournal.ru

© «Технологический университет»

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение главного редактора	3
5.4 СОЦИОЛОГИЯ	
5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы	4
Антоненко В.И. Социально-философский анализ системного кризиса капитализма	4
Кирилина Т.Ю., Лапшинова К.В. Отношение профессорско-преподавательского состава к изменению образовательных практик, связанных с цифровизацией процесса образования (на примере работы с балльно-рейтинговой системой)	11
Ларионов А.Э., Новичков А.В. Социальный регресс как константа социальной динамики: к постановке проблемы.....	19
5.4.7 Социология управления	27
Кирилина Т.Ю. Роль социологии управления в подготовке современных управленцев.....	27
Когтева У.А. Цифровые следы и перспективы их применения в процессе управления образовательным процессом.....	35
Перемибеда П.А., Кобакин М.В. Стратегическое социальное управление как институциональный механизм обеспечения национальной безопасности в условиях развития цифровой экономики информационного общества.....	42
5.3 ПСИХОЛОГИЯ	
5.3.4 Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.....	50
Захарова Н.Л. Личностные детерминанты профессиональной адаптации специалистов социальной сферы	50
Киреева Л.В. Готовность личности к профессиональной деятельности.....	58
Лисичкина Ю.В. Представления студентов инженерно-технических специальностей о будущей профессиональной среде.....	64
5.8 ПЕДАГОГИКА	
5.8.7 Методология и технология профессионального образования	71
Когтева Е.В., Нефедова А.Н. Некоторые аспекты и условия развития профессиональной компетентности педагога.....	71
Кузнецова О.И., Кручинина С.А. Опыт реализации практической подготовки обучающихся в рамках методической составляющей образовательной программы в вузе	78
Ластовенко Д.В., Музалевская А.А. Особенности принятия решений в связи с интеллектуальными свойствами студентов инженерных специальностей.....	83

Обращение главного редактора

Дорогие читатели и авторы!

Рады представить вам юбилейный двадцатый номер научного журнала «Социально-гуманитарные технологии». Декабрьский номер журнала и раздел «Социальная структура, социальные институты и процессы» открывает статья кандидата философских наук, академика РАН Владимир Ивановича Антоненко, в которой он остановился на ключевых проблемах социально-философского анализа капитализма.

Статья наших постоянных авторов доцентов «Технологического университета» Алексея Эдиславовича Ларионова и Андрея Вячеславовича Новичкова «Социальный регресс как константа социальной динамики: к постановке проблемы» написана в рамках дискурса теоретической социологии и посвящена постановке проблемы социального регресса как универсальной константы мирового социального развития человечества. По мнению авторов, в условиях нарастания глобальной турбулентности и очевидных разрушительных последствий глобализации назрела острая необходимость всестороннего изучения феномена социального регресса, его факторов, причин и проявления для последующей выработки наиболее адекватной целостной стратегии по преодолению негативных следствий от стратегически ошибочных решений и возвращению России и человечества к восходящей траектории развития.

В фокусе раздела «Социология управления» доцент «Финансового университета при Правительстве Российской Федерации» Павел Александрович Перемибеда и профессор ФГКУ «ВНИИ МВД России» Михаил Викторович Кобакин на основе теоретико-методологического и прикладного экспериментального анализа предлагают авторский подход к уточнению понятия и сущности социального стратегического управления как категории современного социологического знания в условиях развития цифрового общества.

В статье молодого ученого-исследователя Ульяны Андреевны Когтевой представлен краткий анализ опыта и перспектив применения цифровых следов в управлении образованием.

По традиции в номер вошли статьи, в которых освещены вопросы психологии труда, инженерной психологии и когнитивной эргономики. В центре внимания статьи профессора «Технологического университета» Надиры Летфулловны Захаровой «Личностные детерминанты профессиональной адаптации специалистов социальной сферы» – профессиональная адаптация как система, функционирование которой детерминировано внешними факторами и внутренними условиями.

В разделе «Методология и технология профессионального образования» особое внимание уделено условиям развития профессиональной компетентности педагога. Именно этот феномен рассмотрен в статье доцента «Технологического университета» Елены Викторовны Когтевой и учителя английского языка МБОУ СОШ №5, г. Королёва Анны Николаевны Нефедовой.

Поскольку двадцатый номер нашего журнала выходит в преддверии Нового 2022 года, хочется пожелать всем крепкого здоровья, счастья, удачи, новых научных открытий и свершений! Будем рады видеть вас на страницах нашего журнала в будущем году!

**С уважением, главный редактор,
доктор социологических наук, профессор
Татьяна Юрьевна Кирилина**

5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы

УДК 316.4

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА

Антоненко В.И.¹

¹ Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия

В статье осуществлен социально-философский анализ капитализма, итогом которого стало представление о его историческом развитии и угасании на современном этапе потенциала рынка, демократии, способности производить инновации, выступать катализатором общественного прогресса, становиться не только препятствием на пути совершенствования человека, но и угрозой его существованию.

Обосновано положение о том, что катастрофическое состояние капитализма обусловлено растлением элиты, выраженным в неадекватности восприятия социальной реальности, усилением безумия власти, ведущей собственные страны к деградации, разрушением традиционной культуры, стремлением навязать народам мира свой образ жизни путем цветных революций, военных конфликтов, способных перерасти в термоядерную войну.

Капитализм, кризис, война.

Для цитирования: Антоненко В.И. Социально-философский анализ системного кризиса капитализма // Социально-гуманитарные технологии. 2021. №4 (20). С. 4-10.

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS THE SYSTEMIC CRISIS OF CAPITALISM

Antonenko V.I.¹

¹ State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia

The article presents a socio-philosophical analysis of capitalism, the result of which was the idea of its historical development and the extinction at the present stage of the potential of the market, democracy, the ability to innovate, act as a catalyst for social progress, become not only an obstacle to human improvement, but also a threat to its existence.

The article substantiates the position that the catastrophic state of capitalism is caused by the corruption of the elite, expressed in the inadequacy of perception of social reality, the increased insanity of the authorities leading their own countries to degradation, the destruction of traditional culture, the desire to impose their way of life on the peoples of the world through color revolutions, military conflicts that can escalate into a thermonuclear war.

Capitalism, crisis, war.

For citation: Antonenko V.I. Socio-philosophical analysis the systemic crisis of capitalism. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2021; 4 (20): 4-10 (In Russ.)

Актуальность темы обусловлена наличием следующих вопросов:

- Почему капитализм исчерпал себя в период грандиозной научно-технологической революции, открывающей перед человечеством колоссальные возможности?
- Способен ли капитализм мобилизовать свой потенциал, свои резервы для того, чтобы преодолеть нынешний системный кризис и преобразиться, не изменяя своей сущности?

– Почему агрессивность капитализма относительно нашей страны многократно возросла? Не намерена ли западная элита преодолеть глобальный кризис путем развала России, то есть повторить то, что было с Советским Союзом?

– Почему наша российская элита не предусмотрела или не захотела учесть состояние капитализма, связанное с ослаблением его потенциала и усилением агрессивности?

– Что означает умеренный консерватизм как альтернатива существующему мировоззрению? И какой смысл вкладывается в понятие «социальное государство»?

Ответы на поставленные вопросы не лежат на поверхности. Но руководством страны они осознаются и реализуются во внутренней и внешней политике путем преодоления либерально-монетаристского безумия, поклонения золотому тельцу, отказа от разрушительного неограниченного капитализма, от принципа делать прибыли только из денег и спекуляции. В последние годы четко просматривается курс на создание прорывных технологий не только в области военно-промышленного комплекса, но и во всех отраслях экономики, осуществляются меры, направленные на противодействие агрессивной политики США и Запада, обеспечение безопасности России с помощью мощных Вооруженных Сил, формирования предпосылок для существенного улучшения жизни людей, строительства социального государства.

Объектом исследования является капитализм как специфическая ступень человеческой истории.

Предметом - существующая модель капитализма, исчерпавшая свои возможности.

Цель – с помощью социально-философского анализа установить причины деградации капитализма и возможные следствия этого процесса.

Достижение цели осуществляется путем решения следующих задач:

1. С помощью анализа исторического развития социальной философии и социологии осуществляется определение их возможностей в исследовании социума, в том числе такой его фазы как капитализм.

2. Раскрытие некоторых признаков капитализма на нынешнем этапе существования, связанном с системным кризисом не отдельных его элементов, а системы в целом.

3. Установление наиболее важных причин, приведших капитализм к постепенной самоликвидации.

4. Раскрытие процесса формирования социального государства в нашей стране на основе конвергенции, т.е. сочетания наиболее продуктивных элементов капитализма и социализма.

Необычайно быстрое изменение скорости социальных процессов, результатом которого является глубокая дезориентация людей, не подготовленных к наступлению неопределенного будущего, предполагает существенные изменения в системе ценностей и институтов общества. Однако, изменения стали происходить таким образом, что общество не только не адаптируется к будущему, но напротив вызывает неспособность сознания людей адекватно отражать окружающий мир.

Американский социолог Элвин Тоффлер назвал изменения психического состояния общества «футурошоком» или «шок будущего». Его существенной чертой является внезапная, ошеломляющая утрата людьми чувства реальности, способности ориентироваться в жизни, страх перед происходящими изменениями. В работах «Шок будущего», «Третья волна» и других американский социолог обосновал мысль о возрастании воздействия научно-технического развития на духовный мир людей, их психику [10].

Однако, научно-технический прогресс не является единственным детерминантом общественного развития. Само его существование зависит от многих факторов: экономики, политики, духовно-нравственного состояния общества и т.п. Поэтому правомерно говорить о катастрофически быстрых переменах в социальной сфере вообще, характерных для XX – XXI веков. Мало приспособленный к стремительно меняющейся социальной реальности человек психологически уязвим. Сможет ли он выдержать лавину социальных потрясений? Для нашего народа этот вопрос не является риторическим, поскольку ему пришлось пережить шок, связанный с катастрофическими переменами, вызванными перестройкой Горбачева и реформами Ельцина.

С развалом СССР разрушилась структура власти, в совершенный упадок пришли экономика и финансы, обнищал народ, в то время как небольшая кучка «деловых людей» сказочно обогатилась, превратилась в олигархов, в обществе ослаб правопорядок, наступил криминальный беспредел, находящиеся у власти младореформаторы в роде Гайдара и Чубайса считали, что Вооруженные Силы, способные обеспечить безопасность страны, уже не нужны.

Преодолеть шоковое состояние наш народ смог не благодаря такому руководству, а вопреки ему. Наличие исторически сложившихся духовно-нравственных качеств и благодаря возрождению православия и других конфессий стало формироваться руководство возрождения, возглавляемое В.В.Путиным. Когда он говорит о том, что наше общество исчерпало лимит на революции, на радикальные перестройки, то, видимо, следует иметь в виду и то, что произошло в нашей стране в 90-е годы XX века. Подобного рода шок даже для нашего народа будет чрезмерным.

Современное капиталистическое общество переживает период во многом подобный тому, что было с СССР накануне развала. Возникает вопрос, в какой мере современное капиталистическое общество будет способным справиться с подобного рода шоком, разрешить обострившиеся демографические, энергетические, экологические, экономические и иные противоречия? Ответ на этот вопрос дал в своем выступлении на пленарном заседании клуба «Валдай» президент Российской Федерации Владимир Путин. Он заявил, что существующая модель капитализма, являющаяся основой общественного устройства в подавляющем большинстве стран, исчерпала себя. В рамках капиталистической системы нет больше выхода из клубка все более запутанных противоречий, порожденных существующим строем.

Однако перестройка М.С.Горбачева и реформы Б.Н.Ельцина были нацелены именно на капитализм, который считался нашими либеральными демократами способным на превращение нашей страны в американский образец демократии и успешной рыночной экономики. Прошло всего несколько десятилетий и оказалось, что потенциал этой системы исчерпал себя.

Поэтому В.Путин считает, что пора строить социальное государство. Но для того, чтобы не допускать просчетов и заблуждений, необходимо всесторонне изучать капитализм с точки зрения его исторической эволюции, т.е. того времени, когда он находился на подъеме и был прогрессивен, а также тогда, когда он начал «выдыхаться», трансформироваться в тормоз общественного развития и что особенно важно, превращаться в угрозу существования не только для нашей страны, но и для всего человечества. Из США и Западной Европы исходит зловещая опасность новой мировой войны.

Однако, не следует забывать, что западная цивилизация длительное время находилась в авангарде движения человечества в сторону гуманизма и прогресса. В то же время самый большой ни с чем не сравнимый ущерб окружающей среде и человечеству нанес именно Запад. Им были уничтожены не просто миллионы людей, но и целые сообщества, великие народы и цивилизации. Особенно драматическим стал XX век. Две мировые войны с невиданным ранее масштабом разрушений. Сотни локальных, региональных вооруженных конфликтов, гражданских войн, тысячи крупных террористических актов, а также кризисы, рукотворные пандемии и природные катаклизмы. Видный немецкий ученый Вальтер Шубарт отмечал: «Запад подарил человечеству самые совершенные виды техники, государственности и связи, но лишил его души» [11, С.26].

Опережающее развитие техносферы привело к тому, что западный мир вытравил из себя собственную душу, лишил духовную культуру самого главного – гуманизма. В итоге «Агрессия является единственной формой общения Запада с внешним миром, - отмечает Арнольд Тоинби. – В истории дипломатии западных держав, увлеченных западной демократией, легко проступает список сплошных безумств и несчастий человечества» [9, С.106-107]. В самом деле с момента зарождения Западная цивилизация развязала и непрерывно ведет против человечества мировую войну, доводя ее в периоды полного затмения разума своих «элит» до высшей фазы безумия.

Чтобы понять, как это произошло, рассмотрим содержание капитализма в его историческом развитии с точки зрения социально-философского анализа. С его помощью формировалась все более адекватная модель капитализма. Особое значение в этом процессе имела социально-философская концепция Томаса Гоббса [2]. Именно с нее берет начало изменение подхода к пониманию возникновения и функционирования многих сторон общественной жизни: государства, гражданского общества, труда, социального неравенства и т.д. Все элементы общества

рассматривались не как производные от государства, а как относительно самостоятельные звенья единой социальной системы. Таким образом, формировался более объективный системно-целостный образ общества.

Системно целостный подход был применен в XVIII веке Жан Жаком Руссо. С его помощью он стремился выяснить происхождение, сущность и пути преодоления социального неравенства, частной собственности и эксплуатации. На основе изучения социально-экономических отношений он представил учение об общественном договоре, суверенитете народа, подверг критике деспотические формы правления, обосновал право народа на свержение власти [8]. Как видим, в данной работе отражены важные признаки капитализма, связанные с частной собственностью и эксплуатацией человека человеком.

Важная роль в понимании социально-философских основ экономической жизни капитализма принадлежит Адаму Смиту, который исследовал природу человеческих страстей, его способностей, желаний, чувства справедливости, осуществил глубокий анализ труда, его производительности и разделения. Указал на наличие экономических законов. С них начался процесс более глубокого постижения сущности капитализма, как целостной системы.

В XIX веке усилиями таких великих социальных философов как Г.Гегель, К.Маркс, О.Конт, Г.Спенсер капитализм был представлен в развитии и функционировании всех его элементов. В социально-философской концепции Гегеля была осмыслена структура общества в целом, труд, собственность, семья, мораль, гражданское общество, народ, система общественного управления, формы государственного устройства, монархия, индивидуальное и общественное сознание, духовность, основные этапы мировой истории и т.п. О многоплановом анализе социума Гегеля К.Ясперс писал: «В философии Гегеля было высказано невысказанное до той поры богатство исторического содержания и применен поразительно привлекательный и выразительный метод диалектики в соединении с пафосом чрезвычайного знания настоящего». [12, С.23]

В отличие от социальной философии Гегеля Маркс рассматривает общество не с идеалистических позиций, а с материалистических. У него первичным определяющим является не духовное, идеальное, а материальное начало – способ производства материальных благ. Общество у него предстало как сложное специфическое образование, основу которого составляет общественное производство. Развитие общества рассматривается как естественно-исторический процесс, подчиненный определенным общесоциологическим законам. Они являются ключом к пониманию человеческой жизни как таковой. «Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т.д., - отмечает К.Маркс, - суть лишь особые виды производства и подчиняются его всеобщему закону». [5, С.117]

Особое значение Маркс придавал осмыслению частной собственности. «Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является нашим лишь тогда, когда мы им обладаем... когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т.д., - одним словом, когда мы его потребляем... Поэтому на место всех физических и духовных чувств стало простое отчуждение всех этих чувств – чувство обладания». [6, С.120] Это весьма яркая и убедительная характеристика западного общества, которое в настоящее время стало называться потребительским.

Для нашего исследования большой интерес представляют результаты изучения законов внутренней жизни буржуазного общества, изложенные Марксом в первом томе «Капитала». В нем Маркс сделал вывод о неизбежности самоуничтожения капиталистического строя и капитала. К этому он пришел на основе глубокого осмысления природы товара и денег, труда и капитала, прибавочной стоимости и эксплуатации, разделения труда и образования машинной индустрии и т.д. То, что происходит в развитых странах – США и Западной Европе, сегодня убедительно подтверждает предвидение Маркса о своеобразном «суициде» капитализма. Огромная опасность этого процесса заключается в том, что потерявшая разум элита может вовлечь в него все человечество.

Осуществленный Гегелем и Марксом переворот во взглядах на общество получил дальнейшее развитие в трудах О.Конта и Г.Спенсера. Они конкретизировали понимание структуры общества, обосновали его дифференциацию на статику и динамику, представили общество как живой социальный организм, важной закономерностью которого является движение от религиозно-

мифологических представлений к абстрактно-философским и от них к научным, способным с помощью разума открывать объективные законы природы и общества.

Начатый Гегелем процесс понятийно-категориальной оформленности знаний об обществе был продолжен и углублен Контом и Спенсером в социологии. В ее рамках проводятся исследования, степень конкретности которых явно выходит за рамки философского анализа. Примером может быть работа Э.Дюркгейма «Самоубийство. Социологический этюд». В тоже время в социологии ставятся и разрабатываются проблемы, являющиеся по уровню обобщений, методам анализа целиком и полностью социально-философскими. К такого рода теориям можно отнести работу М.Вебера «Протестантская этика и дух капитализма».

В ней сформулировано ряд важных для нашей статьи идей. По мнению Вебера, дух капитализма выражает нажива. Она является его целью. Прибыль – это мотив, цель и содержание труда, предпринимательства. «Понимающая социология» Вебера нацелена на выявление смысла в жизни капиталистического общества. К сожалению, в настоящее время развитие западного общества протекает так, что традиционный смысл существования постепенно теряется. В определенной мере это является результатом влияния протестантизма, который освободил людей от чувства вины за свое богатство. Согласно протестантизму нечестность, если она приносит прибыль, столь же ценна, как и честность.

Сегодня это утверждение проявляется и в сфере международных отношений. Откровенная ложь со стороны США и стран Западной Европы способствовала развалу СССР, а в последствии и появлению множества так называемых цветных революций. В конечном итоге это привело к рубежу, за которым находится тотальная война. Создается ощущение, что западная элита не осознает опасности, т.е. находится в состоянии безумия. Реально она способна перейти красную черту, за которой находится точка невозврата.

Рассматривая вопрос о причинах бедственного положения капитализма следует исходить из того, что смена одного социально-экономического строя другим является общей закономерностью развития человечества. На смену первобытному строю пришел рабовладельческий. Его сменил феодальный, в недрах которого зародился капитализм. И вот, видимо, пришло и его время уступить место следующему более отвечающему духу истории строю.

Из сказанного вытекает, что первой и основной причиной ослабления, дряхления капитализма является закон смены общественно-экономических формаций. Это подобно тому, как человек неотвратимо приближается к старости, а затем и к смерти. Никто не может избежать этой печальной участи. В полной мере это относится и к капитализму, который в период молодости обладал огромным потенциалом, но по мере существования, старения его возможности ослабевали, потенциал на нынешнем этапе жизни исчерпывается.

Второй определяющей причиной движения капитализма к логическому завершению существования является его зависимость от мировоззрения. Я разделяю мнение авторов «Проекта России», что основополагающим является мировоззрение. Именно оно выступает тем фактором, на основе которого формируется экономика, политика и другие сферы общества. [7, С.25] Примером может быть марксизм-ленинизм. Будучи мировоззрением в СССР он в качестве идеологии оказывал определяющее воздействие на все сферы жизни общества. В конечном итоге благодаря руководству КПСС был превращен в догму, в единственно верное учение. Это стало одной из причин того, что социализм, а вместе с ним и СССР прекратил свое существование.

Доминировавшая на Западе 40-х годов XX столетия система воззрений предполагала существование социального государства, в соответствии с которым капитал был вынужден делиться с народом через большие налоги, высокие зарплаты рабочим и служащим, программы медицинского и социального страхования, достойным пособиям по безработице и т.п. Это был Запад, о котором Н.С.Хрущев вынужден был сказать, что не у нас построен социализм, а у них.

Сложившееся на Западе мировоззрение было основано на системе взглядов Дж.Кейнса, который полагал, что государство должно заставить богатых раскошелиться ради создания будущего. Однако, такое положение дел не устраивало западную элиту. С приходом к власти в Англии М.Тэтчер, а в США Р.Рейгана положение изменилось. В основу их мировоззрения была положена теория

«монетаризма», в соответствии с которой богатые становятся еще богаче, а бедные – еще беднее. Она реализуется в политике неограниченного капитализма.

Одним из создателей теории монетаризма был знаменитый Мильтон Фридман. Он отстаивал идею максимального освобождения рынка при минимуме государственного регулирования и беспепелляционно утверждал, что либерализм есть единственно верное учение. Господство либерального фундаментализма в западной культуре не оздоровило капитализм, а вызвало ряд новых симптомов, усугубляющих и без того его тяжелое состояние. К ним можно отнести:

– Благодаря этому мировоззрению на Западе разразился не просто финансово-экономический кризис, а кризис самого капитализма, подошедшего к завершению своей жизни, т.е. по сути его агония. Капитализм подошел к своему логическому завершению в конце индустриального общества [1, С.27];

– В соответствии с теорией «постиндустриализма» Запад вынес свою индустрию в Азию. В итоге США превратились в центр эмиссии денег и средоточие потребления. Общество потребления без производства оказалось самоубийственным, кризисным по своему определению. Оно окончательно исчерпало свои возможности;

– Англосаксонский финансовый капитализм с центрами в Нью-Йорке и Лондоне стал оплотом бесплодной экономики, финансовых спекуляций и операций «деньги - деньги». Экономика Запада перестала быть нацеленной на создание прорывных технологий в промышленности, транспорте и сельском хозяйстве. Она не заинтересована в финансировании фундаментальных научных исследований. Возобладал принцип делать прибыль только из денег и спекуляций;

– Америка начала жить не по средствам, наращивая военные расходы и поддерживая высокий уровень потребления. Это едва не кончилось катастрофой. Только благодаря недальновидности Горбачева и Ельцина, позволивших развалить СССР, США получив гигантские средства сумели преодолеть этот кризис;

– в долларовой системе США возникли серьезные проблемы, связанные с потребностью в грандиозном притоке денег. От решения этих проблем зависит преодоление глубокого экономического спада и возможной девальвации доллара [3];

– губительными для западной системы являются колоссальный дефицит внешней торговли США, рост числа стариков при уменьшении числа молодых и работоспособных, упадок системы образования и медицины. Каким будет будущее капитализма при таких признаках? [4]

– на основе ничем не ограниченного капитализма и оголтелого протестантизма в сознании западной элиты сложился комплекс представлений об уменьшении роли государства, дерегуляции всего, тотальной приватизации и снижения издержек частного бизнеса. Все это не способствовало развитию капитализма.

Литература:

1. Глобальный смуткризис / М., Калашников. – Минск: Харвест, 2009. – С.27.
2. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. - М., АСТ, 2021. – 800 с.
3. Кобяков А.Б., Хазин М.Л. Закат империи доллара и конец «Рах амерісана» - М., 2003.
4. Лестер К. Туроу. Будущее капитализма. – Новосибирск, Сибирский хронограф, 1999.
5. Маркс К., Энгельс Ф. «Экономическо-философские рукописи» Полное собр. соч. Т.42, издание второе, издательство Политической литературы, М., 1974 - С.117.
6. Маркс К., Энгельс Ф. «Экономическо-философские рукописи» Полное собр. соч. Т.42, издание второе, издательство Политической литературы, М., 1974 - С.120.
7. Проект Россия. Третья книга. Третье тысячелетие. – М.: Эксмо, 2009. – С.25.
8. Руссо Ж.Ж. Общественный договор или принципы общественного права. – М., Юрайт. - 2020. – 146 с.
9. Тоинби А. Цивилизация перед судом истории. - М., 1996. – С.106-107.
10. Тоффлер Э. Шок будущего. - Москва, Изд-во АСТ - 2002.
11. Шубарт В. Европа и душа Востока. - М., 2003. - С.26.
12. Ясперс К. Духовная ситуация времени – М., 1990 – С.23.

Информация об авторе:

В.И. Антоненко, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных социальных дисциплин Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

Information about the author:

V.I. Antonenko, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Social Disciplines, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

УДК 316

**ОТНОШЕНИЕ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА
К ИЗМЕНЕНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК,
СВЯЗАННЫХ С ЦИФРОВИЗАЦИЕЙ ПРОЦЕССА ОБРАЗОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ С БАЛЛЬНО-РЕЙТИНГОВОЙ СИСТЕМОЙ)**

Кирилина Т.Ю. ¹, Лапшинова К.В. ²

^{1,2} Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия

В фокусе данной статьи находятся вопросы отношения преподавателей высшей школы к изменениям образовательных практик, связанных с цифровизацией процесса образования. В частности, были рассмотрены проблемы работы профессорско-преподавательского состава с балльно-рейтинговой системой (далее – БРС) и электронным журналом. Результаты исследования базируются на данных анкетирования, проведенного в марте-апреле 2021 года. В опросе приняли участие 86 преподавателей университета в возрасте от 26 до 77 лет. Анализ собранных данных показал, что введение балльно-рейтинговой системы в образовательный процесс вызывает еще много вопросов, в первую очередь, связанных с правами и обязанностями преподавателя при оценивании им знаний студента, а также с критериями, в соответствии с которыми БРС выставляет оценки и соответственно с релевантностью самих этих оценок.

Цифровизация образования, профессорско-преподавательский состав, образовательные практики, балльно-рейтинговая система, электронный журнал.

Для цитирования: Кирилина Т.Ю., Лапшинова К.В. Отношение профессорско-преподавательского состава к изменению образовательных практик, связанных с цифровизацией процесса образования (на примере работы с балльно-рейтинговой системой) // Социально-гуманитарные технологии. 2021. №4 (20). С. 11-18.

**TEACHERS' ATTITUDE TOWARDS CHANGES IN EDUCATIONAL PRACTICES RELATED
TO DIGITALIZATION OF EDUCATIONAL PROCESS (USING THE EXAMPLE OF THE WORK
WITH A POINT AND RATING SYSTEM)**

Kirilina T.Yu. ¹, Lapshinova K.V. ²

^{1,2} State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia

The article deals with the issues of the attitude of the high school teaching staff towards changes in educational practices related to the digitalization of the educational process. In particular, problems of the teachers' work with electronic journal and point and rating system were considered. The results of the research are based on data of the survey conducted in March-April 2021. 86 university teachers aged from 26 to 77 years took part in it. The analysis of the collected data showed that the introduction of a point and rating system into the educational process raises many more questions, primarily related to the rights and duties of the teacher in assessing the student's knowledge, as well as the criteria according to which the rating system evaluates and, accordingly, the relevance of these assessments themselves.

Digitalization of education, teaching staff, educational practices, point and rating system, electronic journal.

For citation: Kirilina T.Yu., Lapshinova K.V. Teachers' attitude towards changes in educational practices related to digitalization of educational process (using the example of the work with a point and rating system). *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2021; 4 (20): 11-18. (In Russ.)

В настоящее время происходит быстрое распространение цифровых технологий, что ведет к качественным изменениям в сферах производства и потребления. Основу современного производства составляют процессы автоматизации и роботизации (интеллектуализации) всех видов производственных процессов. Эти изменения захватывают и область образования, которая занимает одно из центральных мест в становлении цифровой экономики. [3, с. 11-13]

С одной стороны, цифровые технологии быстро распространяются и обновляются, открывают для педагогов и обучающихся неограниченные возможности для доступа к цифровым инструментам, материалам и сервисам. С другой стороны, цифровизация образования требует новых методических решений, которые будут использовать новые педагогические возможности. [3, с. 14-15] Как показал ускоренный переход российской системы образования на онлайн-обучение в связи с распространением коронавирусной инфекции и обучающиеся, и педагоги оказались к этому не готовы в полной мере. К тому же остаются открытыми вопросы информационной безопасности России в контексте ускоренной цифровизации [2], а также интеллектуальной собственности, стимулирования деятельности профессорско-преподавательского состава [1] в условиях возросших нагрузок и временно-трудовых затрат и др.

Для анализа отношения профессорско-преподавательского состава к изменению образовательных практик, связанных с цифровизацией процесса образования, в марте-апреле 2021 года был проведен анкетный опрос преподавателей системы высшего образования. В исследовании приняли участие 86 преподавателей университета (ВО) в возрасте от 26 до 77 лет. Респонденты женского пола составили 64%, мужского – 36%. Более половины участников опроса (60,5%) являются доцентами, каждый шестой (15,1%) – профессором, 12,8% – старшим преподавателем. Около половины опрошенных (47,7%) имеют 1,5 ставки, 14% – 1,0 ставки, 12,8% – 0,5 ставки. Абсолютное большинство опрошенных (93,0%) читают дисциплины для бакалавров, более половины для специалитета (57,0%) и магистратуры (54,7%), около четверти (23,3%) – для аспирантов.

Одним из базовых элементов цифровизации в образовании является введение в рабочий процесс балльно-рейтинговой системы (далее – БРС).

Более половины (54,7) представителей профессорско-преподавательского состава отлично осведомлены о работе с БРС и изучили соответствующие инструкции и положения о правилах работы данной системы. Тем не менее, треть опрошенных преподавателей (33,7%) имеют только общие представления о БРС. Лишь 2,3% опрошенных признались, что ничего не знают о БРС, а 3,5% работают с БРС на основе личного опыта.

Для оценки качества образования необходимо учитывать и насколько с помощью БРС можно оценить реальный уровень подготовки учащегося.

Более половины опрошенных преподавателей (57%) полагают, что набранное за семестр количество баллов по БРС в целом не соответствуют действительному уровню знаний студента (сумма ответов «Скорее не соответствует» и «Не соответствует абсолютно»). Противоположной точки зрения придерживаются 39,5% участников опроса (сумма ответов: «Да, полностью соответствует» и «Скорее соответствует»). Более подробная информация представлена на рисунке 1.

Цифровизация процесса образования предполагает автоматизацию документооборота, в частности работу профессорско-преподавательского состава с электронным журналом и электронными ведомостями. Результаты опроса показали, что подавляющему большинству опрошенных преподавателей (79,1%) удобнее работать с электронными ведомостями, которые находятся в электронном журнале, чем с их бумажными аналогами. Только каждый шестой участник опроса (16,3%) предпочитает работать традиционно с бумажными ведомостями (см. таблицу 1).

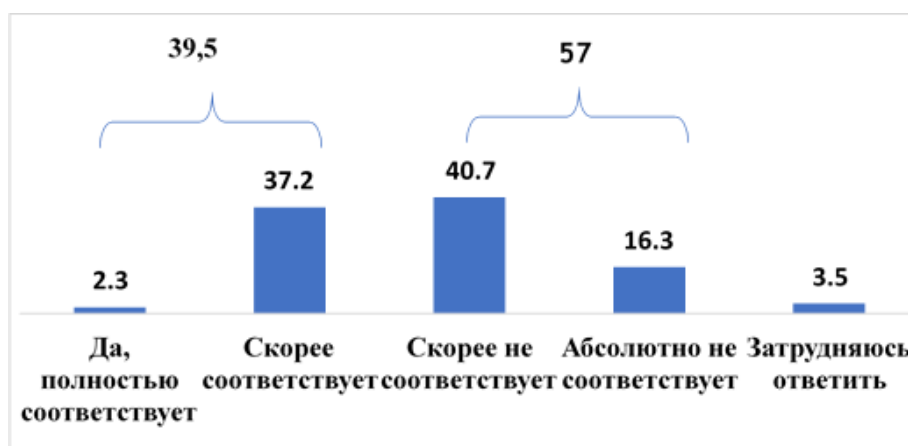

Рисунок 1 – Ответы на вопрос: «Считаете ли Вы, что набранное за семестр количество баллов по БРС соответствует действительному уровню знаний студента?» (%)

Таблица 1
Предпочитаемый вид ведомости (%)

С какими ведомостями Вам удобнее работать?	%
С электронными	79,1
С бумажными	16,3
Затрудняюсь ответить	4,7

Острые дискуссии вызвал вопрос о том, должна ли БРС автоматически выставлять студенту оценку в конце семестра. Так, почти половина опрошенных преподавателей (46,3%) выразили убеждение, что электронная балльно-рейтинговая система не должна автоматически в конце семестра выставлять оценки, а только показывать, сколько баллов набрал студент. Около трети респондентов (30,5%) полагают, что в конце семестра БРС должна эту оценку поставить студенту «автоматом» по его желанию, а если он с ней не согласен, то он сдает зачет/экзамен по традиционной системе. Около пятой части опрошенных (18,3%) полагают, что БРС должна выставлять оценки автоматически в конце семестра, но это будет означать только формальный допуск к зачету/экзамену. Далее студенты сдают зачет/экзамен по традиционной системе, чтобы подтвердить свои знания для этой оценки/зачета (см. таблицу 2).

Таблица 2
Отношение к выставлению оценок БРС автоматически (%)

Должна ли электронная балльно-рейтинговая система автоматически в конце семестра выставлять оценки (зачет, оценку за экзамен)?	%
Да, без возможности пересдать без уважительной причины	4,9
Да, можно поставить "автомат" по желанию студента	30,5
Да, но это только допуск к сессии	18,3
Нет, не должна	46,3

Около половины респондентов (45,3%) убеждены, что даже если электронная балльно-рейтинговая система проставила студенту экзаменационную оценку/зачет, студент все равно обязан присутствовать, чтобы сдать экзамен/зачет. Более четверти опрошенных полагают, что, если электронная БРС проставила студенту экзаменационную оценку/зачет он должен присутствовать на экзамене/зачете, но только для подтверждения. Менее пятой части участников опроса (17,4%) считают, что, в этом случае учащийся может не присутствовать на экзамене/зачете (см. таблицу 3).

Таблица 3
Необходимость присутствия студента на экзамене/зачете (%)

Как Вы думаете, если электронная балльно-рейтинговая система проставила студенту экзаменационную оценку/зачет, может ли он не присутствовать на экзамене/зачете?	%
Да, может не присутствовать на экзамене/зачете	17,4
Нет, должен присутствовать, но только для подтверждения	29,1
Нет, студент обязан присутствовать, чтобы сдать экзамен/зачет	45,3
Затрудняюсь ответить	8,2

Серьезные споры и дискуссии в академической среде до сих пор вызывают вопросы проставления оценки во время сессии «автоматом», так как во многих вузах до сих пор в нормативно-правовых документах не прописаны четко условия и возможности проставления экзаменационных оценок таким способом. Это приводит к тому, что ряд преподавателей ставит такие оценки нелегально и субъективно. Чтобы прояснить данную ситуацию, нами был задан респондентам вопрос о том, должна ли возможность учащегося получить оценку за экзамен/зачет «автоматом» (при условии набора им определенного количества баллов) быть прописана в положении о БРС. Почти половина преподавателей, принявших участие в опросе (48,8%), высказали убеждение, что возможность студента получить оценку за экзамен/зачет «автоматом» (при условии набора им определенного количества баллов) должна быть прописана в положении о БРС. Противоположной точки зрения придерживаются 40,7% (см. таблицу 4).

Таблица 4
Отношение к проставлению оценки «автоматом» (%)

Должна ли возможность студента получить оценку за экзамен/зачет «автоматом» (при условии набора им определенного количества баллов) быть прописана в положении о БРС?	%
Да, это обязательно	48,8
Нет, это не обязательно	40,7
Затрудняюсь ответить	10,5

Более двух третей опрошенных (67,1%) убеждены, что на итоговую оценку должна влиять и работа студента в течение семестра (*посещение занятий, сдача отчетов, выполнение контрольных, лабораторных работ и т.д.*), и ответ на экзамене/зачете. Более четверти респондентов (27,1%) полагают, что оценка должна определяться только результатами работы в течение семестра (*посещение занятий, сдача отчетов, выполнение контрольных, лабораторных работ и т.д.*) и может быть выставлена без сдачи экзамена/зачета.

Только 3,5% опрошенных преподавателей считают, что оценка должна определяться исключительно результатами экзамена/зачета, а работа в течение семестра может особо строго не учитываться, главное набрать необходимое количество баллов для допуска к сессии (см. таблицу 5).

Таблица 5
Способы формирования итоговой оценки по дисциплине (%)

Как, по Вашему мнению, должна формироваться итоговая оценка по дисциплине?	%
Оценка должна определяться результатами экзамена/зачета	3,5
Должна влиять работа в семестре и ответ на сессии	67,1
Должна определяться результатами работы в течение семестра	27,1
Другое	2,4

Более трех четвертей опрошенных преподавателей (77,9%) считают, что преподавателям необходимо дать возможность изменять экзаменационные оценки и оценки за зачет, выставленные автоматически электронной БРС, как в положительную, так и в отрицательную сторону, так как студент может прийти на зачет/экзамен неподготовленным. Исходя из этого, встает вопрос о

целесообразности вообще выставления автоматической оценки БРС, так как ее значимость полностью нивелируется.

Около пятой части респондентов (16,3%) высказали убеждение, что преподаватель должны иметь возможность менять оценку, выставленную автоматически электронной БРС, только в положительную, так как в течение семестра студент уже заработал определенную оценку и ниже ставить нельзя (см. таблицу 6).

Таблица 6
Отношение к возможности преподавателя самостоятельно изменять оценки, выставленные автоматически БРС (%)

Считаете ли Вы необходимым дать возможность преподавателям изменять экзаменационные оценки и оценки за зачет, выставленные автоматически электронной балльно-рейтинговой системой, как в положительную, так и в отрицательную сторону?	%
Да, но только в положительную	16,3
Да, но изменять и в положительную, и в отрицательную сторону	77,9
Нет, оценки, выставленные БРС, менять нельзя	2,3
Другое	3,5

Цифровизация образования предполагает также активную работу профессорско-преподавательского состава с электронным журналом.

Здесь стоит также отметить, что почти половина респондентов (49 %) высказала пожелание, чтобы преподаватель всегда имел возможность работать с электронным журналом, в том числе и в период сессии. Более пятой части опрошенных (22,0 %) убеждены, что электронный журнал нужно закрывать для редактирования преподавателем в день начала сессии, но должна быть предусмотрена колонка, куда можно будет выставить баллы тем, у кого «недопуск».

По мнению 15 % участников опроса электронный журнал нужно закрывать для редактирования преподавателем в день начала сессии, поскольку это снимет все вопросы студентов с набранными баллами до сессии. Студенты выходят на сессию с теми баллами, которые заработали в течение семестра.

А 13 % полагают, что электронный журнал нужно закрывать для редактирования преподавателем в день начала сессии, но на случай форс-мажора у деканата должно быть право открыть журнал преподавателю в период сессии на определенный срок по его заявлению с указанием причины (см. таблицу 7).

Таблица 7
Отношение преподавателей к закрытию электронного журнала для редактирования в период сессии (%)

Как Вы думаете, нужно ли закрывать электронный журнал для редактирования преподавателем в день начала сессии (кроме колонки под итоговую аттестацию), чтобы у преподавателя уже не было возможности вносить дополнительные баллы студентам и повышать им итоговую оценку тем самым?	%
Да, это снимет все вопросы студентов	15,0%
Да, но должна быть предусмотрена колонка для добора баллов	22,0%
Да, но у деканата должно быть право открыть журнал преподавателю	13,0%
Нет, должна быть возможность всегда работать с журналом	49,0%
Другое	1,0%

Не для кого не секрет, что многие современные студенты очной формы обучения совмещают учебу в вузе и работу. Из-за чего периодически пропускают занятия в университете. Из-за этого встает вопрос, с введением балльно-рейтинговой системы должна ли посещаемость студентом учебных занятий оказывать влияние на итоговую экзаменационную оценку.

Почти половина опрошенных (40%) полагают, что посещаемость не должна влиять на экзаменационную оценку, только если студент пропустил много занятий по уважительной причине

(что подтверждают официальные документы). В таком случае он может претендовать и на оценку «отлично», если достойно ответил на экзамене. Более трети опрошенных (37,6%) высказали убеждение, что посещаемость должна оказывать влияние на итоговую оценку. Если студент пропустил много занятий, то он не должен иметь возможность претендовать на оценку «отлично», даже если достойно ответил на экзамене. Менее пятой части опрошенных преподавателей (17,6%) солидарны с мнением, что посещаемость не должна влиять на экзаменационную оценку. Студент мог пропустить много занятий, в том числе без уважительной причины, но все выучить и достойно ответить на экзамене. В таком случае он также может претендовать и на оценку «отлично» (см. таблицу 8).

Таблица 8
Отношение преподавателей к закрытию электронного журнала для редактирования в период сессии (%)

Какое влияние должна оказывать посещаемость студентом учебных занятий на итоговую экзаменационную оценку?	%
Посещаемость не должна влиять на экзаменационную оценку	17,6
Посещаемость не должна влиять на оценку, если была причина	40,0
Посещаемость должна оказывать влияние на итоговую оценку	37,6
Другое	4,8

Интересным представляется вопрос, должны ли заслуги студентов за различные виды деятельности (*например, участие в спортивных соревнованиях, конференциях, КВН, проектной деятельности и др.*) влиять на баллы, набранные в семестре, по учебной дисциплине. Так, более трети опрошенных (38,4%) считают, что заслуги студентов за различные виды деятельности (*например, участие в спортивных соревнованиях, конференциях, КВН, проектной деятельности и др.*) не должны влиять на баллы, набранные в семестре, поскольку эти мероприятия не имеют отношения к учебному процессу по учебной дисциплине.

Около трети опрошенных (32,6%) высказали убеждение, что заслуги студентов за различные виды деятельности должны влиять на баллы, набранные в семестре, по учебной дисциплине, только в том случае, если эти мероприятия носят научно-образовательный характер (*участие в конференции, публикация научной статьи, проектная деятельность и др.*). Не распространять эти правила на общественные, культурные и спортивные мероприятия.

Более четверти опрошенных (27,9%) полагают, что заслуги студентов за различные виды деятельности должны влиять на баллы, набранные в семестре, но, у преподавателя должно остаться право не засчитывать эти «дополнительные» баллы.

Менее четверти респондентов (23,3%) считают, что заслуги студентов за различные виды деятельности (*например, участие в спортивных соревнованиях, конференциях, КВН, проектной деятельности и др.*) должны влиять на баллы, набранные в семестре, поскольку это будет мотивировать студентов участвовать в различных мероприятиях. Но, количество таких «дополнительных» баллов не должно быть больше какого-то определенного фиксированного значения (*например, не более 10 баллов на дисциплину*). Более подробная информация представлена на таблице 9.

Таблица 9
Отношение преподавателей к учету заслуг студентов за различные виды деятельности при выставлении оценки (%)

Должны ли заслуги студентов за различные виды деятельности (<i>например, участие в спортивных соревнованиях, конференциях, КВН, проектной деятельности и др.</i>) влиять на баллы, набранные в семестре, по учебной дисциплине?	%
Нет, не должны. Эти мероприятия не имеют отношения к учебному процессу по учебной дисциплине	38,4%

Да, это возможно. Но, только если эти мероприятия носят научно-образовательный характер (<i>участие в конференции, публикация научной статьи, проектная деятельность и др.</i>). Не распространять эти правила на общественные, культурные и спортивные мероприятия	32,6%
Да, это возможно. Но, у преподавателя должно остаться право не засчитывать эти «дополнительные» баллы	27,9%
Да, это будет мотивировать студентов участвовать в различных мероприятиях. Но, количество таких «дополнительных» баллов не должно быть больше какого-то определенного фиксированного значения (<i>например, не более 10 баллов на дисциплину</i>)	23,3%
Затрудняюсь ответить	23,3%

Результаты исследования показали:

- Более половины преподавателей отлично осведомлены о нормативных документах по балльно-рейтинговой системе.
- Набранное за семестр количество баллов по БРС в целом не соответствуют действительному уровню знаний студента.
- Студент должен набрать в течение семестра не менее 50 баллов, чтобы иметь допуск к зачету/экзамену.
- Электронная балльно-рейтинговая система не должна автоматически в конце семестра выставлять оценки, а только показывать, сколько баллов набрал студент.
- Итоговая ведомость не должна содержать столбцы, где будут выставляться баллы студента, набранные в течение семестра.
- Преподаватель всегда должен иметь возможность работать с электронным журналом, в том числе и в период сессии.
- Подавляющему большинству опрошенных преподавателей удобнее работать с электронными (в электронном журнале) ведомостями.
- Возможность студента получить оценку за экзамен/зачет «автоматом» (при условии набора им определенного количества баллов) должна быть прописана в положении о БРС.
- Преподавателям необходимо дать возможность изменять экзаменационные оценки и оценки за зачет, выставленные автоматически электронной БРС, как в положительную, так и в отрицательную сторону, так как студент может прийти на зачет/экзамен неподготовленным.
- Заслуги студентов за различные виды деятельности должны влиять на баллы, набранные в семестре, по учебной дисциплине, только в том случае, если эти мероприятия носят научно-образовательный характер (*участие в конференции, публикация научной статьи, проектная деятельность и др.*).
- Необходимо первоначально проконсультироваться с преподавателем, по дисциплине которого проставляются баллы, полученные студентом за различные виды созидательной активности (*например, за внеучебную деятельность, международное сотрудничество и др.*).

Подводя итоги, можно сказать, что постепенно профессорско-преподавательский состав адаптируется и осваивает новые образовательные практики, связанные с цифровизацией образовательного процесса. В первую очередь преподаватели сталкиваются с необходимостью работать с электронными журналом и ведомостями. Результаты опроса показывают, что введение балльно-рейтинговой системы в образовательный процесс вызывает еще много вопросов, в первую очередь, связанных с правами и обязанностями преподавателя при оценивании им знаний студента, а также с критериями, в соответствии с которыми БРС выставляет оценки и соответственно с релевантностью самих этих оценок.

Литература:

1. Захарова В.Е., Уражко Т.В., Лапшинова К.В. Стимулирование деятельности профессорско-преподавательского состава как фактор развития инновационного потенциала «МГОТУ» // Инновационные технологии в современном образовании. Сборник материалов IV Международной научно-практической интернет-конференции, 2017. С. 260-265.
2. Лапшинова К.В., Подольская А.А. Проблемы информационной безопасности России в контексте отношения молодежи к информационной войне // Социально-гуманитарные технологии. – 2020. – № 2(14). – С. 44-53

3. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования. / Под редакцией А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. https://ioe.hse.ru/data/2019/07/01/1492988034/Cifra_text.pdf (дата обращения 04.12.2021)

Информация об авторах:

Т.Ю. Кирилина, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

К.В. Лапшинова, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, лётчика-космонавта А.А. Леонова», Королёв, Россия.

Information about the authors:

T.Yu. Kirilina, Doctor of Sociology, professor, the Head of the Department of Humanity and Social Disciplines, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

K.V. Lapshinova, PhD {Sociology}, associate professor of the Department of Humanity and Social Disciplines State Educational Institution of Higher Education Moscow Region “LEONOV Moscow Region University of Technology”, Korolev, Russia

УДК 316

СОЦИАЛЬНЫЙ РЕГРЕСС КАК КОНСТАНТА СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ Ларионов А.Э. ¹, Новичков А.В. ²

^{1,2} Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия

Статья написана в рамках дискурса теоретической социологии и посвящена постановке проблемы социального регресса как универсальной константы мирового социального развития человечества. По мнению авторов, в условиях нарастания глобальной турбулентности и очевидных разрушительных последствий глобализации назрела острая необходимость всестороннего изучения феномена социального регресса, его факторов, причин и проявления для последующей выработки наиболее адекватной целостной стратегии по преодолению негативных следствий от стратегически ошибочных решений и возвращению России и человечества к восходящей траектории развития.

Социальный регресс, социологическая теория, макросоциология.

Для цитирования: Ларионов А.Э., Новичков А.В. Социальный регресс как константа социальной динамики: к постановке проблемы // Социально-гуманитарные технологии. 2021. №4 (20). С. 19-26.

SOCIAL REGRESSION HOW THE CONSTANT OF SOCIAL DYNAMICS: TO THE PROBLEM STATEMENT

Larionov A.E. ¹, Novichkov A.V. ²

^{1,2} State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia

The article is written within the framework of the discourse of theoretical sociology and is devoted to the formulation of the problem of social regression as a universal constant of the global social development of mankind. According to the authors, in the conditions of increasing global turbulence and the obvious destructive consequences of globalization, there is an urgent need for a comprehensive study of the phenomenon of social regression, its factors, causes and manifestations for the subsequent development of the most adequate holistic strategy to overcome the negative consequences of strategically erroneous decisions and the return of Russia and humanity to an upward trajectory of development.

Social regression, sociological theory, macrosociology.

For citation: Larionov A.E., Novichkov A.V. Social regression how the constant of social dynamics: to the problem statement. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2021; 4 (20): 19-26. (In Russ.)

Представляется, что современные социально-гуманитарные науки испытывают явный дефицит «большой теории». Социология не является исключением. Фундаментальные исследования всё в большей мере уступают место прикладным исследованиям, опросам, измерений рейтингов и т.п. Чтобы убедиться в сказанном, достаточно ознакомиться с содержанием главного отечественного социологического журнала – «Социологические исследования». Для примера возьмём 2020 год. В каждом из номеров на 15-20 статей основного содержания приходится в среднем не более 1-2-х, в которых так или иначе затрагиваются проблемы фундаментально-теоретического характера. Если же брать весь массив публикаций (с рецензиями, юбилейными заметками, анонсами), то соотношение

будет ещё меньше. При этом, даже в этих статьях анализируются уже существующие теории, но не делается попыток выйти на уровень формулировки теорий новых и собственных. Сразу оговоримся: сказанное не есть ни в коем случае попытка дезавуирования отечественной социологической науки либо авторитетнейшего журнала, её представляющего! И мы прекрасно осознаём, что осуществлять внешний критический анализ всегда легче, нежели проводить собственные исследования и качественно репрезентовать их результаты в пространстве академического дискурса. Однако и игнорировать объективный факт абсолютного доминирования прикладных и эмпирических социологических исследований над теоретическими – также невозможно.

Между тем, как мы знаем, социология как один из способов познания сущего является «дочкой» позитивизма. Который претендовал на открытие универсальных законов бытия и развития, интеллигентных и пригодных как к познанию, так и изменению реальности в интересах человечества. В позитивизме гносеологический оптимизм Просвещения был доведён *ad ultima limes*. Хотя трагические катаклизмы XX столетия изрядно подорвали веру в прогресс и всемогущество человеческого разума, однако же, сам исходный посыл к открытию универсальных истин бытия природы, общества и человека едва ли может быть подвергнут редукции в рамках классической академической парадигмы. По нашему мнению, только на одной и может быть основано подлинное научное знание, тогда как всевозможные версии постмодернистского нигилизма и релятивизма уничтожают науку, этику и, в конечном счёте, грозят уничтожить само общество [10]. Потому мы их не рассматриваем в качестве основы для дальнейших штудий, солидаризируясь с академической позицией авторитетного российского философа и методолога [9].

При всех известных ныне недостатках позитивизма, он обусловил не только рождение, но также рост и успехи социологической науки. Имена Питирима Сорокина [12], Макса Вебера [3], Эмиля Дюркгейма [6] давно вышли за пределы национальных границ их родных стран, став символами мировой науки и её достижений. Однако эти исследователи и многие другие вошли в историю научного познания как авторы больших теоретических построений, открывшие универсальные законы развития общества, сформулировавшие большое количество фундаментальных терминов, без которых ныне немыслимо изучение социологии. Но едва ли эти великие умы пришли бы в восторг, узнав о стагнации теоретических изысканий в столь любезной их сердцам социологии и столь явному дифференту последнего поколения социологов в сторону эмпирики в ущерб теории.

Авторы настоящей статьи, будучи по профилю образованию и научным интересам историками, не претендуют на совершение открытий или переворота/научной революции в области социологии. Однако, дабы упредить возможные упреки в дилетантизме, сошлёмся на мощнейший пласт взаимосвязей истории и социологии. Вебер и Сорокин основывали свои фундаментальные концепции на историческом материале и постоянно апеллировали к истории. Современные маститые учёные с мировым именем, такие, как Рэндалл Коллинз [8] или Иммануил Валлерстайн [2] могут быть в равной степени обозначены как историки и социологи одновременно, причём никто не возьмётся сказать, чего именно в их творчестве больше! Одновременно, в их, не без основания претендующих на фундаментальность трудах делаются весьма интересные попытки построения теорий, объясняющих тенденции развития общества в темпоральной динамике. Теории могут быть не лишены противоречий и слабых мест, но маститые авторы этого не боятся. Гораздо страшнее для науки не пытаться искать истину и опасаться постигать тайны бытия только лишь из превентивной боязни ошибки! Бессспорно, неправомерно делать выдвигание новой значимой теории в области социологии и социальной истории некоей самоцелью. Погоня за оригинальностью может обернуться популизмом и потерей фундаментальности, а то и лженаучностью. По нашему мнению, кроме предложения новой парадигмы, подлинно научная в сфере социально-гуманитарного знания теория должна, во-первых, опираться на реальность; во-вторых, откликаться на насущные проблемы, тревоги и запросы общества, предлагая варианты их разрешения; в-третьих, обладать убедительным прогностическим потенциалом; в-четвёртых, с достаточной самокритичностью использовать гносеологический принцип «бритвы Оккама», то есть не умножать сущностей сверх необходимого и не превозносить априори сложных объясняющих моделей в тех случаях, когда можно обойтись более простыми (но не примитивными!) объяснениями.

По нашему мнению, количество тектонических сдвигов в современных обществах достигло таких величин, что переход их (обществ) в иное качество становится заметен невооружённым глазом. Современное социально-гуманитарное знание не может игнорировать происходящие перемены и обязано подвергнуть их всестороннему – не исследованию даже, а осмыслению. Попытаться отыскать в них такие универсальные закономерности, которые позволят если не полностью исключить, то хотя бы купировать или минимизировать риски трансформационных переходов, не позволив возникающим всплескам «глобальной турбулентности» обрушить здание цивилизации и лишить человечество надежд и перспектив на будущее. Примечательно, что само употреблённое двумя строками выше концептуальное понятие было введено Джеймсом Розенау в рамках его макрополитической концепции в 1990 году, когда биполярный миропорядок и построенный на принципах социальной справедливости Советский проект доживали последние месяцы: «... Неопределённость является главной характеристикой турбулентной политики. В то время как колебания переменных составляющих обычно придерживаются признаваемых моделей, закономерности исчезают, когда устанавливается турбулентность» [11]. Эти слова были опубликованы более 30 лет назад. Тогда, в момент зримого и быстрого крушения социалистического общества, действительно можно было, глядя из-за океана, говорить о наступлении турбулентности, формировании точек бифуркации глобального развития и т.п. Как ответ-продолжение на книгу Розенау можно рассматривать опубликованную в 1995 году работу французского социального философа Эрвина Ласло «Век бифуркации. Постижение изменяющегося мира». На первых страницах которой мы можем прочесть буквально следующее: «Мы стали свидетелями наступления эры, когда диапазон возможных вариантов жизни на нашей планете – её качества и даже сохранения – во многом, если не целиком, определяется нами, людьми, обитающими на Земле... Наше время стало свидетелем разительных перемен, которые перевели основополагающую идею – представление о том, что наш мир и в будущем, как и прежде, будет зависеть от того, что думаем, говорим и делаем мы, люди, – из области банальных истин в область научных принципов» [7, с. 3]. Данный автор смотрит в будущее с тревогой, но и с оптимизмом. Сегодня, по прошествии 3-х десятилетий после распада СССР, наблюдая окружающие нас реалии глобального, национального и даже локального уровня, мы уже не можем солидаризироваться с таким оптимизмом. Под личиной свободы постмодерна в права всё больше вступает контрмодерн. На глазах происходит отказ от важнейших социальных, политических, правовых, культурных завоеваний предшествующей эпохи Модерна. Взамен же измученным неопределённостью людям предлагается...мир виртуальных иллюзий и пороков в интернете. Этот размен уже не назвать ни альтернативой, ни стагнацией – с полным правом можно назвать его эпохой системного социального регресса.

Нельзя сказать, что в отечественном гуманитарном и социальном дискурсе вовсе не предпринималось попыток осмысления регрессивных явлений и тенденций общественного развития. На тему деградации общества и отдельных сфер его жизни, редукционистских интенций социальной динамики пишутся и публикуются статьи и книги, делаются научные доклады, публикуются монографии. Также наблюдается и такой феномен, когда представители разных научных отраслей, работая каждый в очерченной сфере своей деятельности и научных интересов, констатируют негативные и разрушительные тенденции по собственному профилю, выявляют их причины, указывают виновников (людей, законы, политические и социально-экономические модели). Однако, делается это в узкопрофильном формате, почти без попыток обобщения, выработки метаязыка и перехода на более высокие уровни социального анализа. Данное замечание не есть попытка дезавуировать научные достижения коллег – но указание на объективно существующую лакуну, требующую заполнения. Более того, мы убеждены высочайшем потенциале отечественного социально-гуманитарного знания, обладающего способностями и опытом не только расчленяющего, аналитического характера, но не в меньшей мере – также способностями и опытом плодотворного научного синтеза, создания новых парадигм в холистическом и коэволюционном ключе.

Говоря о современных попытках изучения феномена социального регресса, можно в качестве характерных примеров разных лет указать интересную диссертацию Тысячиной А.Д. «Феномен социального регресса», защищённую в 2013 году. Автор прямо ставит в ней проблему создания единой концепции социального регресса в русле социальной философии. Также следует указать на

обобщающую монографию В.П. Даниленко «Инволюция в духовной культуре» [4], которая является как бы диалектическим продолжением предшествующей работы того же автора – «Эволюция в духовной культуре» [5]. Таким образом, восходящие и нисходящие процессы в духовно-культурном развитии человечества представлены как две грани единого в своей основе культурного движения человеческой цивилизации. Прогресс и регресс (эволюция/инволюция) оказываются пульсирующими ритмами, которые сменяют друг друга.

В работе А.Д. Тысячиной концепция социального регресса базируется на явлении нравственной редукции, деградации моральных устоев и поведенческих мотиваторов индивидуума и общества в целом [13, с. 9-10]. Бесспорно, нравственная составляющая есть основа социального взаимодействия. От её реального состояния зависит множество явлений социальной жизни и общая траектория социальной динамики. Но, в таком случае, само понимание «социальный регресс» оказывается жёстко детерминировано всего одним экспланандумом – состоянием нравственности и, мало того, его сущность сводится к процессам нравственного упадка. По нашему же мнению, само понятие «социальный регресс» обладает более широким значением и охватом, нежели только упадок нравственности. Иными словами, два концептуальных понятия этической и социальной философии («социальный регресс» и «нравственный упадок») не тождественны друг другу, хотя и тесно взаимосвязаны между собой. Ведь если бы наблюдалось их смысловое тождество, то в языковом поле не возникло бы двух разных понятий!

Монография В.П. Даниленко обобщает под своей обложкой обширный материал разнообразных духовных явления, подведённых под единый знаменатель инволюции, то есть нисходящего развития, что синонимично понятиям деградации и регресса. Поскольку духовность напрямую связана с нравственностью, постольку наблюдается определённая концептуальная связь с работой А.Д. Тысячиной. В то же время, В.П. Даниленко в своей монографии о духовной инволюции рассматривает множественные модальности нисходящего духовного развития человечества, но его собственная концепция сформулирована лишь в самых общих чертах. Получается, что модель изучения явления духовного (а, значит, и социального) регресса сводится к анализу максимально возможного количества разрушительных духовных феноменов. При этом, автор не предлагает целостного и универсального определения *духовной инволюции*. Равно как не предложена и единая система критериев, по которым можно определить, на какой стадии инволюции пребывает то или иное общество. То есть, налицо первичный материал для возможной будущей концепции, но не сама концепция.

Мы же настаиваем на том, что социальный регресс (и его синонимы: инволюция, деградация, редукция и пр.) есть явление универсальное не только в реальной жизни, в социальной истории, но и как понятие является универсальным, подлежащим всестороннему осмыслению во всём комплексе социального-гуманитарного знания. Кроме того, наука не стоит на месте, высказанные ранее взгляды исходят из того уровня науки, который был на момент их формирования. Позднее же неизбежны перемены, в том числе с учётом сделанного научного вклада. Так что требуются новые подходы, гипотезы и теоремы. Сказанное в данном абзаце побуждает нас предложить собственное видение проблемы социального регресса. Во-первых, как универсального научного понятия; во-вторых, как универсального явления в масштабе макросоциологии/социальной истории. В-третьих, как феномена необычайно актуального в силу нарастания масштабных регрессивных явления в рамках современной человеческой цивилизации. Россия даёт тому множественные злободневные и очень показательные примеры.

Дабы не применить к себе упрёка в уклонении от определения ключевого термина, попытаемся сформулировать понятие «социального регресса». По нашему убеждению, под ним следует разуметь **системную деградацию социума как принцип социального бытия в потоке исторического времени**. Это не только «упрощение» социальных структур и связей, не просто упадок нравственности, но также ухудшение жизни человека и общества по самым разным векторам, утрата прежних достижений, технологий, качества жизни – часто с невозможностью их последующего восстановления. Понятие регресса мы относим к классу динамических понятий, то есть это не разовое завершённое явление, но процесс, который длится во времени. К числу важнейших критериев социального регресса следует отнести как тенденции роста девиантных и деструктивных явлений в

обществе, выражаемых в цифрах социологической статистики (динамика разводов, преступлений, алкоголизма и наркомании, проституции, сексуальных патологий и извращений, сиротства, коррупции), так и менее заметные проявления: падение уровня грамотности, легитимация сленга и ненормативной лексики, уровень вербальной агрессии, примитивизацию мышления. Немаловажную роль играют показатели социального развития – колебания реального уровня доступности и качества медицины, образования, транспортного сообщения, качества продуктов питания, обеспеченности и качества жилья и т.п.). Итак, мы полагаем, что социальные регресс – понятие не только универсальное и динамическое, но также интегрированное, гетерогенное.

Обращаясь к живому социально-историческому материалу на примере России и постсоветского пространства, как наиболее близкому и понятному, а также показательному, мы можем увидеть весьма показательные социальные процессы. Процессы, которые могут быть рассмотрены в рамках будущей возможной *теории социального регресса*. Начнём с очевидного – с демографии. В большинстве бывших союзных республик за 30 лет, прошедших с момента распада СССР, демографическая ситуация катастрофически ухудшилась. Если рассматривать её как показатель совокупной жизненной силы макросоциальной системы. Сокращение населения в результате повышения смертности, эмиграции и сокращения рождаемости в большей или меньшей степени затронуло почти республики безвременно погибшего Советского Союза. В предельно обобщённом виде демографическая динамика на основе статистических данных, приводимых в «Википедии», приведена в нижеследующей таблице:

Таблица 1
Демографическая динамика в 1991-2021 гг. в некоторых республиках бывшего СССР

Республика	Численность населения в 1991 году	Численность населения в 2021 году	Общий баланс за 30 лет
Россия	148 млн. 273 тыс.	146 млн. 171 тыс.	— 2 млн. 102 тыс.
Белоруссия	10 млн. 189 тыс.	9 млн. 343 тыс.	— 846 тыс.
Украина	51 млн. 623 тыс.	41 млн. 418 тыс.	— 10 млн. 215 тыс.
Молдавия	4 млн. 366 тыс.	3 млн. 546 тыс.	— 820 тыс.
Латвия	2 млн. 658 тыс.	1 млн. 893 тыс.	— 765 тыс.
Литва	3 млн. 701 тыс.	2 млн. 783 тыс.	— 918 тыс.
Эстония	1 млн. 567 тыс.	1 млн. 330 тыс.	— 337 тыс.
Грузия	5 млн. 453 тыс.	3 млн. 516 тыс.	— 1 млн. 937 тыс.
Армения	3 млн. 574 тыс.	2 млн. 964 тыс.	— 610 тыс.

Сделаем две оговорки: во-первых, мы не вдаёмся в анализ соотношения причин убыли населения и достоверности официальной демографической статистики (например, очевидных странностей методик подсчёта населения в России), но берём только сухие цифры; во-вторых, не анализируем причин того, почему в республиках исламского культурного кода (Азербайджан, Казахстан, Туркмения, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан) демографическая ситуация качественно иная и оставляем их за рамками настоящей статьи. В любом случае, общая регрессивная тенденция налицо: общества утрачивают мотивацию для собственного воспроизведения себя в будущем. Они как бы вычёркивают себя из истории.

Отрицательному демографическому балансу на протяжении жизни целого поколения неизбежно сопутствуют такие явления, как кризис института семьи, упадок морали и рост межпоколенных конфликтов. Всё это можно обозначить как атомизацию социума, его постепенный отказ от сложных и иерархических социальных структур, фактическую примитивизацию отношений между людьми. Утрата сложности и способности/желания общественного большинства к её поддержанию. Вместо воли к жизни и готовности к жертвенности мы наблюдаем потребительство и гедонизм, канонизируемый социальный эгоизм (отказ от семьи в пользу свободного сожительства или одиночества). В итоге получаем отсроченную во времени, но детерминированную смерть общества.

Бесспорно, демографическая динамика не есть единственный или даже главный критерий/показатель социального регресса. Если взять в качестве примера Великую Отечественную войну с её колоссальными людскими потерями, как прямыми, так и косвенными, то данное

трагическое и отрицательное явление было не свидетельством общественной деградации, но следствием внешних экстремальных обстоятельств неодолимой силы. Кроме того, именно жизненная сила советского общества, сочетавшего традиционную ценностную основу с технологиями эпохи Модерна и устремлённостью в будущее, позволила в итоге преодолеть как смертельную угрозу в лице нацизма, так выйти на более высокий уровень развития. Конечно, в периоды максимального напряжения, в первом периоде войны отдельные регрессивные явления в СССР наблюдались. Например, в моменты эвакуации этот массовый процесс неизбежно сопровождался негативными побочными эффектами: падение уровня жизни, эмоциональные и физические страдания эвакуируемых, вспышки болезней, временная бездомность, риски конфликтов и криминала, экономические издержки в масштабах страны, транспортные заторы на дорогах, потеря родственников и т.п. Качество жизни в масштабах социума резко падают. Однако с течением времени эти издержки компенсируются фактами более высокого порядка, которые можно обозначить как стратегические: спасение множества человеческих жизней, сохранение кадрового и ресурсного потенциала для экономики, сохранение мобилизационного контингента для Действующей Армии. После Победы большинство эвакуированных возвращаются в родные места, постепенно восстанавливают и налаживают быт, многие чудом находят потерянных родственников. Таким образом, в макросоциальном смысле происходит успешное преодоление частного случая временного регресса, оказавшегося локальной издержкой борьбы страны и общества за жизнь и за будущее, за сохранение собственной субъектности в истории.

Мало того, на примере СССР периода 1941-1945 гг. можно увидеть даже положительные последствия эвакуации в макросоциальном масштабе: значительная часть эвакуированных предприятий, создав производственную базу в местах эвакуации, как бы «клонировали» самое себя. По возвращении на исходные места, дублёры продолжили работать на Урале, в Сибири, Средней Азии, повышая общий социально-экономический потенциал страны.

Теперь попытаемся осмыслить данный показательный факт теоретически. Частные регрессивные явления, будучи проявлены в конкретно-исторической ситуации развития общества, в реальности могут быть не показателями общей тенденции социального регресса, но временными издержками, которые впоследствии успешно преодолеваются. Конечно, в случае утраты ценностных ориентиров и механизмов контроля и поддержания социальной структуры, такие явления могут множиться и со временем перерасти в полноценный социальный хаос. То есть действительно стать составными компонентами набравшей силу тенденции социального регресса.

Гораздо важнее изучить и осмыслить те примеры, которые происходили в иных исторических условиях – когда без видимых внешних предпосылок общества и их правительства вдруг вступали на путь тотальной социальной деградации. На наш взгляд, судьба бывшего советского общества на всём пространстве некогда единого Советского Союза подходит как идеальный случай для такого макросоциологического анализа в рамках попыток построения общей теории социального регресса. Кроме демографии и связанных с ней явлений, можно взять к рассмотрению пути и факты культурного развития общества. Предупредим, что мы исходим из аксиомы об иерархическом строении культуры с безусловным главенством т.н. «классической/элитарной культуры», которая построена на высших духовных идеалах и ценностях, которые требуют от людей значительных усилий для своего усвоения и совершенствования как отдельной личности, так и общества в целом.

Так вот, с точки зрения такой иерархически-абсолютистской культурной парадигмы, современность является безусловной эпохой очевидного регресса. Соотношение высших идеалов и откровенной пошлости, глупости, разрушения и растрепанности сместилось явно не в пользу первых. Не вдаваясь в подробный анализ (это задача, скорее теоретической культурологии, а не макросоциологии), вновь позволим себе априорное социологическое теоретизирование. Когда тенденции социального регресса обретают достаточную силу, набирают значительное количество сознательных и бессознательных адептов, начинается пугающий своими проявлениями процесс общей редуccionистской интервенции, которая захватывает не только настоящее, но и прошлое. Предшествующие достижения, победы, вершины требуется принизить, извратить, выставить в смешном, неприглядном и глупом виде. То есть, вместо подъёма человека до уровня величия и совершенства осуществляется принижение этого величия, его примитивизация до уровня духовно

ленивой гедонистической толпы. Людям эпохи социального регресса созерцание великого прошлого становится мучительно, невыносимо и даже ненавистно – как постоянное напоминание об их собственном ничтожестве, мелочности, скудоумии и предательстве идеалов, нравственной и культурной деградации. В этом можно увидеть истоки внешне эпатажных высказываниях некоторых высокопоставленных деятелей о «калошах», кроме которых будто бы СССР ничего не производил. Гиперболические метафоры отражают не столько фактическую истину, но подсознательное стремление адептов регресса оправдать собственную никчемность. Данные рассуждения можно было бы продолжать практически до бесконечности. Отметим лишь в этой связи, что состояние наступающего хаоса и деградации отмечают не только в России, но и как мировую тенденцию культурного развития. Для примера приведём сконструированный из начал и финала книги пассаж американского литературоведа Гарольда Блума по поводу судеб западного литературного канона и перспектив его изучения: «Всё, впрочем, рухнуло, основа расшатавшись, ушла из-под ног, и волны беззаконья накрывают то, что прежде называлось учёным миром... То, что я имею сказать о наших нынешних мерзостях запустения, содержится в первой и последней главах...

Очутившись нынче в окружении профессоров хип-хопа, слепков с галльско-немецкой теории, идеологов гендера и разнообразных сексуальных ориентаций, мультикультуралистов без границ, я понимаю, что раздробленность литературоведения уже необратима» [1, с. 8, 593]. Добавим от себя, что столь ёмкая и горько-ироничная характеристика может быть с успехом применена не только к любой области культурной жизни, но и шире – к любой сфере всей жизни общества и ко всему социуму в целом.

Завершая, позволим себе несколько замечаний общего характера:

- 1) Авторы не претендуют на всеохватность;
- 2) Осознавая обширность, практически неисчерпаемость подлежащего освоению материала, мы осознаём неполноту и вопиющую фрагментарность данного текста, но сознательно допускаем цезуры, надеясь в будущем их постепенно устранять;
- 3) Данная статья призвана не столько дать готовые ответы, сколько поставить необходимые вопросы и очертить проблематические границы дискурса;
- 4) К числу важнейших вопросов следует отнести необходимость чёткой формулировки понятия социального регресса как универсального макросоциологического феномена, составления тезауруса для разработки проблемы, отыскания факторов, причин и критериев, разновидностей социального регресса, его конкретных проявлений, разработки вариантов выхода из состояния регресса как оптимистических, так и пессимистических,
- 5) Необходимо также осуществлять междисциплинарный синтез для возможно более полного анализа всего круга проблем и вопросов;
- 6) При всех сложностях должны непрерывно поддерживаться и воспроизводиться две ключевых методологических установки: курс на выработку общей социологической теории социального регресса как господствующей тенденции социального развития современности, а также упорное стремление связать теорию с практикой, донести результаты исследований до возможно большего количества людей, не боясь прослыть юродивыми и алармистами, адептами конспирологии и т.п. Поскольку социальной миссии науки по возможному улучшению жизни, совершенствованию человека и общества, поиска истины никто не отменял.

На этом авторы полагают возможным завершить статью, рассматривая её как несовершенную прелюдию к дальнейшим исследованиям в данном направлении и обещая вернуться к поставленным вопросам в дальнейшем.

Литература:

1. Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времён. М.: НЛО, 2019. С. 8, 593.
2. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. 1-4. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015-2016.
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. 1-2. М.: Издательский дом ВШЭ, 2016-2017.
4. Даниленко В.П. Инволюция в духовной культуре: ящик Пандоры. М.: URSS, 2012. – 576 с.
5. Даниленко В.П., Даниленко Л.В. Эволюция в духовной культуре: свет Прометея. М.: URSS, 2012. – 640 с.
6. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послесл. и прим. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. – 352 с.

7. Ласло Э. Век бифуркации. Постигание изменяющегося мира // Путь. 1995. №7. С. 3-129.
8. Коллинз Р. Макроистория. Очерки социологии большой длительности. М.: URSS, 2015. – 504 с.
9. Пружинин Ratio servilis: контуры культурно-исторической эпистемологии. М.: РОССПЭН, 2009. – 423 с.
10. Релятивизм как болезнь современной философии // Ответ. Ред. В.А. Лекторский. М.: Канон+, 2015. – 392 с.
11. Розенау Дж. Турбулентность в мировой политике // <https://e.120-bal.ru/doc/45465/index.html> Дата обращения 23.11.2021.
12. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Академический проект, 2020. – 988 с.
13. Тысячина А.Д. Феномен социального регресса // Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук. М.: МПГУ, 2013. – 26 с. С. 9-10.

Информация об авторах:

А.Э. Ларионов, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

А.В. Новичков, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, лётчика-космонавта А.А. Леонова», Королёв, Россия.

Information about the authors:

A.E. Larionov, PhD {History}, associate professor of the Department of Humanity and Social Disciplines State Educational Institution of Higher Education Moscow Region “LEONOV Moscow Region University of Technology”, Korolev, Russia.

A.V. Novichkov, PhD {History}, associate professor of the Department of Humanity and Social Disciplines State Educational Institution of Higher Education Moscow Region “LEONOV Moscow Region University of Technology”, Korolev, Russia

5.4.7 Социология управления

УДК 316

РОЛЬ СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ В ПОДГОТОВКЕ СОВРЕМЕННЫХ УПРАВЛЕНЦЕВ

Кирилина Т.Ю.¹

¹ Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия

В статье анализируется место социологии управления в управленческом образовании. Особое внимание автор уделяет рассмотрению четырех социологических теорий для эвристического поиска внешних управленческих эффектов: теории агентов, теории игр, теории систем и теории сетей.

Автор отмечает, что задачами социологии управления в области управленческого образования является не только анализ самой организации, но и различий между организацией, с одной стороны, и взаимодействием с обществом, с другой, а также изучение многочисленных прямых и обратных связей, возникающих между этими социальными формами в современном сетевом обществе.

В статье делается вывод, что на рубеже XX-XXI веков специалисты в сфере управления направили свои усилия на поиск социологических и других теорий, предлагающих замену границам, которые, по-видимому, утрачены безграничной организацией, новых способов определения своей идентичности в подвижных сетях. Современное образование в области управления, как и прежде, означает критический взгляд на концепции и модели науки управления, понимание сложности теорий организации и социологических теорий. Применение современными менеджерами теорий агентов (действия), игр, систем и сетей позволяет успешно решать многие стоящие перед ними задачи.

Социология управления, управление, управление бизнесом, теория сетей.

Для цитирования: Кирилина Т.Ю. Роль социологии управления в подготовке современных управленцев // Социально-гуманитарные технологии. 2021. №4 (20). С. 27-34.

THE ROLE OF SOCIOLOGY OF MANAGEMENT IN TRAINING MODERN MANAGEMENT

Kirilina T.Yu.¹

¹ State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia

The article analyzes the place of sociology of management in management education. The author pays special attention to the consideration of four sociological theories for the heuristic search for external management effects: agent theory, game theory, systems theory and network theory.

The author notes that the tasks of the sociology of management in the field of management education is not only the analysis of the organization itself, but also the differences between the organization, on the one hand, and interaction with society, on the other, as well as the study of the numerous direct and inverse relationships that arise between these social forms. in a modern networked society.

The article concludes that at the turn of the XX-XXI centuries, specialists in the field of management directed their efforts towards the search for sociological and other theories that suggest replacing the boundaries that seem to have been lost by limitless organization, new ways of defining their identity in mobile networks. Modern education in the field of management, as before, means a critical look at the concepts and models of management science, understanding the complexity of theories of organization and sociological theories.

Modern managers' application of theories of agents (actions), games, systems and networks allows them to successfully solve many of the problems they face.

Sociology of management, management, business management, network theory.

For citation: Kirilina T.Yu. The role of sociology of management in training modern management. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2021; 4 (20): 27-34. (In Russ.)

Социология управления занимает важное место в управленческом образовании, поскольку именно эта отрасль социологического исследует характеристики социальных отношений, делового партнерства, возникающие в процессе управления, функциональную и структурную стороны процесса управления, а также социальные характеристики участников управления, в том числе особенности социальной группы управленцев [3]. Социология управления является одновременно и академической дисциплиной, описывающей и объясняющей, что такое управление, и рефлексивной схемой, помогающей студентам, будущим менеджерам и всем, кто имеет отношение к управлению, осознавать свои роли при осуществлении управления.

Задачами социологии управления в области управленческого образования является не только анализ самой организации, но и различия между организацией, с одной стороны, и взаимодействием с обществом, с другой, а также изучение многочисленных прямых и обратных связей, возникающих между этими социальными формами в современном сетевом обществе. Поэтому для социологического понимания управления важны термины теории коммуникации.

Понятие коммуникации не является одним из наиболее широко распространенных в социологии. Именно оно во многом соответствует современному состоянию общества, поскольку не пытается определить управление с точки зрения рациональных доказательств, технологической необходимости или индивидуального мастерства. Вместо этого понятие коммуникации позволяет нам выявить, какие проблемы решаются или не замечаются, обращаясь к символам рациональности, необходимости или индивидуальности. Управление заключается в установлении определенных процедур, которые во многом блокируют самоорганизацию в работе и приводят к координации со стороны руководства внутри организации.

Начнем с уточнения термина менеджмент. Менеджер – это новая профессия, которая появилась вовремя так называемой управленческой революции XIX века. Данная профессия была призвана выявлять и решать проблемы координации и контроля в больших организациях, в основном в промышленности и бизнесе [4]. Управление промышленными предприятиями базируется в основном на методах проектирования, управления и контроля, характерных для крупных организаций, которые веками использовались в армиях, больницах, церкви и городских хозяйствах.

В понимании Макса Вебера, управление является одним из наиболее важных инструментов для перехода от ценностно-рациональных действий к целе-рациональным действиям [1]. М. Вебер очень высоко ценил прусскую систему организации управления, базирующуюся на бюрократических принципах. Он отмечал, что «..крупнейшие современные капиталистические предприятия обычно сами являются непревзойденными образцами строгой бюрократической организации» [1, с.46].

Только строгий бюрократический порядок, в понимании М.Вебера, позволяет при управлении крупными капиталистическими хозяйствами, быстро и точно выполнять организационные задачи. Именно бюрократизация, в понимании немецкого ученого, позволяет реализовать требование разделения труда в управлении по чисто объективным критериям, путем распределения и поручения конкретных работ специально ориентированным и постоянно совершенствующимся в выполнении своих задач функционерам [1].

Таким образом, история управленческой революции связана не столько с формированием новых и крупных организаций, сколько с новым пониманием рациональности создания и поддержания конкурентоспособных организаций в среде, более динамичной, чем когда-либо ранее. Материальные, социальные и временные проблемы переплетаются, требуя понимания структуры, управления и контроля организаций, способных учитывать каждое из этих трех измерений с точки зрения двух других. Вот почему в конечном итоге единая позиция, встроенная в производственную цепочку,

производственно-сбытовую цепочку и планирование времени, проявляется как единство анализа организаций, учитывающего функционально вариативное управление, сотрудничество и временные ограничения по отношению друг к другу. История о том, как менеджмент превращает организацию в переменную самого себя, начинается как игра за власть не только между капиталом и трудом, но, в частности, между инженерами и мастерами.

В этом смысле управление полагается на понимание администрирования не только как выполнение четко определенных целей, но также как процесс поиска, тестирования, исследования и исключения более или менее неопределенных целей. Администрирование ограничивает зону безразличия действий, опыта и работы, которых следует ожидать от сотрудников, без необходимости объяснять это заранее, например, при заключении контракта. Любой из этих шагов важен для внедрения социологического понимания управления в управленческое образование. Собственно управление не изобретает и не проектирует, а принимает и регулирует разделение труда, иерархический порядок, технологический процесс и индивидуальную мотивацию, которые присутствуют в социальной среде организации и выборочно транслируются в организацию.

Успешное управление бизнесом предполагает, идеальнее функционирование организации; нейтрализую, а не отрицание проблем, возникающих в организации. Такого рода проблемы относятся к затратам и доходам, средствам и целям, и их следует искать не внутри организации, а на рынках, с которыми она работает, и в технологиях, на которые она опирается.

Еще в конце 1930-х гг Э. Гуттенберг рассматривал два возможных источника проблем, с которыми управление бизнесом придется иметь дело: технологические проблемы эффективности и экономические проблемы эффективности [6]. Эффективность – это технические средства и цели, эффективность – затраты и отдача. Академическая наука стремится найти продуманные способы проектирования, управления и контроля организации путем применения стандартов эффективности и результативности к ее процедурам. В свою очередь промышленная инженерия призвана обучать методам развития бизнеса, заключающимся в управлении организацией с точки зрения категорий для достижения технического прогресса.

Теория организаций заново открыла сложность самой организации и подчеркнула, что организация должна подчиняться правилам рынка и технологий внутри и посредством организационного процесса. И рынок, и пространство технологических возможностей должны быть задействованы в процессе организации. Это утверждение зависит от решений, как и почти все остальное в организации (за исключением ее культуры), такие как объективность затрат и доходов, их учет и аудит, их расчет с точки зрения местоположения затрат, единиц затрат и временных горизонтов, а также понимание значимого и соответствующего технического прогресса – это вопрос организационного конфликта, переговоров и неустойчивых договоренностей.

Тем не менее, несмотря на это утверждение, именно четкое разделение проблем, исходящих от организации, и проблем, возникающих в ее среде, определяет фокус управления. Без осознания этого различия, не было бы никакого управления в полном смысле слова. Без критериев эффективности и действенности, а также сопутствующих идей оптимизации, руководство не имело бы рычагов, на которые можно было бы рассчитывать в организации, достаточно сложной, чтобы иметь дело с человеческими страстями, карьерными устремлениями, поиском возможностей, уклонением от ответственности и взаимопониманием. Это не позволило в полной мере осознавать существующие шансы, риски и опасности.

Таким образом, социология управления понимает под управлением любое действие, в результате которого организация подвергается воздействию соответствующих аспектов ее среды, в частности рыночной и технологической. Тем не менее, такое социологическое понимание сразу же уточняет, что для того, чтобы подчинить организацию своему окружению, нужно в то же время укрепить организацию, чтобы позволить ей успешно справиться с внешней средой. Если нет организации, способной сначала контролировать свою среду, а затем отвечать на предполагаемые требования последней, управление потерпит неудачу.

Управление бизнесом связано с проблемами эффективности, касающимися технологий. Там, где эти проблемы отсутствуют, как, например, во всех организациях, которые не работают с рынками и не полагаются на четко определенные технологии, отсутствует управление в том смысле, который

определяется дисциплиной Управление бизнесом и наукой управления. Однако так же, как есть много аспектов бизнеса и организации предприятия, которые не самоочевидно отвечают критериям затрат и отдачи или средств и целей, таких как интересы, ценности, мотивации и риски. Мудрость и практические знания науки управления заключаются в осознании необходимости как защиты, так и нападения, как подчинения организации, так и ее поддержки, чтобы противостоять подчинению.

Конкретно это означает, что руководство всегда должно решать, какие элементы, процессы, идеи и персонал должны соответствовать критериям стоимости и возврата, средств и целей, а какие должны быть освобождены от этой процедуры и на какой срок. Требуется больше руководства и даже высшего руководства для принятия решений, которые приводят к найму и увольнению менеджеров и их разумному распределению внутри организации. И ему вполне могут потребоваться внешние примеры, такие как рынки капитала, чтобы помочь уволить топ-менеджеров, не отвечающих критериям затрат и прибыли, средств и результатов.

Социология управления, в первую очередь, призвана объяснить будущим управленцам, почему менеджмент XIX века в XX веке превратился в профессию, занимающуюся руководством всех видов организаций, а в XXI веке стал основной, если не единственной профессией, компетенцией которой является управление сложными задачами, процедурами, организациями и сетями.

Управление начинается там, где меры простой причинности и технологической детерминации уступают место мерам тщательного наблюдения и преднамеренного культивирования вовлеченности. Это верно даже тогда, когда вопросы эффективности и действенности теперь заменяются проблемами теории рынка капитала, такими как стимулы, потому что эти вопросы по-прежнему касаются соответствия между стратегией организации, организационным дизайном и окружающей средой.

Но только указав управление, мы можем показать, почему управление оказывается успешным. Его критерии эффективности и действенности, взятые из рынка и технологической среды организаций, являются средством как для инициирования, так и для остановки проектов всех видов. Затраты и отдача, средства и цели – это временные правила, которые вводятся в действие так, как если бы вмешательство происходило извне. И это именно то, что придает сложной организации ее возможности, диапазон и масштаб. Руководство иницирует и прекращает организационные проекты по инвестированию, развитию, производству и маркетингу таким образом, чтобы не было определено правильных или неправильных способов организации. Организация разрабатывается, направляется и контролируется в отношении перспектив и результатов, что позволяет даже слабую связь между ними, потому что все виды промежуточных результатов могут изменить как перспективы, так и ожидаемые результаты. Единственное правило, определяемое руководством, – это правило оптимизировать в любое время то, что делают все. Нет определения, какие виды задач, процедур, разделения работы, организации и взаимодействия должны быть оптимизированы до тех пор, пока снижаются затраты, повышается отдача, регулируются средства и разумно устанавливаются цели. Это сочетание достаточного пространства для экспериментов, с одной стороны, и определенных правил для оценки результатов, с другой, было секретом успеха менеджмента с самого начала индустриализации.

Управлять – означает контролировать процессы самоорганизации. Но менеджмент, соответственно, в решающей степени зависит от наличия такого правила «stop-and-go». Если нет внешних критериев для измерения неоптимальности, менеджмент окажется в затруднительном положении. Вот почему некоммерческое управление и инновационные процессы в ситуациях технологической неопределенности ставят так много вопросов для управленческого мышления и образования [5]. Руководство некоммерческих организаций и инноваций вынуждено оценивать организацию с точки зрения самих себя.

Вот почему недавние попытки обобщить менеджмент как метод проектирования, управления и контроля правительственных учреждений, больниц, армий, университетов, школ, театров, НПО и других форм организации, таким образом, наталкиваются на более или менее конфликтные проблемы. С одной стороны, эти попытки полностью не учитывали более традиционное профессиональное администрирование, которое уже существовало в этих организациях, способы управления, которые, что интересно, часто полагались на профессиональное понимание самой

организации, так что, например, правительственные учреждения управлялись как властными, так и юридическими процедурами; больницы пониманием диагностики и терапии; армии по дисциплине с учетом смертельных опасностей; университеты бесконечными дебатами; школы верой в улучшение; театры по эстетическим соображениям и художественному самоутверждению; НПО, решая социальные проблемы; и так далее. С другой стороны, само руководство оказалось беспомощным при вмешательстве в такие организации, где не было внешних критериев для остановки и ухода. Промышленным организациям потребовались буквально столетия, чтобы разработать процедуры бухгалтерского учета, способные измерять затраты и прибыль с точки зрения денежных долгов и активов. Как можно ожидать, что организации, не настроенные на рынки (и не приверженные технологической точности), будут соответствовать этому развитию через несколько десятилетий или даже лет?

В социологии существует по крайней мере четыре теории для эвристического поиска внешних управленческих эффектов: теория (действия) агента, теория игр, теория систем и теория сетей. Понятие свободы действий разработано в рамках теории действия; согласно которой, нет действий с перспективой воспроизведения, которые не могли бы ссылаться на *агента* (ценности, власти, институты), узаконивающего выбор, который он производит [9]. Общее представление об управлении заключатся в том, что агенты эффективности и действенности, которые можно найти в монетизированных и технологически детерминированных организациях, должны быть заменены другими агентами, имеющими аналогичную внешнюю ценность. Поскольку эти организации, по крайней мере, многофункциональны, такой поиск окажется нетривиальным. Поиски управленческой наукой других типов агентов затруднены, потому что такие организации, с одной стороны, приходят с профессиональными стандартами, которые считаются устаревшими, а с другой – с предложением капиталоемких процедур. Политические, медицинские, академические, военные, эстетические, педагогические и другие ценности, информирующие агентства о том, что законные действия и решения в организациях будут преобладать только в том случае, если им каким-то образом удастся учесть затраты и отдачу, средства и цели.

Другой социологический подход к анализу управления – теория игр. Теория игр является методом исследования оптимальных стратегий в играх. В этой теории «игра» понимается как взаимодействие двух или более сторон, которые стремятся реализовать свои интересы. У каждой стороны есть своя цель и своя стратегия, способная привести к победе или поражению, что зависит от того, каким образом ведут себя игроки. Теория игр позволяет управленцу выбрать максимально эффективную стратегию, принимая во внимание представления о других игроках и их потенциале [2]. Теория игр рассматривает любое решение как стратегический ход, каким-то образом связывающий лицо, принимающее решения, и открывающий поле ответных действий для любого противника. Теория игр успешно может быть применена при принятии решений по поводу проведения принципиальной ценовой политики, вступления на новые рынки, кооперации и создания совместных предприятий, определения лидеров и исполнителей в области инноваций, вертикальной интеграции и т.д. Положения данной теории в принципе можно использовать для всех видов решений, если на их принятие влияют другие действующие лица. Этими лицами, или игроками, необязательно должны быть рыночные конкуренты; в их роли могут выступать субпоставщики, ведущие клиенты, сотрудники организаций, а также коллеги по работе. Таким образом, успешная игра заключается в том, чтобы заставить лицо, принимающее решение, подчинить его перспективам решения. В целом общее руководство состоит в том, чтобы определить в какие игры играют некоммерческие организации и против кого. В отношении теории игр существует много скептиков. Тем не менее, исследовательские перспективы теории игр, взаимодействующей с исследованиями организации, кажутся действительно перспективными и многообещающими.

Третья социологическая теория – *теория систем*, способная дать информацию для понимания и практики общего менеджмента и помочь теории игр в направлении этого исследования. Теория систем базируется на идее о том, что организации в современном обществе пытаются определить, какие функциональные подсистемы общества представляют для них наибольший интерес, а какие – наименьший [8]. Эта идея имеет большое значение для определения того, какие внешние факторы учитываются правительственными учреждениями, больницами, университетами,

военными, театрами, фирмами и так далее. Затем эти внешние ссылки могут быть изложены, чтобы определить, как именно возможный код функциональной подсистемы общества отвечает программам организаций, конкурирующих друг с другом за успешные операции внутри или по отношению к конкретным функциональным подсистемам. Социологический подход к анализу управления предполагает учет и анализ того, как организация выявляет и реализует внешние факторы, стремясь спроектировать, управлять и контролировать свое развитие. Управление становится высококвалифицированным искусством сохранения амбивалентности, избегания четкой атрибуции как проблем, так и решений.

Социологическое понятие сети может каким-то образом охватывать все предыдущие концепции, поскольку оно также касается действия и агентов, игр и стратегий, а в последнее время применяется даже относительно систем (или дискурса) ссылок и их эталонной ценности. *Теория сетей* в социологии рассматривается как достижение компромисса между уклонением от общества и культурной реинтерпретацией [11]. Социальные действия ищут идентичность и сталкиваются с ситуациями, когда любой шанс на формирование и поддержание идентичности зависит от других, пытающихся контролировать свою идентичность, и от агентства, пытающегося создать и поддерживать свою собственную. Сеть здесь означает, что фактическая связь рассчитывается с точки зрения того, насколько многообещающие другие связи для сохранения идентичности. Это означает, что менеджмент, как выразился Х.К. Уайт, должен блокировать и заставлять действовать через границы организации, через границы иерархических уровней, а также во всех играх с властью, в которых участвуют акторы, чтобы продвигать и развивать свою версию систем, из которых они черпают свои агентства, в отличие от других версий [11].

Преимущество социологической сетевой теории не только в том, что она принимает во внимание действия, игры и теоретические идеи систем, но и в том, что она не связана конкретно с современными версиями социологической теории, поскольку теоретико-системная концепция функционально дифференцированного общества саморефлексивно возникает. Сетевая теория может быть своего рода социологической теорией, которая может представить себе преобразование современного общества в следующее, сетевое общество, доминирующим средством которого является распространение коммуникации - уже не печатный станок, а электричество, компьютер и Интернет. Это означает, что ссылки на функциональные подсистемы общества, даже если они объединены и перепутаны по множеству ссылок, теряют свою операционную остроту, не обязательно теряя также статус действительной ссылки для дискурсов, ценностных обязательств и преднамеренной дискриминации ориентации.

Интересно, что чем более разнообразным становится этот функционально неорганизованный мир, тем легче сформулировать социологическое понятие общего управления. Общее понимание и практика управления заключаются как в различении между получением и блокированием действий, так и в рассмотрении одного с точки зрения другого. Вот почему общий менеджмент в понимании социологической теории сложен и однозначен. Это сложно, потому что в управлении невозможно получить действие без блокирующего действия, то есть без возникновения очевидного парадокса, который, однако, с оперативной точки зрения служит только для различения двух сторон одной медали. Сложность управления заключается в том, что его действие получения должно восприниматься как блокирующее действие, и наоборот.

Ни теория действия, ни теория игр или теории сетей не рассматривают аспекты переживания действия как необходимое условие выбора действия [10]. Для этого нам нужна социологическая теория систем, потому что в теории систем коммуникация предполагает действие и опыт, чтобы описать диапазон возможных приписываний значения системе или среде, тексту или контексту, людям или ситуации, организации или сети, прошлое или будущее, ложь или правда, доверие или недоверие.

У руководителя нет возможности избежать участия в общении. Управленческие решения обязаны предоставить наблюдателям выбор того, как их интерпретировать и как реагировать на них, если вообще. Любое технологическое понимание менеджмента как причинной причины, по которой другие делают то, что требуется, сводится к тривиализации управленческой коммуникации, которая сама по себе может полагаться только на эту коммуникацию. Причины и следствия также должны

быть сообщены, таким образом снова предоставляя наблюдателю выбор. Коммуникация колеблется между будущими выборами и никогда не может быть уверена, на какое прошлое понимание следует полагаться. Коммуникация одного с точки зрения другого – это то, как оно обуславливает себя относительно неизвестного будущего и всегда заново интерпретируемого прошлого, не говоря уже о неопределенном настоящем [7].

Обучение менеджменту больше касается вопросов исследования, умения ставить и решать проблемы, выбирать теории и методы и отменять их выбор. Другими словами, мы предпочитаем явно рассматривать сложность и говорить о том, как с ней бороться и исследовать. Междисциплинарные исследования становятся обычным делом, так что понимание и сочетание различных дисциплинарных точек зрения уже определяет значительную часть задачи, которую предстоит решить, как студенту, так и преподавателю. Тем не менее, у междисциплинарности есть по крайней мере два вида недостатков: первый состоит в том, что проведение междисциплинарных исследований превращает ваши исследования в то, что нужно делать с самого начала, а второй – соблазняет вас недооценивать ценность дисциплинарных исследований, состоящих именно из не только в изучении понятий и моделей, но и в их пределах. Трудно контролировать свою самоуверенность, которую, по вашему мнению, вы обязаны своему будущему работодателю, если вы проводите свое исследование, просто собирая вместе множество фрагментов из литературы и Интернета, не рискуя увидеть, что дисциплинарная модель потерпит неудачу, а теоретическое понятие станет тупой.

После многих лет, если не десятилетий чрезмерной уверенности в мастерстве менеджмента, наше время движется к менее уверенному пониманию неуправляемых ситуаций, неопределенных мотивов, отсутствующих интересов, неопределенных технологий и неясного будущего. Управление больше не означает усвоение уроков общения, чтобы отказаться от иллюзии контроля. Теперь это означает научиться более четко указывать, какое именно действие должно быть заблокировано, чтобы получить какое-то другое действие.

На рубеже XX-XXI веков специалисты в сфере управления направили свои усилия на поиск социологических и других теорий, предлагающих замену границам, которые, по-видимому, утрачены безграничной организацией, новых способов определения своей идентичности в подвижных сетях. Современное образование в области управления, как и прежде, означает критический взгляд на концепции и модели науки управления, понимание сложности теорий организации и социологических теорий. Применение современными менеджерами теорий агентов (действия), игр, систем и сетей позволяет успешно решать многие стоящие перед ними задачи.

Литература:

1. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст] : в 4 т. / Макс Вебер ; [пер. с нем.] ; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — Перевод изд.: Weber Max. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. 5. revidierte Aufl. Besorgt von Johannes Winkelmann. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1972.
2. Захаров А. В. Теория игр в общественных науках [Текст] : учебник для вузов / А. В. Захаров ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд., исправл. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.— 304 с.
3. Тавокин Е. П. Управление – социальное управление – социология управления. Учебное пособие., М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 256 с.
4. Chandler, A. D. (1990) Scale and Scope: The Dynamics of Industrial Capitalism, Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press.
5. Drucker, P. F. (1990) Managing the Non-Profit Organization: Practices and Principles, New York, NY: HarperCollins.
6. Gutenberg, E. (1929) Die Unternehmung als Gegenstand betriebswirtschaftlicher Theorie, Berlin: Späth & Linde.
7. Luhmann, N. (1997) The Control of Intransparency, Systems Research and Behavioral Science 14: 359-371.
8. Luhmann, N. (2013) Theory of Society, vol. 2, transl. Rhodes Barrett, Stanford, CA: Stanford University Press.
9. Meyer, J. W., and R. L. Jepperson (2000) The "Actors" of Modern Society: The Cultural Constitution of Social Agency, Sociological Theory: pp. 100–120.
10. Schütz, A. (1967) The Phenomenology of the Social World, transl. George Walsh and Frederick Lehnert, Evanston, IL: Northwestern University Press.
11. White, H. C. (1992) Identity and Control: A Structural Theory of Action, Princeton, NJ: Princeton University Press.

Информация об авторе:

Т.Ю. Кирилина, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

Information about the author:

T.Yu. Kirilina, Doctor of Sociology, professor, the Head of the Department of Humanity and Social Disciplines, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

УДК 316.4

ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОЦЕССОМ

Когтева У.А. ¹

¹ Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия

В статье проанализировано понятие «цифровой след» как один из индикаторов сформированности стратегических информационных компетенций. Автором проведен анализ публикаций по тематике цифрового следа и тенденции научного интереса к данному понятию. Также представлены некоторые результаты авторского исследования, посвященному цифровизации образования, в частности, проведен анализ сформированности стратегических информационных компетенций в части управления собственным цифровым следом. Также представлен краткий анализ опыта и перспектив применения цифровых следов в управлении образованием.

Цифровой след, информационные компетенции, цифровизация, управление образованием.

Для цитирования: Когтева У.А. Цифровые следы и перспективы их применения в процессе управления образовательным процессом // Социально-гуманитарные технологии. 2021. №4 (20). С. 35-41.

DIGITAL FOOTPRINT AND PROSPECTS FOR THEIR APPLICATION IN THE MANAGEMENT PROCESS OF EDUCATIONAL PROCESS

Kogteva U.A. ¹

¹ State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia

The article deals with the term “digital footprint” as one of the indicators of the formation of strategic information competencies. The author of the article analysed publications of digital footprint and trends of scientific interest to the concept. Some results of the authors’ investigation on the digitalization of education were presented. In particular, the formation of strategic initiatives of information competencies in terms of managing their own digital footprint was carried out. A brief analysis of the experience and prospects of using digital footprint in educational management is also presented.

Digital footprint, information competencies, digitalization, educational management.

For citation: Kogteva U.A. Digital footprint and prospects for their application in the management process of educational process. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2021; 4 (20): 35-41. (In Russ.)

Введение

Пандемия COVID-19 внесла существенные коррективы не только в механизмы взаимодействия участников образовательного процесса, но и в фундаментальные основы функционирования системы образования в целом. Все большее применение получают дистанционные технологии обучения, онлайн-курсы вводятся не только в программы повышения квалификации, но также и в классические образовательные программы. При этом, все большее распространение получают гибридные образовательные программы, сочетающие в себе элементы очного и дистанционного обучения. Наиболее перспективным на сегодняшний день можно назвать

использование искусственного интеллекта для формирования индивидуальной образовательной траектории и отслеживания цифрового портрета обучающегося (выпускника).

Образовательное медиапространство за время после первого локдауна практически мгновенно трансформировалось за счет полного перехода на дистанционный формат, что повлекло за собой не просто расширение инструментов взаимодействия участников образовательного процесса, но также изменение философии образовательного процесса и механизмы обратной связи и контроля. И если первые попытки университетов мгновенного цифрового перехода не всегда были успешными и выявили массу проблем не только технического характера, то по прошествии года данные практики получили качественное развитие. Так, появилось понимание не только процесса организации дистанционного обучения, но также того, как можно использовать данные, полученные в ходе реализации такого формата, то есть цифровые следы.

Помимо непосредственно данных, которые составляют цифровой след, важным для управления процессом цифровизации образования является умение управлять собственным цифровым следом, которое представляет собой один из индикаторов сформированности стратегических информационных компетенций [9], наравне с умением отличать надежные источники информации от менее надежных, понимания основных рисков работы в интернете и других. Исследование информационных компетенций участников образовательного процесса является важным элементом при комплексном изучении образовательного медиапространства в условиях цифровизации и необходимо при планировании мероприятий по внедрению инноваций в образование.

Обзор литературы

Понятие «цифрового следа» становится объектом интереса российских и зарубежных ученых относительно недавно, наибольший объем публикаций приходится на период с 2018 по 2021 года. Данное определение появилось и активно изучается в криминалистике и юридических науках в целом, однако в связи с активным процессом цифровизации всех сфер деятельности, проблематика цифрового следа привлекает внимание ученых из различных областей наук.

Помимо технических наук, где исследуются конкретные разработки по отслеживанию и хранению больших данных, изучение цифровых следов активно применяется в экономических науках и маркетинге. В частности, изучаются источники для сбора необходимой информации о цифровом следе, позитивные и негативные экономические и социальные эффекты от сбора подобной информации [12], использование «цифрового портрета» в системе кадрового менеджмента [8, 13], разрабатываются модели использования цифровых следов в цифровом маркетинге [4, 10] и многое другое.

В социологии изучение цифровых следов неразрывно связано с понятием «большие данные», подходами к их обработке и анализу, а также с изучением трансформационных процессов, происходящих в обществе. Так, некоторыми учеными изучаются вопросы гуманитарных подходов к проблеме цифрового следа, а также перспективности гуманитарной парадигмы исследования интернета и трансформации общества [15, 6], возможности и ограничения использования в социологии цифровых следов и методов их сбора, обработки и анализа [2, 5, 3], обсуждается возможность использования цифровых следов как нового инструментария в цифровой социологии при оценке качества жизни и благополучия населения, а также механизмы обработки полученной информации [17].

Однако, наибольшее распространение помимо криминалистики цифровые следы получают в сфере образования и педагогики. В целом, публикации, посвященные изучению цифрового следа в педагогике можно разделить на несколько больших групп: изучение трансформационных процессов в образовании, происходящих на фоне цифровизации в целом [11 и др.], разработка конкретных моделей использования цифровых следов, а также формирование цифровых портретов выпускников, студентов и преподавателей [1, 7 и др.], а также применение цифровых следов в разработке и реализации технологии индивидуальной образовательной траектории [16 и др.]

В отличие от российских, зарубежные исследования цифровых следов в основном сосредоточены в области социологии и охватывают ряд вопросов, связанных с изучением данного

явления в контексте трансформации общества [19, 20 и др.], а также проблемой изменения инструментария и подходов к анализу данных в социологических исследованиях [18, 21 и др.].

Материалы и методы

При обзоре публикаций по теме цифрового следа был использован системный подход, а также метод контент-анализа по ключевым словам. Анализировались заголовки, аннотации и ключевые слова статей, индексируемых в базах РИНЦ, Scopus, WoS и других.

Для анализа методов применения цифровых следов в управлении образовательными организациями были использованы не только практический опыт Технологического университета, но также материалы конференции «Цифровые следы в образовании», прошедшей в октябре 2021 г. при поддержке Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. На конференции были рассмотрены тренды управления цифровыми следами и их практическая значимость в управлении образованием.

Изучение сформированности информационных компетенций участников образовательного процесса проходило в рамках авторского социологического исследования трансформационных процессов образовательного медиапространства, вызванных цифровизацией, которое было проведено в форме экспертного опроса. В качестве экспертов были отобраны профессора отечественных и зарубежных университетов (n=177, тип выборки – квотная, сентябрь-ноябрь 2019 г.), имеющие стаж работы более 10 лет. Экспертный опрос проводился при помощи онлайн-анкеты, состоящей из 7 тематических блоков, посвященных актуальным вопросам цифровизации образования, включающих в себя 37 утверждений, каждое из которых в той или иной мере отражает тенденции цифровизации образовательного медиапространства. Экспертам было необходимо оценить каждое утверждение по 6-тибалльной шкале в зависимости от степени согласия с ними, а также им было предложено высказать свое профессиональное мнение относительно процесса цифровизации образования, проблем и перспектив ее развития. Анализ полученных данных проводился при помощи пакета SPSS Statistics 23 и Microsoft Excel. Для анализа степени согласия с утверждениями использовались индексы, рассчитанные по шкале Лайкерта.

Результаты и обсуждение

Экспертный опрос позволил выявить те сферы цифровизации медиапространства, которые требуют внимания со стороны руководства образовательной организации. Результаты отражены в Таблице 1.

Таблица 1

Индикаторы цифровизации образовательного медиапространства в оценке экспертов

	Требует принятия мер	В пределах нормы, есть потенциал для изменений	Высокий уровень, мер не требуется
А. Технические (инструментальные) компетенции	3.4%	44.1%	52.5%
Б. Пользовательские (аналитические) компетенции	0.0%	40.7%	59.3%
В. Компетенции анализа и рефлексии (стратегические)	1.7%	39.0%	59.3%
Г. Цифровизация проф. деятельности	0.0%	40.7%	59.3%
Д. Взаимодействие со студентами	3.4%	64.4%	32.2%
Е. Готовность к цифровизации образования	1.7%	37.3%	61.0%
Ж. Медиапространство университета	8.5%	33.9%	57.6%

Автором выделено 7 укрупненных групп индикаторов, характеризующих те или иные сферы цифровизации образовательного медиапространства. Медиапространство, являясь многоаспектной реальностью, в которой происходит взаимодействие участников образовательного процесса

посредством новых и классических медиа, с точки зрения социологии управления представляет собой одновременно объект управления и среду трансляции управленческих решений. В связи с этим представляется необходимым тщательное его изучение перед принятием решений. Развитое образовательное медиапространство и высокий уровень информационных компетенций его субъектов являются необходимыми условиями успешной цифровизации образования [9].

Согласно методике исследования, если при подсчете результатов присутствует «красная зона», то независимо от остальных ответов, данная сфера требует внимания руководства при планировании деятельности и представляет собой точку угрозы для результатов внедрения инноваций. Как видно из таблицы 1, уровень сформированности стратегических компетенций, или компетенций анализа и рефлексии, требует определенного внимания руководства, так как 1,7% экспертов определили уровень своих компетенций, как недостаточный.

При этом важно отметить, что наибольшие вопросы у экспертов вызвали утверждения о «цифровом следе», основных рисках работы в Интернете, стратегиях использования цифровых технологий с учетом различных коммуникационных целей, а также педагогическое сотрудничество при помощи дистанционных технологий, что зачастую связано с опасениями преподавателей о нарушении авторских прав на их контент (Рис.1).

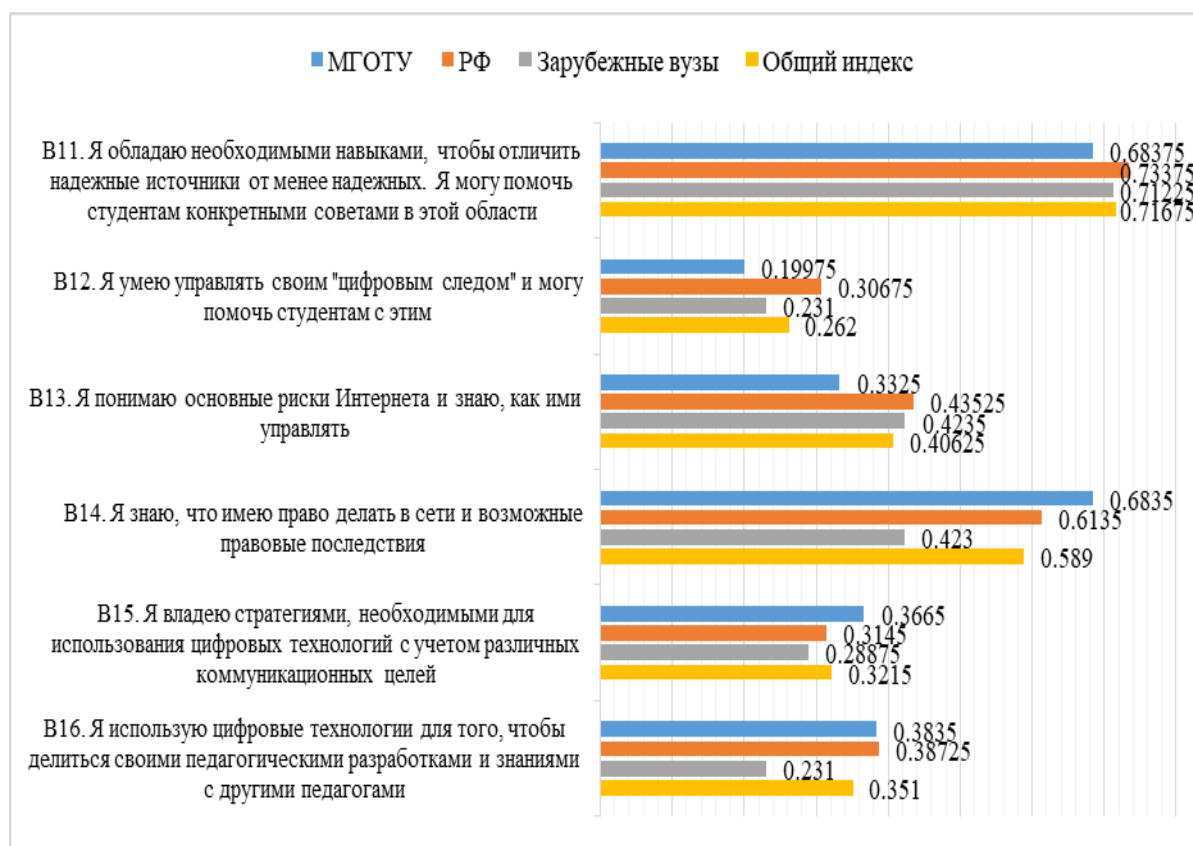

Рисунок 1 – Индексы сформированности стратегических компетенций у экспертов (составлено автором)

Цифровой след представляет собой уникальный для каждого пользователя набор действий в Интернете или на цифровых устройствах, и вызывает в обществе много споров, так как в рамках цифрового следа сталкиваются открытость данных и конфиденциальность персональных данных. Именно поэтому умение грамотно управлять своим цифровым следом является одним из индикаторов развития стратегических информационных компетенций. Экспертный опрос показал, что преподаватели в целом плохо разбираются в этом вопросе, однако хуже всех понимают сущность этого явления преподаватели Технологического университета, а также преподаватели зарубежных вузов.

Наиболее развиты стратегические компетенции, связанные с навыками, необходимыми, чтобы отличить надежные источники от менее надежных. Также не требуют особой коррекции

компетенции, связанные с уровнем правовой грамотности, необходимой для работы в Интернете. В этом вопросе наиболее грамотными являются преподаватели Технологического университета. Также достаточно высокий показатель у такой компетенции, как знание своих правовых возможностей при использовании сетевых ресурсов, а также последствий своих действий в Интернете.

Исследование показало, что многие эксперты из числа профессоров университетов слабо ориентируются в понятии «цифровой след», из чего следует, что необходимо проводить просветительскую деятельность не только со студентами, но и с профессорско-преподавательским составом вузов, а также с сотрудниками, так как возможности применения цифровых следов в образовании достаточно широки.

Университет 20.35 разработал стандарт цифрового следа, где подробно описаны не только определение понятия «Цифровой след», его компоненты, но также сферы его возможного применения [14]. Согласно этому Стандарту, среди компонентов цифрового следа можно выделить следующие:

- *данные диагностики*, то есть показатели компетентности, показатели метапредметных компетенций и личностных качеств, собираемые с помощью разнообразного диагностического инструментария;
- *данные о намерениях*, представляющие собой сведения о фокусе внимания, выборах и предпочтениях участников образовательного процесса;
- *данные образовательного содержания*, включающие в себя сведения о содержании образовательных программ, модулей, учебных планов, программно-методических комплексах, фондах оценочных средств и т.д.;
- *данные образовательного процесса*, или иными словами сведения о фактической посещаемости мероприятий, взаимодействии участников образовательной системы друг с другом и с информационной средой;
- *данные образовательного опыта*, представляющие собой сведения о качественно-количественном представлении деятельности человека или группы людей, включая также такие показатели, как описание целей и задач деятельности, запланированного и фактического результата;
- *данные участия в деятельности*, включающие в себя сведения об описании деятельности, компетентностной разметки деятельности, ожидаемый образ результата деятельности, критерии качества результата деятельности;
- *данные оценки образовательного результата*, то есть данные об успеваемости, прохождении контрольно-измерительных испытаний, и в целом данные о всех видах оценивания, включая разработанные сторонними наблюдателями;
- *данные о состояниях*, включая сведения о физиологическом, психоэмоциональном и когнитивном состоянии участников деятельности, а также состоянии образовательной среды.

Все эти данные аккумулируются в понятие «цифровой след» и могут быть использованы для различных целей управления образовательным медиапространством и образовательной деятельностью в целом. Так, авторами Стандарта также было предложено применять цифровые следы для формирования Цифровой модели компетенций, представляющий из себя алгоритм, способный построить модели компетенций для любой профессиональной деятельности, связанной с информационными технологиями, опираясь на массив авто-обновляемых данных о цифровых следах. Также на основе цифровых следов можно строить цифровые компетентностные профили выпускников вузов. С такими профилями могут работать, как непосредственно участники образовательного процесса, так и представители работодателя, оценивая и отбирая кандидатов в свои организации.

Также цифровые следы посредством применения технологий искусственного интеллекта могут быть использованы для оценки эффективности взаимодействия всех участников образовательного процесса, включая специалистов и административный персонал образовательной организации, для оценки вовлеченности в рабочий процесс, а также оценки выполнения планов по всем направлениям деятельности образовательной организации.

Заключение

Анализ публикаций, посвященных цифровым следам позволил сделать вывод, что основными направлениями применения данного понятия в российской науке являются криминалистика и право, а также педагогические науки. В зарубежных публикациях гораздо чаще, чем в педагогике, цифровые следы изучаются в контексте социологических наук и теории больших данных.

Авторское исследование показало, что многие эксперты из числа профессоров вузов достаточно поверхностно понимают определение цифрового следа и не до конца умеют управлять своими цифровыми следами. При этом навык определения надежности одних источников информации в интернете и ненадежности других, а также знание правовых последствий своей деятельности в интернете, находится на высоком уровне, что говорит о том, что необходимо проводить просветительскую деятельность среди профессорско-преподавательского состава образовательной организации в вопросах цифровых следов, но при этом применения жестких мер данная проблема не требует.

Исследование применения цифровых следов в образовательной деятельности, а также в процессе управления образованием, сегодня становится все более актуальным. Предлагаются все новые пути сбора и анализа данных, накапливаемых в ходе осуществления деятельности образовательного учреждения. Университетом 20.35 был разработан Стандарт цифрового следа, где подробно расписаны составляющие данного понятия, а также цели и механизмы его сбора и анализа.

Все большее количество университетов применяет в своей практике анализ цифровых следов, в том числе для формирования компетентностных портретов выпускников, анализа эффективности сотрудников и преподавателей и т.д.

Среди угроз и недостатков применения цифровых следов в управлении образованием, можно назвать вопросы защиты персональных данных, возможности утечки данных, а также ограниченность технических возможностей образовательных организаций.

Литература:

1. Баловнева, А.Н., Колесникова, С.И. Модель реализации непрерывного образования на основе цифрового следа // Инновационные, информационные и коммуникационные технологии. – 2018. – № 1. – С. 13-16.
2. Богданов, М.Б., Смирнов, И.Б. Возможности и ограничения цифровых следов и методов машинного обучения в социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 1. – С. 304-328.
3. Булыгин, Д.И., Мусабилов, И.Л. "Цифровые следы" и измерения ценности особенных благ // Информационное общество. – 2019. – № 6. – С. 59-65.
4. Возиянов, Д.Э. Цифровой маркетинг: экосистемные модели, облачные технологии и цифровой след. Развитие предпринимательства в России - история, опыт, перспективы: региональный аспект". Сборник материалов Международной научно-практической конференции преподавателей, студентов, магистрантов, аспирантов. В 2-х частях. Симферополь, 2021. – С. 106-111.
5. Гончарова, Е.В. Цифровой след как качественная характеристика объема данных в цифровой экономике. Цифровой след как объект судебной экспертизы. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 2021. – С. 55-56.
6. Делягин, М.Г. "Цифровой след" личности - новый смысл существования человечества и некоторые следствия этого // Свободная мысль. – 2021. – № 2 (1686). – С. 5-14.
7. Захарова, И.Г., Боганюк, Ю.В., Воробьева, М.С., Павлова, Е.А. Диагностика профессиональной компетентности студентов ИТ-направлений на основе данных цифрового следа // Информатика и образование. – 2020. – № 4 (313). – С. 4-11.
8. Каткова, Д.А. «Цифровой след» в системе составления цифрового портрета для подбора персонала // Гуманитарный научный журнал. – 2021. – № 3. – С. 64-70
9. Когтева У. А. Трансформация медиапространства университета в условиях информационного общества // Социология образования. – 2018. – № 4. – С. 104-117.
10. Кузеева, А.Р. Цифровой след человека как способ управления его поведением. Цифровизация общества: состояние, проблемы, перспективы. Материалы VIII ежегодной всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2021. – С. 5-10.
11. Мухаметзянов, И.Ш. Цифровая трансформация образования (большие данные, кибербезопасность, цифровой след учащегося) // Педагогическая информатика. – 2020. – № 4. – С. 180-191.
12. Петров, А.А. Информационно-цифровой след: коммерческие и социальные аспекты в цифровую эпоху // Торговая политика. – 2020. – №2 (22). – С. 62-86
13. Сартан, Г.Н., Глазунова, А.А. Изучение цифрового следа кандидатов при подборе: плюсы и минусы // Мотивация и оплата труда. – 2020. – №4. – С. 318-320

14. Стандарт цифрового следа [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://standard.2035.university/> (дата обращения: 20.10.2021 г.)
15. Флёров, О.В. Цифровой след человека в интернете: основные гуманитарные подходы // Образовательные ресурсы и технологии. – 2018. – № 4 (25). – С. 79-82.
16. Шамсутдинова, Т.М. Когнитивная модель траектории электронного обучения на основе цифрового следа // Открытое образование. – 2020. – Т. 24. – № 2. – С. 47-54.
17. Щекотин, Е.В. Цифровые следы как новый источник данных о качестве жизни и благополучии: обзор современных тенденций // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 467. – С. 170-181.
18. Cernat, A. Do surveys change behaviour? Insights from digital trace data [Электронный ресурс] / A. Cernat, Keusch F. // International Journal of Social Research Methodology. – 2020. – Режим доступа: DOI: [10.1080/13645579.2020.1853878](https://doi.org/10.1080/13645579.2020.1853878) (дата обращения: 20.10.2021)
19. Digital Discussions: How Big Data Informs Political Communication (1st ed.) / ed. by N.J. Stroud, S.C. McGregor. Routledge, 2018. – 210 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781351209434>
20. Hepp, A. Digital Traces in Context. An Introduction / A. Hepp, A. Breiter, Friemel T.N. // International Journal of Communication. 2018. No.12. P.439-449.
21. Sedláček, J. Digital Trace Data: The End of Empirical Sociology? / J. Sedláček // Czech Sociological Review. 2020. No.56 (4). P.471-490. DOI: 10.13060/csr.2020.015

Информация об авторе:

У.А. Когтева, преподаватель-исследователь «Социологические науки», специалист по учебно-методической работе 1 категории кафедры иностранных языков Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

Information about the author:

U.A. Kogteva, researcher {Sociology}, Specialist in educational and methodical work of the Department of Foreign Languages, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

УДК 316.442

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Перемибеда П.А.¹, Кибакин М.В.²

¹ ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Россия

² ФГКУ «ВНИИ МВД России», г. Москва, Россия

В материале статье на основе теоретико-методологического и прикладного экспериментального анализа раскрывается авторский подход к уточнению понятия и сущности социального стратегического управления, как категории современного социологического знания. Приводится обоснование важности использования стратегического социального управления как интегрального механизма регулирования отношений в различных сферах современного общества. Автор приводит результаты анализа используемой в современной нормативной правовой базе и институциональных механизмах программно-целевого развития страны понятий «стратегия», «стратегические задачи», «долгосрочное планирование», «стратегия развития» и других в качестве семантических единиц более широкого понятия – стратегическое социальное управление, которое тем самым закономерно может быть введено в систему отечественного законодательства в сфере государственного управления, развития цифровой экономики информационного общества. Для обоснования своего подхода автор использует выводы из анализа научных источников по проблемам стратегического управления за последние девять лет, проводя их классификацию по формам и тематике содержания. Для придания системности изложения научной позиции автора, в статье использованы выводы из анализа экспериментального экспертного исследования роли и места стратегического социального управления в обеспечении экономической безопасности. В целях уточнения методологической авторской позиции и приглашения к научной дискуссии, в статье дается определение стратегического социального управления. Материалы статьи определяют некоторые перспективы развития системы социального управления на стратегическом уровне с учетом межгосударственного взаимодействия со странами, с которыми Россия поддерживает интенсивные связи в сфере обеспечения безопасности, финансово-экономического и социокультурного взаимодействия.

Стратегия, управление, социальное управление, стратегическое управление, информационное общество, цифровая экономика, экспертный опрос, информационные ресурсы, национальная безопасность, экономическая безопасность, методология.

Для цитирования: Перемибеда П.А., Кибакин М.В. Стратегическое социальное управление как институциональный механизм обеспечения национальной безопасности в условиях развития цифровой экономики информационного общества // Социально-гуманитарные технологии. 2021. №4 (20). С. 42-49.

STRATEGIC SOCIAL MANAGEMENT AS AN INSTITUTIONAL MECHANISM FOR ENSURING NATIONAL SECURITY IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY OF THE INFORMATION SOCIETY

Peremibeda P.A.¹, Kibakin M.V.²

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

² Federal State Institution "Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia", Moscow, Russia

Based on theoretical, methodological and applied experimental analysis, the article reveals the author's approach to clarifying the concept and essence of social strategic management as a category of modern sociological knowledge. The substantiation of the importance of using strategic social management as an integral mechanism for regulating relations in various spheres of modern society is given. The author presents the results of the analysis of the concepts of "strategy", "strategic objectives", "long-term planning", "development strategy" and others used in the modern regulatory legal framework and institutional mechanisms of the program-targeted development of the country as semantic units of a broader concept - strategic social management, which thereby can naturally be introduced into the system of domestic legislation in the field of public administration, the development of the digital economy of the information society. To substantiate his approach, the author uses conclusions from the analysis of scientific sources on the problems of strategic management over the past nine years, classifying them by forms and topics of content. To make the presentation of the author's scientific position systematic, the article uses conclusions from the analysis of an experimental expert study of the role and place of strategic social management in ensuring economic security. In order to clarify the author's methodological position and invite scientific discussion, the article defines strategic social management. The materials of the article determine some prospects for the development of the social management system at the strategic level, taking into account interstate interaction with countries with which Russia maintains intensive ties in the field of security, financial, economic and socio-cultural interaction.

Strategy, management, social management, strategic management, information society, digital economy, expert survey, information resources, national security, economic security, methodology..

For citation: Peremibeda P.A., Kibakin M.V. Strategic social management as an institutional mechanism for ensuring national security in the context of the development of the digital economy of the information society. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2021; 4 (20): 42-49. (In Russ.)

Введение (Introduction)

Социологическое знание находится в процессе бурного развития, обусловленного необходимостью описания новых реалий современного общества риска, с важностью концептуализировать в свойственном для социологии понятийно-категориальном аппарате процессы становления информационного, сетевого, цифрового общества, а также связанных с этим возникновений концепций, теорий и гипотез отдельных научных школ и ученых. В нашей стране в связи с реализацией концепции развития цифровой экономики информационного российского общества особую значимость приобретают теоретические наработки в рамках частной теории социального управления.

Уникальность ситуации трансформации понятийного аппарата социологии также обуславливается все большим проникновением технологий, цифровых платформ и сервисов, виртуальных каналов социальных коммуникаций, производственной деятельности движения финансовых средств на традиционное поле социологической науки – общественные отношения, институционализации социо-кибер-физических систем (беспилотный транспорт, цифровое образовательное тьютерство и менторство, цифровая медицина и т.п.) в качестве агентов (агентств) равного взаимодействия человека с искусственным интеллектом и интеллектуальными когнитивными цифровыми платформами.

Представляется, что в этих условиях интегративная функция социального стратегического управления поможет сохранить гуманистическую, антропоцентрическую парадигму цивилизационного развития. В связи с этим сообществу ученых, прежде всего представителям наук социально-гуманитарного цикла важно не просто адаптировать классические подходы к определению социального управления, уровней его осуществления и темпоральных характеристик, но осуществить «пересборку» его содержания, функций, встроенности в качестве механизма обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны, общества, глоболокальных и глобальных сообществ, цивилизаций.

Литературный обзор (Literature review)

Отечественные ученые и научные школы [9], а также зарубежные ученые и практики [1] обращались в своих работах к проблематике *стратегического управления*, его статусу в системе обеспечения устойчивого развития стран, достижения наилучших финансовых результатов и устойчивости субъектов рынка, необходимого социального эффекта.

Проблемам выявления *детерминант* оптимальности развития цифровой экономики, использования *институциональных механизмов* влияния на процессы в экономической сфере [4], обеспечения с помощью этих инструментов достижения программно-целевых показателей цифровой экономики также посвящено некоторое количество научных работ, введенных в научный оборот и составляющих информационную базу формирования понятийно-категориального аппарата субъектов цифровой экономики [16].

В традиции отечественной научной школы традиционно обращаться к вопросам обеспечения *национальной безопасности*, защищенности от опасностей и угроз процессов цивилизационного развития, что в современных условиях закономерно связано с появлением публикаций, связанных с научной рефлексией трансформационных процессов становления цифровой экономики информационного общества [3].

В материалах международных форумов социологов, политологов, культурологов, экономистов можно найти описание современных концептуальных подходов к развитию методологии социологического знания, неразрывно связанного с совершенствованием понятийно-категориального аппарата [6], что весьма ценно для осмысления современного содержания категорий социального управления различного уровня и предметной направленности.

Изучение наработанного научного материала, содержащегося в доступных источниках, создает необходимые предпосылки для дальнейшего развития научных взглядов и практических разработок для уточнения понятия и сущности управленческих феноменов в рамках социологической науки.

Теория и методы (Theory and methods).

Исследование феномена социального управления на стратегическом уровне применительно к отдельным сферам общественной жизни проведено на основе теоретико-методологического осмысления его сущности, генезиса, роли и месте в системе других категорий.

С целью определения объема понятия «социальное стратегическое управление» применительно к системе обеспечения национальной безопасности и цифровой трансформации экономической сферы прежде всего проанализированы нормы отечественного законодательства, связанные с осуществлением стратегического планирования [15] и концептуальных документов национальной безопасности [12].

В настоящее время институциональные механизмы государственного управления связаны с закреплением национальных целей и стратегических задачах страны [14], определением федеральных программ и проектов в качестве программно-целевых средств их достижения.

Исходя из смысла этих правовых актов, позиции законодателей и анализа правоприменительной практики можно предположить, что стратегическое социальное управление рассматривается как механизм воздействия на социальные институты социетального уровня для их лучшего функционирования в интересах обеспечения устойчивого социально-экономического развития в системе обеспечения национальной безопасности.

Дальнейшая научная разработка категории стратегического социального управления проведена на основе социологических концепций социального управления, среди которых особое место занимают специализированные структурные подразделения ведущих научных центров нашей страны [11].

Исходя из того, что управление рассматривается ими как социокультурный механизм, реализуемый на основе принципов сознательно контроля и направляемый особыми субъектами, встроенный в социальный процесс, имеющий такие характеристики, как оптимальное сочетание организации и самоорганизации, формальные правила и неформальные нормы, его стратегический

уровень вводит дополнительные темпоральные параметры (долговременности), а также влияния на явления и процессы социетального уровня.

При этом роль и место стратегического социального управления в экономической сфере определяется спецификой объекта и предмета воздействия – экономические отношения, хозяйствующие субъекты, финансово-экономические институты. Этот аспект социального управления тесно связан с проблематикой экономической социологии.

Следующий уровень теоретического анализа понятия стратегического социального управления предполагает проведения контент-анализа и содержательного анализа динамики введения в научный оборот источников по проблемам стратегического управления на предмет выявления наиболее востребуемых методологических подходов для решения соответствующих задач в различных сферах жизнедеятельности.

Для этого проведено изучение ресурсов крупнейшей научной электронной библиотеки «eLIBRARY.RU» [5], совмещённой с Российским индексом научного цитирования. Выводы из этого изучения свидетельствуют о конкретно-исторической обусловленности внимания ученых и практиков к социальным аспектам стратегического управления, о чем свидетельствует количественная представленность этой проблемы в различных формах научного творчества, что отражено на рисунке 1.

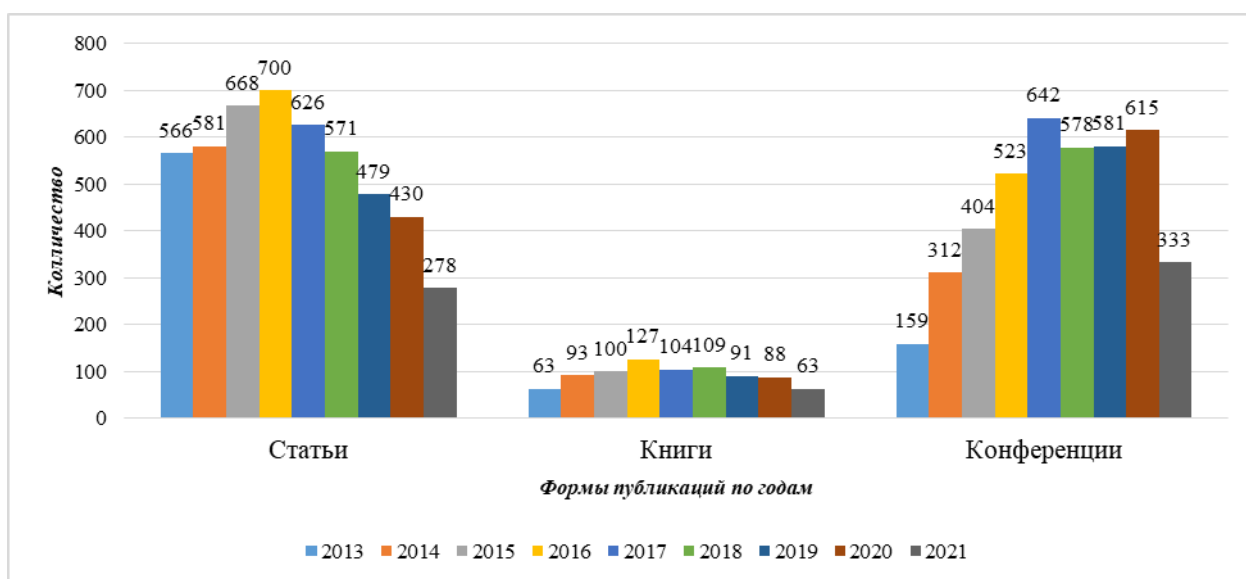

Рисунок 1 – Динамика публикаций по проблемам стратегического управления в различных формах научных публикаций (по материалам собственного исследования)

Дополнительный материал для анализа дает сравнительное представление доли представленности предметных областей изучения стратегического управления, что отражено на Рисунке 2.

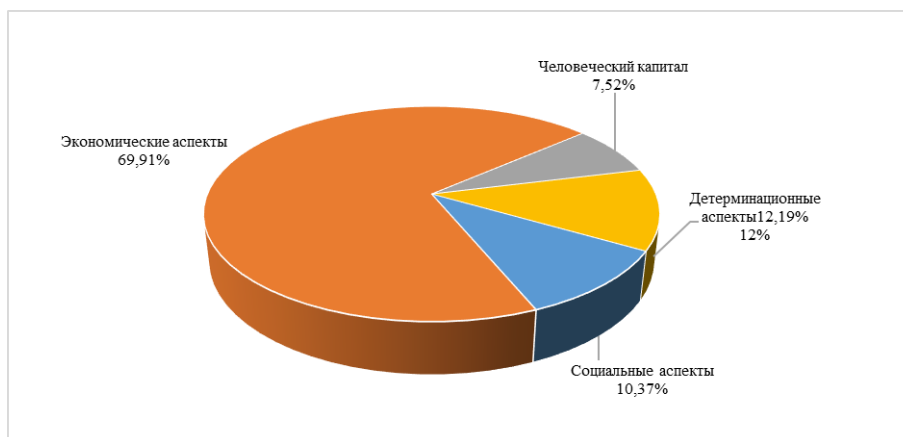

Рисунок 2 – Сравнительный анализ доли всего объема публикаций по предмету исследования в статьях по проблемам стратегического управления (по материалам собственного исследования)

При этом динамический анализ также свидетельствует о существенной зависимости содержания публикаций от особенностей востребованности тех или иных материалов, появления нормативных документов и других конкретно-исторических факторов, что следует из рисунка 3.

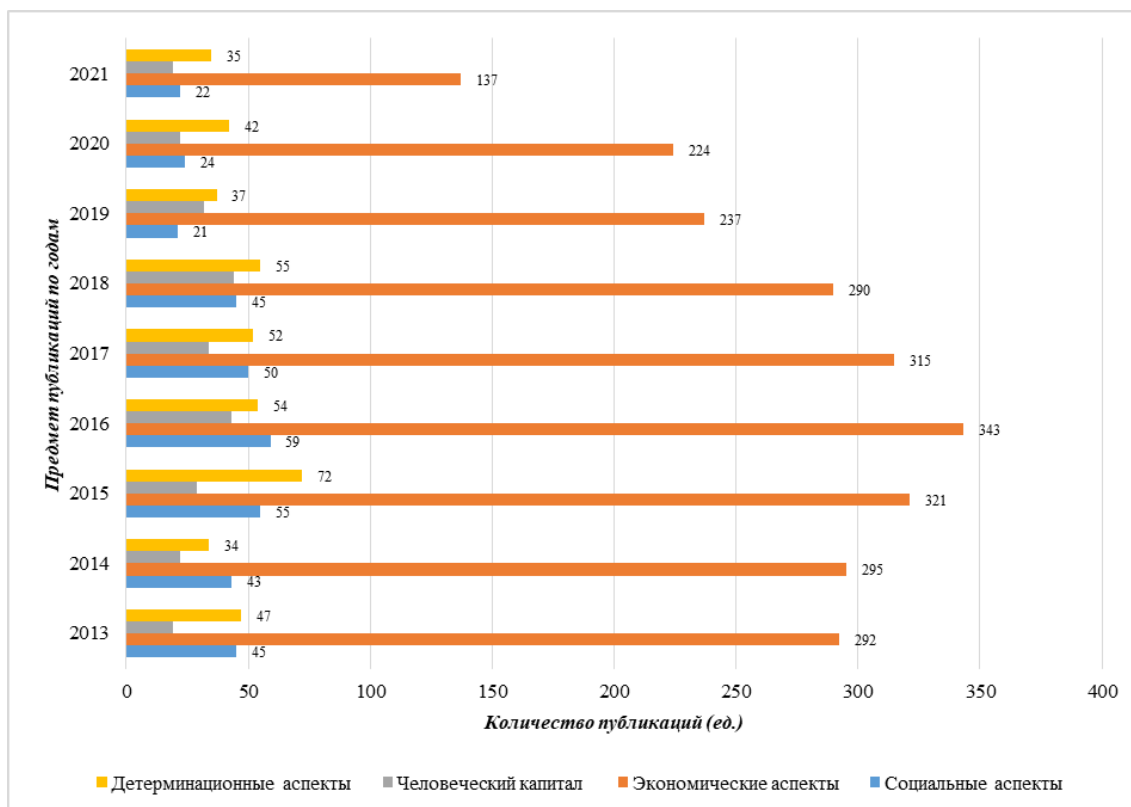

Рисунок 3 – Сравнительный анализ динамики предмета исследования в статьях проблем стратегического управления (по материалам собственного исследования)

Кроме того, как свидетельствуют результаты изучения источниковой базы, можно заметить, что в стратегическом управлении ученые и практики различают различные аспекты, а базовая категория «стратегическое управление» служит своеобразной платформой для «сборки» уточненных понятий применительно к различным отраслям знаний и институтам рыночной экономики.

Наконец, на экспериментальном уровне изучение детерминационных, ресурсных, институциональных, а также потенциальных аспектов влияния на обеспечение национальной безопасности в условиях цифровой экономики информационного общества аспектов стратегического социального управления проведено в ходе экспертного социологического исследования «Экономическая безопасность – 2021» (руководитель исследования – к.с.н. Перемибеда П.А.), с формированием 5-ти экспертных групп из числа работников органов государственной власти, специалистов финансово-экономических служб, профессорско-преподавательского состава, работников правоохранительных органов и военнослужащих, руководителей хозяйствующих субъектов цифровой экономики (всего опрошено 91 эксперт, уровень согласованности мнений $W=0,93$).

Анализ результатов, Основные результаты (Results and discussion).

Полученные результаты носят теоретико-прикладной и экспериментально-аналитический характер, который позволяет уточнить содержание категории «стратегическое социальное управление» и ее особенности, как механизма обеспечения национальной безопасности в условиях развития цифровой экономики информационного общества.

Первое. В порядке дискуссии предлагается следующее определение изучаемого феномена, опирающееся на его теоретико-методологическую разработку на основе обобщения имеющихся в социологии и других научных дисциплинах подходов. Итак, *стратегическое социальное управление* – это один из институциональных механизмов в процессе обеспечения национальной безопасности страны, ее устойчивого социально-экономического развития, имеющий социокультурный конкретно-исторический характер, направляемый субъектами стратегического руководства социетального уровня, обеспечивающих функционирование этого механизма с помощью сознательного контроля, при учете сочетания организации и самоорганизации, формальные правила и неформальные нормы.

Второе. Проведенное экспертное исследование позволяет дать математическо-статистическую характеристику детерминационного потенциала социального стратегического управления в качестве механизма обеспечения национальной и экономической безопасности в условиях становления цифровой экономики информационного общества.

Сравнительный анализ влияния стратегического социального управления на обеспечение экономической безопасности страны в контексте нестабильности международной финансово-экономической системы, в том числе в соотношении с детерминационным потенциалом использования цифровых технологий, выявленный в ходе авторского экспертного исследования, представлен на рисунке 4.

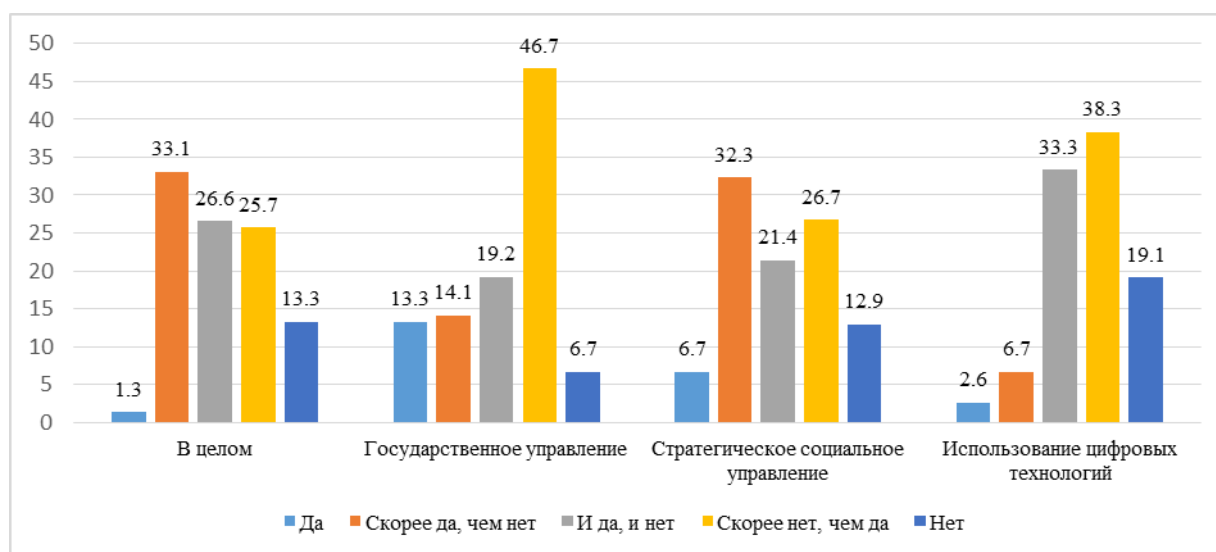

Рисунок 4 – Сравнительный анализ детерминационного потенциала стратегического социального управления в обеспечении экономической безопасности страны (по материалам собственного исследования)

Как свидетельствуют экспертные оценки эффективное стратегическое социальное управление может рассматриваться в качестве важного условия обеспечения экономической безопасности, в том числе развития отечественной цифровой экономики информационного общества.

Третье. В силу глобальности цифровой экономики, включенности нашей страны и отечественных финансово-экономических институтов в транснациональные связи на основе глобальных цифровых платформ, стратегическое социальное управление является важным механизмом обеспечения национальной безопасности [2], защиты интересов «цифрового бизнеса» как внутри страны, так и за рубежом во взаимодействии с правоохранительными органами стран СНГ, ШОС, ЕАЭС и другими.

Современные процессы цифровизации различных сфер социально-экономических отношений, государственного управления вызывают необходимость развития теоретико-прикладных основ стратегического социального управления в сфере обеспечения национальной и экономической безопасности с использованием возможностей межгосударственных союзов, наднациональных регулирующих финансово-экономическую сферу институтов (ВТО, ЭКОСОС, ОЭСР и др.). Наиболее важную роль в обеспечении экономической безопасности нашей страны с использованием

социальных механизмов на глоболокальном уровне играет роль СНГ, что связано в частности с необходимостью научной рефлексии практики реализации уже принятых документов по противодействию высокотехнологической «цифровой» экономической преступности (Соглашение стран СНГ 2009г. [10], программы по борьбе с преступностью [8] и др.), а также с учетом реалий социально-технологических, когнитивных и цифровых процессов организации общественной жизни, государственного управления, национальной безопасности и устойчивого социально-экономического развития.

Развитие системы стратегического социального управления на межгосударственном уровне в рамках СНГ процессами повышения защищенности цифрового бизнеса требует дополнительного научного осмысления заслуживает выбранный государственно-правовой механизм совершенствования мер по защите IT-бизнеса (бизнеса в сфере современных компьютерных, цифровых, виртуальных технологий) в форме концептуализации отдельных административно-правовых и социально-экономических проблем развития отдельных стран с учетом опыта России [13], а также реализуемых на этой основе документов стратегического планирования на среднесрочную и долгосрочную перспективу [7].

Важными компонентами этого механизма стратегического социального управления при этом стало создание межведомственных и общественных профессиональных бизнес-структур, которые осуществляют руководство программой и входящими в нее федеральными проектами. Их работа предусматривает привлечение экспертов, ученых и практиков для уточнения методологии и организационно-правовых основ институционализации современной системы обеспечения безопасного бизнеса IT-компаний в условиях цифровой экономики информационного общества.

Заключение/Выводы (Conclusion).

Таким образом, развитие понятийно-категориального аппарата современной социологии, который происходит в том числе в силу востребованности нового языка описания социальных явлений и процессов цифровой экономики информационного общества, объективно влияет на необходимость разработки категории «стратегическое социальное управление», которое наряду с используемыми категориями «стратегическое планирование», «стратегические задачи», «стратегии» позволяет более полно и системно описать процессы трансформации общества и обеспечить тем более устойчивые методологические и методические основы государственного долгосрочного управления.

Литература:

1. Ансофф И. Стратегическое управление. М., Экономика. – 1989.
2. Дерябин Н.И. Виртуальная революция: миф или реальность? Стратегическое управление оборонным комплексом России в информационном обществе XXI века / Н. И. Дерябин. Москва, 2005.
3. Краснова К.А. К сущности понятий экономической безопасности и угроза экономической безопасности / В сборнике: Актуальные проблемы современного общества. Сборник научных трудов. под редакцией Л.Ф. Костриченко. Воронеж, 2012. С. 138-143.
4. Мирославская М.В. Механизм формирования и развития инновационной экосистемы в условиях цифровой экономики / В книге: Устойчивое развитие цифровой экономики и кластерных структур: теория и практика. монография. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Санкт-Петербург, 2020. С. 322-341.
5. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. Официальный сайт. Электронный ресурс: <https://www.elibrary.ru> (Дата обращения: 14 октября 2021 г.)
6. Подлесных В.И. Методология и логика построения механизма социального управления / Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. 2007. № 36. С. 209-212.
7. Правительство России. Национальные проекты: ключевые цели и ожидаемые результаты. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Электронный ресурс: <http://government.ru/news/35675/> (Дата обращения: 28 октября 2021 г.)
8. Решение Совета Глав государств СНГ от 28 сентября 2018 г. «О Межгосударственной программе совместных мер борьбы с преступностью на 2019-2023 годы». Электронный ресурс: <https://base.garant.ru/72087204/> (Дата обращения 12 ноября 2021 г.)
9. Семечкин А.Е., Пазюк Ю.В. Стратегическое управление: теория и практика. Москва, 2007.

10. Соглашение об обмене информацией в сфере борьбы с преступностью (Астана, 22 мая 2009 г.) // Бюллетень международных договоров, №1, 2011 г.
11. Социальное управление: фундаментальное и прикладное знание / Отв. ред. А.В.Тихонов. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2014. – 560 с.
12. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. №400) / Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (Дата обращения: 6 сентября 2021 г.)
13. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы (утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017г. №203). Электронный ресурс: <http://ips.pravo.gov.ru:8080/default.aspx?pn=0001201705100002> (Дата обращения: 21 октября 2021 г.)
14. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. N 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» / Официальный интернет-портал правовой информации" (www.pravo.gov.ru) / Собрание законодательства Российской Федерации от 14 мая 2018 г. N 20 ст. 2817.
15. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» / Официальный интернет-портал правовой информации" (www.pravo.gov.ru) 30 июня 2014 г. / Собрание законодательства Российской Федерации от 30 июня 2014 г. N 26 (часть I) ст. 3378.
16. Шакулов А.А. Формирование государственного механизма стимулирования развития цифровой экономики // В сборнике: Актуальные вопросы экономики. Сборник научных трудов. Чебоксары, 2020. С. 208-211.

Информация об авторе:

П.А. Перемибеда, кандидат социологических наук, доцент, доцент, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Россия.

М.В. Кибакин, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, доцент, ФГКУ «ВНИИ МВД России», г. Москва, Россия

Information about the author:

P.A. Peremibeda, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

M.V. Kibakin, doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher, associate Professor of the Federal State Institution "Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia", Moscow, Russia

5.3.4 Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

УДК.159.96

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Захарова Н.Л. ¹

¹ Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия

В статье раскрывается понятие профессиональной адаптации, содержание ее компонентов: профессиональный, социальный, психологический, психофизиологический. Профессиональная адаптация представляет собой систему, функционирование которой детерминировано внешними факторами и внутренними условиями. Приведены эмпирические данные, свидетельствующие о специфике профессиональной адаптации специалистов социальной сферы, о влиянии индивидуально-психологических особенностей специалистов на успешность профессиональной адаптации. Результаты факторного и корреляционного анализов позволили представить структурограмму успешно адаптируемых специалистов помогающих профессий.

Профессиональная адаптация, специалисты социальной сферы, индивидуально-психологические особенности.

Для цитирования: Захарова Н.Л. Личностные детерминанты профессиональной адаптации специалистов социальной сферы // Социально-гуманитарные технологии. 2021. №4 (20). С. 50-57.

PERSONAL DETERMINANTS OF PROFESSIONAL ADAPTATION OF SPECIALISTS OF THE SOCIAL SPHERE

Zakharova N.L. ¹

¹ State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia

The article reveals the concept of professional adaptation, the content of its components: professional, social, psychological, psychophysiological. Professional adaptation is a system whose functioning is determined by external factors and internal conditions. Empirical data are presented that testify to the specificity of professional adaptation of specialists in the social sphere, the influence of individual psychological characteristics of specialists on the success of professional adaptation. The results of factorial and correlation analyzes made it possible to present a structural chart of successfully adapting specialists in helping professions.

Professional adaptation, social specialists, individual psychological characteristics.

For citation: Zakharova N.L. Personal determinants of professional adaptation of specialists of the social sphere. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2021; 4 (20): 50-57. (In Russ.)

В настоящее время значимым является изучение адаптации в контексте проблемы позитивного функционирования специалиста социальной сферы. В профессиональной деятельности социальных работников, специалистов по работе с семьей, социальных педагогов множество стрессогенных факторов, существенным образом оказывающих воздействие на деятельность и психологическую безопасность личности. Деятельность специалистов социальной сферы сопровождается высокой функциональной загруженностью, наличием непредвиденных

ситуаций, необходимостью принятия ответственных решений, связанных с жизнью и благополучием других людей. Психологическая практика показывает, что в период адаптации к условиям деятельности происходят значимые психологические изменения, влияющие на профессиональное поведение, общение, деятельность. Зачастую эти изменения являются негативными, проявляющимися в профессиональном выгорании, личностных деструкциях, доминировании негативных состояний и астенических эмоций. Несомненно, что период адаптации к деятельности является важным: от успешности его прохождения зависит дальнейшее профессиональное становление специалиста. Значимым становится обращение к проблеме личностных детерминант профессиональной адаптации специалистов с целью определения стратегий развития субъекта деятельности, сохранения его здоровья, снижения факторов профессиональных деформаций.

За последние десятилетия накоплен большой объем эмпирических данных, полученный с использованием валидного и надежного психодиагностического инструментария. В работах исследователей анализируются факторы и условия профессиональной адаптации. Вместе с тем, сравнительно небольшое число исследований посвящено вопросам адаптации специалиста социальной сферы к условиям профессиональной деятельности.

В предметную область профессиональной адаптации входят категории профессиональной социализации, профессионального здоровья, развития субъекта труда. Исследователями анализируются взаимосвязи адаптации с особенностями развития профессионально важных качеств [8,9], мотивацией труда [4,10] профессионального стресса [2,6], психологической безопасности [7,11] и др. Очевидно, что профессиональная адаптация является сложным явлением, связанным с индивидуальными особенностями человека, его социальным статусом, стажем работы и др. Важным в процессе адаптации является правильное соотношение ценностей субъекта деятельности и социальной группы (трудового коллектива, организационной культуры), а сам процесс адаптации является наиболее успешным при реализации потребностей субъекта в профессиональной среде. Традиционно выделяют профессиональный, социальный, психологический и психофизиологический аспекты трудовой адаптации. Профессиональная адаптация предполагает процесс поэтапного и последовательного овладения и развития профессиональных компетенций, преодоление противоречий между требованиями профессиональной среды и уровнем развития профессионала. Содержание социальной адаптации раскрывается в особенностях привыкания человека к социальным условиям и организации деятельности, включает приспособление к среде, нормам, графику работы, особенностям управления. Психологический аспект адаптации заключается в преодолении барьеров психологического и социально-психологического характера, связанных с мотивацией к деятельности, деловым взаимодействием, реализацией субъектом своих потребностей и способностей. Психофизиологический аспект профессиональной адаптации включает физиологические основы психической деятельности адаптирующегося субъекта. В сущности, можно говорить о процессе адаптации как системе, ядром которой является ценностная сфера субъекта деятельности. При изучении механизмов адаптации необходимо учитывать, что исходными факторами возникновения профессиональных стрессов является восприятие ситуации, в процессе которого у субъекта возможно расхождение между желаемым и реальностью. Результатом функционирования адаптационного процесса является определенность совокупности образов, составляющих профессиональную деятельность, в том числе Я-образа как субъекта деятельности. Профессиональная адаптация – это процесс освоения личностью, новой трудовой ситуации, в котором и личность, и трудовая среда оказывают активное воздействие друг на друга и являются адаптивно-адаптирующими системами. Адаптационные процессы на всех уровнях имеют свою динамику, что позволяет ряду ученых рассматривать первичную и вторичную виды адаптации [3,7]. Первичная адаптация относится к молодым специалистам, которые имеют опыт работы лишь в рамках учебно-профессиональной деятельности. В процессе первичной адаптации субъектом определяются проблемные ситуации и вопросы, сравнение результатов выполненной работы с требуемыми, знакомство с правилами функционирования организации, формируются способы поведения и взаимодействия, интеграция субъекта в организацию. Именно от успешности данных действий зависит эффективность профессиональной адаптации и профессиональная идентификация специалиста. Вторичная адаптация относится к работникам, имеющим трудовой стаж, опыт работы в

других организациях или перемещенным сотрудникам внутри одной организационной структуры. При вторичной организации происходит определение противоречий между потребностями субъекта и возможностью их реализации в данной профессиональной среде или деятельности. Согласно исследованиям А.И. Кочетковой, П.Н. Кочеткова, адаптационный процесс может рассматриваться благополучным, если работник владеет необходимой информацией о возможностях среды, принципах функционирования организации, требованиях со стороны руководства. Конечной целью процесса адаптации является преодоление профессиональных противоречий, переход к стабильной и надежной работе. В этот процесс включаются все психологические и психофизиологические механизмы регуляции деятельности, обеспечивая нормальное функционирование организма и эффективность работы в различных ситуациях и при воздействии психогенных факторов внешней среды.

Целью нашего эмпирического исследования является определение личностных детерминант профессиональной адаптации специалистов социальной сферы. Мы предположили, что существуют индивидуально-психологические особенности, способствующие успешной профессиональной адаптации, а также те психологические качества, которые этот процесс затрудняют.

Методами исследования послужили тестирование с помощью Калифорнийского психологического опросника (CPI), опросника для оценки социально-психологической профессиональной адаптации (автор М.А.Дмитриева), анкетирование. Участникам исследования была предложена анкета, состоящая из 19 вопросов. Первые два вопроса направлены на определение срока работы в социальной сфере и наличие стажа работы в других организациях. Третий - пятый вопросы позволяют выявить отношение сотрудника к организации процесса адаптации. Шестой и седьмой вопрос направлены на изучение мнения респондентов о роли руководителя в процессе адаптации. Восьмой вопрос помогает выявить необходимость помощи коллег в процессе адаптации. Девятый и десятый вопросы определяют значимость сотрудника специалистов подразделений (отдел по работе с персоналом, бухгалтерия и др.) в процессе адаптации. Одиннадцатый и двенадцатый вопросы позволяют выявить период времени, за который сотрудник овладел специфическими профессиональными компетенциями, и перечень лиц, способствующих этому. В тринадцатом и четырнадцатом вопросах выявляется отношение сотрудника к установленному графику работы. Пятнадцатый и шестнадцатый вопросы направлены на определение срока, в течение которого сотрудник адаптировался к общению с коллегами, и кто этому содействовал. Семнадцатый и восемнадцатый вопросы способствуют определению степени информированности сотрудника о структуре, целях, руководстве организации, и кто помог овладеть этой информацией. Девятнадцатый вопрос определяет, кто, по мнению сотрудника, должен помогать новичку в вопросах знакомства с организацией в целом, с правилами и распорядком работы, в овладении профессиональными навыками, налаживании отношений с коллегами и руководством.

Статистический анализ осуществлялся с помощью программы «SPSS Statistics-20.0», факторного анализа по методу «Веримакс», коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Для определения личностных детерминант адаптации специалистов на этапе первичного анализа и описания результатов диагностики были использованы возможности описательной статистики – вычисление средних значений.

Участниками исследования стали женщины – специалисты социальной сферы (социальные педагоги, специалисты по работе с семьей, психологи) социально-реабилитационных центров и образовательных организаций Московской области. Всего в исследовании приняло участие 92 специалиста. Стаж работы участников групп распределился следующим образом: в 1 группе 30% отработавших до 6 месяцев и более года, 40% отработавших от 6 до 12 месяцев; во 2 группе 20% отработавших до 6 месяцев, 10% отработавших от 6 до 12 месяцев, 70% отработавших более года. Для всех работников это не первая работа.

Большинство опрошиваемых сотрудников (1 группа -100%, 2 группа-90%) считает, что руководитель должен принимать участие в адаптации сотрудников, 50% и 70% участников 1 и 2 группы соответственно эта помощь была наиболее необходима в первые 6 месяцев работы, 20% и 10% – до года. Помощь коллег наиболее необходима, по мнению респондентов первой группы, в 90% случаях, второй группы – 10%.

Большинство специалистов (1 группа -70%, 2 группа-100%) считает, что сотрудникам подразделений (бухгалтерия, юридический отдел, отдел по работе с персоналом), необходимо принимать участие в адаптации новых работников. Более половины специалистов (67 %) указали, что специфическими компетенциями уже владели, а в данной организации происходит совершенствование. На вопрос о том, кто помогал развивать профессиональные навыки на рабочем месте, получили следующие ответы:

- руководитель – 39% и 26%;
- коллеги – 50% и 53%;
- сотрудник отдела по работе с персоналом – 5% и 13%;
- пришлось осваивать профессию самостоятельно – 5% и 7%.

Всем опрошенным было не трудно привыкнуть к новому рабочему графику и условиям работы. Общий язык с коллективом нашли 100% респондентов. Это произошло с помощью руководителя у 33% и 26% и коллег 53 % и 43%.

Большинство респондентов (50% и 70% соответственно) в полной мере обладают достаточной информацией о структуре, целях, руководстве организации, в которой работают, что говорит о том, что процесс организационной адаптации пройден или проходит успешно. Помощь в овладении этой информацией оказывали руководитель, коллеги, однако 12 % респондентов указали, что им пришлось знакомиться самостоятельно. На вопрос о сферах адаптации, в которых специалисты получали поддержку, и в которых поддержка необходима, ответы распределились следующим образом (табл. 1):

Таблица 1
Мнение респондентов о форме поддержки в процессе адаптации

Сферы адаптации, в которых Вы получали поддержку	1 группа %	2 группа %
Знакомство с организацией в целом	21	29
Знакомство с правилами и распорядком работы	25	29
Овладение профессиональными навыками	21	20
Налаживание отношений с коллегами	15	6
Установление графика, норм, темпа и объемов работы	18	16
Сферы адаптации, в которых, на Ваш взгляд, поддержка необходима	1 группа %	2 группа %
Знакомство с организацией в целом	18	28
Знакомство с правилами и распорядком работы	21	28
Овладение профессиональными навыками	23	13
Налаживание отношений с коллегами	18	16
Установление графика, норм, темпа и объемов	21	16

Анкетирование позволило выявить, что специалисты получали наибольшую поддержку в следующих сферах адаптации: знакомство с организацией и распорядком работы. Специалисты полагают, что поддержка наиболее необходима в процессе развития профессиональных компетенций. Большинство считает обязательным участие в адаптации персонала руководителя, коллег и сотрудника по работе с персоналом. Помощь руководителя и коллег, в основном, нужна в течение года. Помощь сотрудника отдела по работе с персоналом – в течение первого полугодия.

Результаты, полученные с помощью опросника социально-психологической профессиональной адаптации, свидетельствуют о том, что в 1 и во 2 группе высокий уровень адаптации у 70% респондентов, умеренный – у 30%. Данные свидетельствуют о том, что социально-психологическая адаптация для большинства опрошенных специалистов уже завершена или близка к завершению. Это, во многом, объясняется тем, что этап адаптации, который длится до полугодия, завершен.

Таблица 2

Результаты факторного анализа показателей личностных детерминант профессиональной адаптации специалистов социальной сферы

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Доминирование (Do)	-0,05	0,22	0,73
Способность к статусу (Cs)	0,01	-0,042	0,01
Общительность (Sy)	0,81	-0,02	0,02
Социальное присутствие (Sp)	0,36	0,20	0,41
Самопринятие (Sa)	-0,02	0,20	0,30
Независимость (In)	0,40	-0,35	0,41
Эмпатия (Em)	0,012	0,15	0,35
Ответственность (Re)	0,72	0,11	0,16
Социализация (So)	0,33	0,34	0,18
Самоконтроль (Sc)	0,30	-0,08	0,23
Хорошее впечатление (Gi)	-0,24	0,04	-0,12
Обычность (Cm)	-0,35	-0,21	0,27
Чувство благополучия (Wb)	0,81	0,32	-0,08
Толерантность (To)	0,41	0,71	-0,18
Достижение через подчинение (Ac)	-0,06	0,36	0,09
Достижение через независимость (Ai)	0,16	0,06	0,04
Интеллектуальная эффективность (Ie)	0,35	0,02	0,16
Психологический склад ума (Pu)	0,10	-0,34	0,24
Гибкость (Fx)	-0,29	0,17	0,39
Женственность - мужественность (F/m)	0,43	-0,13	0,01
Профессиональная адаптация	0,92	-0,05	-0,07

В ходе факторного анализа было выделено три отдельных фактора, имеющих различную степень нагрузки. Первый фактор с высоким уровнем значимости составляют показатели профессиональной адаптации (0,92); Общительность (Sy) (0,81), Ответственность (Re) (0,72), Чувство благополучия (Wb) (0,71). Можно говорить о том, что профессиональная адаптация специалистов социальной сферы является наиболее эффективной при условии направленности личности на взаимодействие с другими людьми, интересе к общению, знаниях социальных норм и следованию им, добросовестности при выполнении функциональных обязанностей, а также при высоком уровне общей удовлетворенности своими действиями и собственной жизнедеятельностью в целом. По-видимому, ориентация на профессиональное взаимодействие и качественное выполнение работы может рассматриваться как фактор проявления способности человека адаптироваться к деятельности, требующей именно коммуникативных компетенций, четкого соблюдения нормативов, связанных с графиком, планом работы, наличием отчетности. В данном случае речь идет о волевом компоненте системы адаптации, обеспечивающем принятие решений в проблемных ситуациях и контроль. При этом, интересным является тот факт, что чувство благополучия как, возможно, вариант оптимистического отношения к жизни, также способствует успешной адаптации к особенностям профессиональной деятельности, связанной с помощью другим людям.

Второй фактор составляют показатели шкалы Толерантность (To) (0,71). Данные показатели, скорее всего, интегрируют личностные особенности, раскрывающиеся в устойчивости к новому, социальной терпимости, способности принимать людей такими, какие они есть. Вероятно, у субъекта, принимающего решение посвятить свое время помогающей профессии, толерантные качества формируются ранее, до его поступления в организацию, что позволяет ему быстро приспособиться к деятельности, требующей внимания к гражданам, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Специалист социальной сферы работает с разнообразными категориями граждан, зачастую отличающимися девиантным поведением. Скорее всего, отсутствие толерантности не позволит специалисту адаптироваться к взаимодействию с такими категориями лиц.

Третий фактор составляет показатель Доминирование (Do) (0,73). Данные свидетельствуют о том, что специалисты, склонные к лидерству, проявляющие инициативу и активность во взаимодействии, успешно справляются с проблемными ситуациями, где необходимо взаимодействие

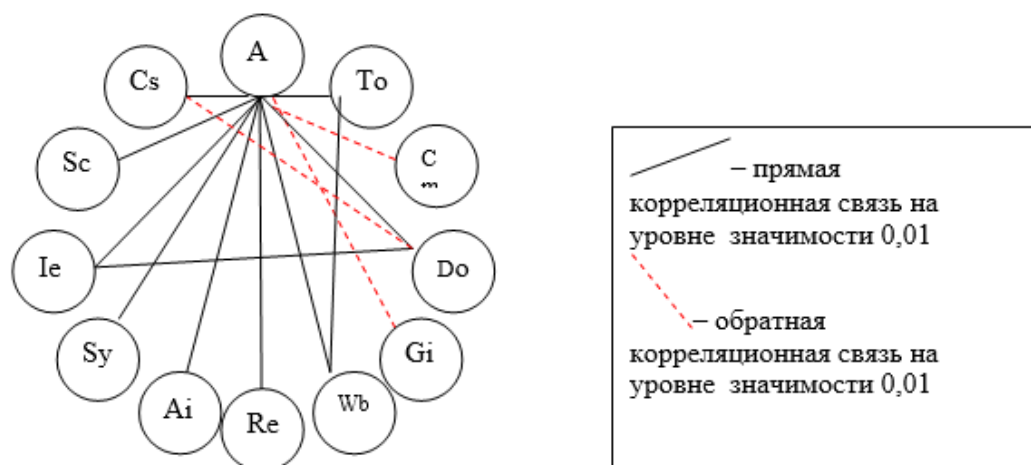
с людьми, попавшими в трудную жизненную ситуацию. Помогающая роль, составляющая основную функцию работы сотрудника социальной сферы, предполагает установление контактов с различными руководителями и специалистами (инспекция по делам несовершеннолетних, полиция, медицинские учреждения, образовательные организации и др.). Высокая активность способствует как эффективности деятельности, так и профессиональной адаптации специалиста.

Таким образом, на основании результатов факторного анализа можно говорить о том, что существуют личностные детерминанты профессиональной адаптации специалистов социальной сферы. Такими факторами выступают индивидуально-психологические особенности личности: общительность, ответственность, чувство благополучия, толерантность, доминирование.

Обратимся к описанию результатов корреляционного анализа показателей личностных детерминант профессиональной адаптации специалистов. Положительные значения коэффициента корреляции (>0) свидетельствуют о прямой линейной связи. Выявлены взаимосвязи между адаптацией и показателями шкал CPI. Психологический смысл этих связей заключается в следующем: процесс освоения личностью новой трудовой ситуации, связанной с поддерживающей и помогающей деятельностью, становится более успешным при выраженности лидерской позиции в общении (Доминирование (Do) (0,74)), следовании правилам организации (Ответственность (Re) (0,52)), терпеливому отношению к предлагаемым ситуациям и людям (Толерантность (To) (0,54)), удовлетворенностью своей жизнедеятельностью и самим собой (Чувство благополучия (Wb) (0,70)), заинтересованностью в анализе ситуации, ориентации на достижение самостоятельно определяемых целей с использованием нестандартных способов решения (Интеллектуальная эффективность (Ie) (0,71)). Можно сказать, что интеллектуальные параметры личности выступают регуляционным механизмом процесса профессиональной адаптации. Они позволяют субъекту корректировать свое поведение в соответствии с особенностями ситуации взаимодействия. Выявлены положительные связи между шкалами Доминирование (Do) и Интеллектуальная эффективность (Ie) (0,68); Толерантность (To) и Чувство благополучия (Wb) (0,72). Выявленные связи свидетельствуют о том, что, чем более специалист самостоятелен и независим, тем выше показатели его планирования, анализа ситуации, готовность подготавливать заранее работу, информированность. С повышением толерантного отношения к людям и ситуациям взаимодействия доминирует чувство благополучия над угнетенным или фрустрированным состоянием.

Выявлены отрицательные связи между профессиональной адаптацией и шкалами Хорошее впечатление (Gi) (0,65) и Обычность (Cm) (0,87). Это означает, что с преобладанием заинтересованности в создании благоприятного впечатления о себе в глазах других людей, а также чувства похожести на других людей, при непризнании собственной индивидуальности уровень профессиональной адаптации специалиста социальной сферы снижается. Данный конфликт становится источником дезадаптации специалиста. Выявлены отрицательные связи между шкалами Способность к статусу (Cs) и Доминирование (Do) (0,64), что свидетельствует о следующем: чем более специалист выражает свое превосходство над другими, независимость, стремление достичь высокого социального статуса, тем менее он способен брать инициативу в сложных ситуациях профессионального взаимодействия.

Полученные эмпирические данные позволяют представить структурограмму индивидуально-психологических особенностей успешно адаптированного специалиста социальной сферы (Рисунок 1).

Условные обозначения: А – Адаптация; То – Толерантность; Ст – Обычность; До – Доминирование; Gi – хорошее впечатление; Wb – Чувство благополучия; Re – Ответственность; Ai – Достижение через независимость; Sy – Общительность; Ie – Интеллектуальная эффективность; Sc – Самоконтроль; Cs – Способность к статусу.

Рисунок 1 - Структурограмма индивидуально-психологических особенностей успешно адаптированных специалистов профессиональной сферы

Полученные в ходе исследования данные позволяют заключить следующее:

1. Процесс профессиональной адаптации специалиста социальной сферы будет наиболее успешным при участии всего коллектива, руководителя, отдела по работе с персоналом, коллег.

2. Наибольшую потребность в процессе адаптации специалисты испытывают в помощи овладения специфическими профессиональными навыками.

3. Профессиональная адаптация специалиста социальной сферы детерминирована индивидуально-психологическими особенностями. Успешность адаптации определяется развитием коммуникативных навыков, мотивации общения, чувством благополучия, наличием потребности в лидерстве, ответственного отношения к делу, толерантности.

4. Профессиональная адаптация тесно связана с интеллектуальной эффективностью, которая выступает в роли регуляционного механизма.

5. Качествами, затрудняющими профессиональную адаптацию специалистов социальной сферы, являются стремление к статусу и отрицание собственной индивидуальности.

Выявленные закономерности обуславливают значимость и целесообразность разработки рекомендаций, направленных на обеспечение профессиональной адаптации специалистов социальной сферы. В качестве основного направления для обеспечения успешности адаптации специалиста социальной сферы может рассматриваться деятельность по изменению самооотношения, повышению навыков анализа собственной деятельности, развитие самоконтроля.

Литература:

1. Веснин В.Р., Ларионов И.К. Статистические закономерности практики управления//Бизнес в законе. 2012.№ 6. С. 372-374.
2. Демина М.А., Лаптева А.И. психологические детерминанты профессиональной направленности курсантов военного института как фактор успешной адаптации к предстоящей профессиональной деятельности//Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2021. № 1(14). С.67-70.
3. Кабаченко Т.С. Психология в управлении человеческими ресурсами: учебное пособие. СПб.: Питер,2003. 400 с.
4. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М.: Просвещение, 2004. 305 с.
5. Кочеткова А.И., Кочетков П.Н. Организационное поведение и организационное моделирование. В 3 ч. Часть 1. М.: Издательство Юрайт,2021.349 с.
6. Леонова А. Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. М.: Изд-во МГУ, 1984. 200 с.
7. Львов В.М. Психология труда. Тверь: Триада, 2005. 180 с.
8. Маматкова А.С. Профессиональные затруднения молодых педагогов в процессе профессиональной адаптации// Вопросы науки и образования.2020 №1 19 (103). С.29,32
9. Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. 479 с.

10. Хайрутдинова О.П., Яшкова А.Н. Профессиональный интерес на этапе адаптации учащихся к профессиональному обучению// INTERNATIONAL JOURNAL OF MEDICINE AND PSYCHOLOGY. 2020. Т.3.№2. С. 40-43.
11. Шлыкова Н.Л. Психологическая безопасность субъекта профессиональной деятельности. Тверь: Триада, 2004. 151 с.

Информация об авторе:

Н.Л. Захарова, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

Information about the author:

N.L. Zakharova, Doctor of Psychology, professor, professor of the Department of Humanity and Social Disciplines, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

УДК.159.99

ГОТОВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Киреева Л.В.¹

¹ Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия

«Будь готов – всегда готов» – таков был лозунг Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина (1924-1991 гг.). Что мы слышим в этой фразе? Призыв, уверенность, стремление. С точки зрения обывателя, готовность – это состояние выполнять определенную функцию здесь и сейчас. Ученый же будет конкретизировать и рассматривать эту категорию системно: кто готов (субъект), к чему готов (вид деятельности), где и когда готов (социально-исторический контекст). В рамках психологической науки, основной вектор изучения возьмем в направлении ПОЧЕМУ готов (цель и мотивы). В данной статье рассмотрены теоретические основы изучения готовности к профессиональной деятельности в отечественной науке.

Профессия, готовность личности к профессиональной деятельности, профессиональное становление.

Для цитирования: Киреева Л.В. Готовность личности к профессиональной деятельности // Социально-гуманитарные технологии. 2021. №4 (20). С. 58-63.

PERSONALITY READINESS FOR PROFESSIONAL ACTIVITY

Kireeva L.V.¹

¹ State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia

«Be ready - always ready» - this was the slogan of the All-Union Pioneer Organization named after V.I. Lenin (1924-1991). What do we hear in this phrase? Appeal, confidence, aspiration. From the point of view of the layman, readiness is a state of performing a certain function here and now. The scientist will concretize and consider this category systematically: who is ready (subject), what is ready for (type of activity), where and when is ready (socio-historical context). Within the framework of psychological science, we will take the main vector of study in the direction of WHY is ready (purpose and motives). This article examines the theoretical foundations for studying the readiness for professional activity in domestic science.

Profession, individual readiness for professional activity, professional development.

For citation: Kireeva L.V. Personality readiness for professional activity. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2021; 4 (20): 58-63. (In Russ.)

Готовность личности к профессиональной деятельности как отдельную научную категорию активно начали развивать в отечественной психологической школе в 50-е годы прошлого столетия. Тем не менее и сегодня эта тема не теряет своей актуальности в связи с современной производственно-экономической и внешнеполитической ситуацией в стране, социально-экономическими изменениями, новой образовательной парадигмой, а также трансформацией мотивационно-ценностных отношений к профессиональному самоопределению. Проблема психологической готовности к профессиональной деятельности во многом обусловлена следующими противоречиями: привлекательностью многих современных «модных» профессий и отсутствием понимания их содержательной составляющей; недостаточным уровнем профессионального

самоопределения большинства выпускников школ и требование «поступления в вуз» как одного из критериев социальной успешности.

Кроме того, продолжительному во времени процессу профессиональной подготовки и профессионального становления личности противопоставлено стремительное развитие информационных технологий и роботизирование многих процессов. Так, еще в 2015 году, Школа управления «Сколково» разработала «Атлас новых профессий» - справочник профессий, которые в ближайшее десятилетие должны окончательно устареть, и, наоборот, станут наиболее популярными, по их прогнозам. Среди «умирающих» профессий среди первых попали те специальности, которые требуют сложной предварительной подготовки (интеллектуальной), связанные с систематизацией данных – функционал быстрее и качественнее выполняют компьютерные технологии. Вместе с тем, опираясь на исторический опыт, мы можем констатировать, что «умирание» одной профессии, как правило, ведет к рождению новой. Яркий пример тому – реальная история, положенная в биографическую драму режиссера Теодора Мелфи по одноименной документальной книге Марго Ли Шеттерли «Скрытые фигуры» (англ. Hidden Figures, 2016 г.). В этой картине рассказывается о трех афроамериканских женщинах-математиках, которые работали в Национальном управлении по авионавигации и исследованию космического пространства (НАСА) во времена так называемой «космической гонки» (1957-1988 гг.). Одна из героинь, возглавляющая группу расчетчиц, узнает о предстоящей установке электронного компьютера IBM 7090, который может полностью заменить все человеческие ресурсы. Она берет на себя смелость и самостоятельно изучает инструкцию к машине, находит книгу-самоучитель первого языка программирования Фортран, обучается сама и обучает всю свою команду. При запуске и настройке «компьютерного монстра» руководители понимают, что необходимо высококвалифицированное сопровождение его работы, и тут на авансцену выходит главная героиня, требующая сохранить рабочие места для всех своих сотрудниц, обладающих знаниями, требуемыми для работы с этим «зверем». Эпично? Конечно. Это яркий пример, демонстрирующий готовность к профессиональной деятельности и профессионализации, не смотря на обстоятельства и время; подтверждающий, что ни одна технология не вытеснит человеческий ресурс.

Итак, рассмотрим понятие «профессия». В электронной версии толкового словаря С.А. Кузнецова [4] дается следующее определение: «род трудовой деятельности, занятий, требующий определенной подготовки и являющийся обычно источником существования». В психологической энциклопедии дано более развернутое объяснение: «термин, обычно используемый для обозначения любого занятия, которое требует высокой степени развития умений и обширной специализированной подготовки с целью исполнения определенной социальной роли. Профессии обычно имеют свои собственные нормы этики и поведения в рамках своей практики. Вследствие высокого уровня специализации и монополии знаний и умений они имеют тенденцию быть недоступными для контроля или «вмешательства» в их дела со стороны внешних групп». Таким образом, профессия – это некоторая социальная роль, связанная с выполнением определенного рода деятельности, требующей специализированных знаний и умений, а также готовностью к реализации этой деятельности. Кроме того, постоянное возникновение и исчезновение ряда профессий связано с историческим контекстом и социально-экономической ситуацией, то есть предопределено социогенезом.

Основная же идея новой образовательной парадигмы заключается в том, что обучающийся из пассивного объекта обучения становится самостоятельным субъектом в связи с общедоступностью информации, ее постоянному обновлению и большим количеством источников. В рамках этой парадигмы особое внимание предполагается уделять индивидуальному подходу к образованию каждого отдельного индивида на каждом этапе его жизни.

В то же время, система перехода на новую парадигму образования находится в процессе становления, так как обучение в большинстве образовательных организаций высшего образования ориентировано на прежнюю модель подготовки к фиксированным профессиям, которые в данной экономической системе постепенно начинают исчезать или видоизменяться. Реальная профессиональная деятельность как правило существенно отличается от специальности по диплому. В результате выпускники зачастую не готовы приступить к работе, требуется процесс адаптации и

дальнейшей профессионализации и переквалификации для выполнения конкретных видов работ. По мнению многих специалистов (А.А. Вербицкий, И.А. Зимняя, В.В. Сериков) профессиональная компетентность может формироваться только в реальной деятельности и в практике при прямом взаимодействии со специалистами в прикладной сфере.

Рассмотрим следующие подходы при изучении готовности к профессиональной деятельности отечественными учеными: функциональный, личностный, личностно-деятельностный, компетентностный, социально-психологический, структурно-уровневый.

В рамках функционального подхода авторы рассматривают готовность как особое состояние мобилизации психики, временное действие и работоспособность. Таким образом, готовность личности рассматривается как умение мобилизовать все качества и возможности для успешного выполнения определенных действий (А.Г. Асмолов, Д.Н. Узнадзе, В.Н. Пушкин, Е.П. Ильин, Н.Д. Левитов).

Странники личностного подхода придерживаются мнения, что готовность является устойчивой характеристикой личности, результат профессиональной подготовки. Большой акцент уделяется индивидуально-личностным качествам и процессу формирования морально-психологических свойств личности, необходимых для успешного выполнения определенной деятельности (Б.Г. Ананьев, М.И. Дьяченко, В.А. Сластенин, Л.Б. Шнейдер, В.А. Крутецкий).

Личностно-деятельностный подход определяет готовность как интегративное образование личностных особенностей и подготовленности человека, при этом учитывает важность характеристик внутренних особенностей и внешних факторов (М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович). Авторы считают, что целью формирования готовности является облегчение процесса адаптации к деятельности, овладение всеми ее сторонами: психической, операциональной, этической, организационной.

Научные исследования последних лет рассматривают готовность к профессиональной деятельности в контексте компетентностного и культурологического подходов (В.И. Байденко, Д.А. Красильников, Л.С. Лисицина, А.В. Хуторский и др.). В рамках данного подхода на передний план выступают критерии профессиональной компетентности и профессиональной культуры. Компетентность понимается как способность производить определенный вид работы, включая когнитивные и деятельностные свойства личности.

Я.Л. Коломинский в своей концепции социально-психологической готовности к труду дает определение как уровню развития личности, предусматривающему сформированность целостной системы ценностно-ориентированных, когнитивных, эмоционально-волевых, операционно-поведенческих качеств личности, обеспечивающих оптимальное функционирование личности в коллективе. По мнению автора, успешность социально-профессионального становления в коллективе является критерием сформированности готовности.

Структурно-уровневый (системогенетический) подход (В.Д. Шадриков, А.В. Карпов, Ю.П. Поварёнков) формулирует представление системы деятельности, в которой можно выделить следующие существенные звенья: мотивы деятельности, цели, информационную основу, способность принятия решений и профессионально важные качества.

Таким образом, общее определение готовности к профессиональной деятельности заключается в соответствии личности определенным условиям успешного выполнения профессиональной деятельности. Вместе с тем, существует противоречие в понимании четкой структуры и объективных критериев оценивания «успешности».

Опираясь на структурно-уровневый подход, мы рассматриваем понятие готовности к профессиональной деятельности как системную структуру взаимосвязи свойств и характеристик личности, одним из важнейших компонентов которой является субъективное состояние личности, считающей себя способной и стремящейся выполнять определенную профессиональную деятельность при наличии необходимых профессионально важных качеств. При этом для каждой профессии такая система качеств будет отличительной.

Профессионально важные качества формируются или усиливаются в процессе профессиональной подготовки в образовательных организациях среднего и высшего образования. Как правило, образовательный процесс направлен на развитие профильно-специализированных компетенций, то есть на формирование способности привлекать определенные знания, умения и

навыки для решения конкретных предметных областей. При этом не всегда учитываются ситуации реальных условий и задач, которые встают перед будущими специалистами на рабочем месте, а также индивидуальные, в том числе психологические, особенности каждого обучающегося.

Учеными были предложены различные теории готовности к трудовой деятельности. Так, например, К.К. Платонов выделяет широкую готовность как результат трудового воспитания, выражающийся в желании трудиться и осознании необходимости трудиться; конкретная готовность как результат профессионального обучения, воспитания и социальной зрелости личности – знания, умения, навыки; частная готовность как состояние психологической мобилизации, выраженное в настроенности на предстоящую деятельность [6, с.52].

С учетом изученной литературы и подходов разных авторов, выделим следующие уровни готовности к профессиональной деятельности:

- физиологический – понимается как естественно-физиологическая пригодность, предполагающая отсутствие противопоказаний и наличие необходимых для выполнения функционала структур физического и психического здоровья;

- профессиональный (операциональный) – способность выполнять определенные профессиональные действия, определяемые условиями ситуации; владение инструментарием, необходимым для выполнения конкретных задач; специализированные знания, умения и навыки, полученные в рамках профессиональной подготовки;

- психологический – важные психологические качества человека, способствующие эффективному выполнению деятельности и развитию человека в труде (мотивационная сфера (мотивы, профессиональные притязания, эмоционально-волевая, удовлетворенность трудом), операциональная сфера (психологические знания о труде, психологические умения и способы, профессиональная обучаемость, профессиональное мышление, саморазвитие)).

Таким образом, рассматривать готовность к выполнению определенного рода деятельности необходимо начинать именно с точки зрения физиологического состояния личности с учетом возможного прогресса или регресса. Особое внимание стоит уделять состоянию здоровья, всех функциональных систем организма и отсутствию каких-либо противопоказаний. Не единичны ситуации, когда изучение данного вопроса или не изучается совсем, или ему не придается должного внимания и со стороны субъекта, определяющего свой профессиональный выбор, так и его ближайшего социального окружения.

Вот один из биографических примеров: молодая девушка выбрала профессию учителя музыки, успешно прошла обучение сначала в музыкальной школе, затем поступила и окончила высшее учебное заведение по данной профессии. Однако, при трудоустройстве на прохождении обязательного медицинского осмотра врач дал заключение о том, что у нее очень слабые голосовые связки, и длительные нагрузки на них могут вызвать необратимые последствия, в том числе полную потерю голоса.

По определению Всемирной организации здравоохранения, здоровье – это состояние полного, не только физического, но и душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических недугов. Незнание своего состояния здоровья, переоценка или недооценка своих физических данных может привести не только к невозможности выполнения своей трудовой функции, но и нежелательному ухудшению. Поэтому в процессе профессионального самоопределения важно учесть все факторы, неблагоприятно влияющие на организм и психическое состояние в процессе деятельности. Это могут быть как большие физические нагрузки, постоянно низкая или высокая температура, шумные работы или связанные с токсическими веществами. Профессиограммы многих профессий предъявляют повышенные требования к здоровью человека и имеют медицинские противопоказания. Так, например, профессия водителя имеет 17 медицинских противопоказаний от остроты зрения до эндокринных заболеваний. Психологам, социальным работникам особое внимание стоит обратить на свое зрение и слух, нервными заболеваниями и уровнем эмоциональной устойчивости. При этом стоит обратить особое внимание на определенные личностные черты, такие как: робость, подозрительность, склонность к чувству вины, консерватизма, напряженности, интроверсии – которые имеют определенное значение в формировании синдрома эмоционального выгорания [5, с.54]. Особое внимание в последние годы уделено изучению

профессиональных рисков, связанных со здоровьем сотрудников младшего медицинского персонала – медсестер [3]. И речь идет не только об инфекционных и вирусных заболеваниях, передающихся им от пациентов. Среди профессиональных заболеваний выделяют аллергические заболевания, связанные с частым использованием лекарств и химических антисептических и дезинфицирующих растворов, а также латекса, содержащегося в перчатках, капельных системах, катетерах. Кроме того, профессор Дюссельдорфского университета медицинской социологии в своих исследованиях высказал мнение, что медсестры в значительной степени подвержены стрессовым факторам, вызванным противоречием между высокой степени ответственности обязанностей, ненормированным графиком, условиям постоянного нервно-психического напряжения и низким уровнем оплаты труда. На фоне этого в организме вырабатывается большое количество кортизола, вызывающего спазм кровеносных сосудов и повышающего артериальное давление. Так ряд исследований подтверждает повышенную вероятность развития у медсестер таких заболеваний как инфаркт миокарда, гипертоническая болезнь и стенокардия.

В очередной раз, подчеркивая значимость физиологического состояния личности, стоит обратить внимание на необходимость бережного отношения к своему телесному и душевному состоянию, обращать внимание на свое самочувствие, осознавать, что здоровье – важнейший фактор не только успешного профессионального становления, но и всего жизненного пути.

Следующий уровень – профессиональный, или операциональный – включает совокупность всех специальных знаний, умений и навыков, позволяющих выполнять определенную деятельность. Формируется в рамках профессиональной подготовки в рамках соответствующего профессионального образования или самообучения. Данный уровень постоянно совершенствуется в процессе деятельности, при повышении квалификации или саморазвития. В то же время, не стоит забывать о возможных деструктивных последствиях, то есть деформациях и искажениях в ходе профессиональной деятельности под воздействием различных факторов, ведущих к ухудшению результатов деятельности. Как ни парадоксально, но по последним статистическим данным, обнародованным Госавтоинспекцией, дорожно-транспортные происшествия на дорогах чаще всего происходят по вине водителей мужского пола в возрасте от 30 до 40 лет, предположительно со средним водительским стажем 5-10 лет.

Профессиональный уровень, не смотря на уровень образования и стаж работы, требует регулярного повышения квалификации и расширения своих знаний, изучение и модернизацию технологий, привлечение новых инструментов и т.д. Профессионалу в любой области деятельности требуется расширение зон активности. Вместе с тем, полученные в результате изысканий сведения («кривые обучения» А.И. Галактионова, В.Н. Янушкина [1]) свидетельствуют, что процесс профессионального становления не является линейным и однозначным. На профессиональном пути возможны не только периоды, характеризующиеся профессиональным и личностным развитием по восходящей линии, но и периоды профессиональной стагнации или даже спадов. Выход из таких кризисных ситуаций может приводить либо к конструктивному варианту – личностному и профессиональному росту, переходу на новые стратегии деятельности, более высокий уровень мастерства, либо путь регресса – возвращение к старой, привычной стратегии, устойчивой и дающей стабильный результат, но не позволяющей продвинуться дальше.

Психологический уровень готовности к профессиональной деятельности характеризуется сложной динамической структурой, совокупностью мотивационных, эмоциональных, волевых и интеллектуальных качеств личности в их соотношении с внешними условиями и предстоящими задачами.

В результате проведенного анализа научной литературы и поисковой деятельности авторы рассматривают психологическую готовность к профессиональной деятельности как системную структуру определенных свойств и характеристик личности, представленную следующими компонентами:

1. Мотивационный компонент – состоит из совокупности устойчивых мотивов и целей, установках, интересах, регулирующих деятельность личности, связанных с ним ценностных отношений, обусловленных направленностью на достижение высоких результатов.

2. Социально-личностный компонент – уровень социального развития, определяемый уровнем сформированности коммуникативных навыков и качеств, необходимых для взаимодействия в определенном коллективе, а также уровень самооценки как способности объективно оценивать уровень загрузки, результат своей деятельности и свое место в трудовом коллективе – готовность к принятию новой социальной позиции, предполагающей определенный круг обязанностей.

3. Эмоционально-регулятивный компонент – психоэмоциональный настрой к реализации определенной деятельности и побуждение к дальнейшему овладению вида профессиональной деятельности, а также уровень самоконтроля.

4. Операционально-когнитивный компонент – сумма всех знаний и умений, требуемая для реализации трудовой функции, а также достаточный уровень психологической подготовленности к определенному роду деятельности. Формируется в процессе профессиональной подготовки и профессионального становления.

Таким образом, можем представить структуру психологической готовности к профессиональной деятельности в следующем виде:

Структура психологической готовности к профессиональной деятельности			
Мотивационный компонент	Социально-личностный компонент	Эмоционально-регулятивный компонент	Операционально-когнитивный компонент
<ul style="list-style-type: none"> - мотивы - ценностные ориентации - интересы - установки - стремление к достижению цели 	<ul style="list-style-type: none"> - коммуникативные навыки - уровень самооценки 	<ul style="list-style-type: none"> - уровень саморегуляции и самоконтроля 	<ul style="list-style-type: none"> - набор знаний, умений и навыков, требуемых для реализации определенного вида деятельности

Таким образом, представленная структура готовности к профессиональной деятельности является совокупностью как изначально имеющих параметров (физиологических), так и сформированных в процессе профессиональной подготовки и личностного развития с учетом особенностей социогенеза интегративных качеств и свойств личности.

Литература:

1. Галактионов А.И., Янушкин В.Н. Анализ и оценка деятельности по кривым обучения. Психологический журнал. 1985. Т.6. № 4. С. 97-107.
2. Маркова А.К. Психология профессионализма. – М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. – 308 с.
3. Машевич К.А. Чем болеют медсестры: профессиональные риски. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://medaboutme.ru/articles/chem_boleyut_medsestry_professionalnye_riski/ (дата обращения: 25.11.2021).
4. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – 1-е изд-е: СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с.
5. Папанова, О.А. Психолого-педагогические условия профилактики синдрома эмоционального выгорания у студентов, будущих социальных работников: дис. канд. психол. наук: 19.00.07 / Папанова Ольга Анатольевна. – Курск, 2008. – 175 с.
6. Платонов К.К. Структура и развитие личности. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
7. Поваренков Ю.П. Психологическое содержание профессионального становления человека / Ю.П. Поваренков; Ун-т Рос. акад. образования. – М.: Изд-во УРАО, 2002. – 159 с.

Информация об авторе:

Л.В. Киреева, аспирант второго года обучения «Психологические науки» кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

Information about the author:

L.V. Kireeva, 2nd year post-graduate student “Psychology” of the Department of Humanity and Social Disciplines, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

УДК 159.96

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ О БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Лисичкина Ю.В. ¹

¹ Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия

В статье представлены результаты теоретического и эмпирического исследований профессиональных представлений студентов – будущих специалистов инженерной сферы. На основе теоретического анализа выявляются функции представлений студентов о профессиональной среде, роль представлений в процессе личностно-профессионального развития. С помощью эмпирического исследования показано, что существуют значимые различия между представлениями студентов и оценками факторов профессиональной среды специалистами. Показано, что у студентов второго и третьего курсов сформирован идеализированный образ среды. Студенты предполагают высокий уровень развития факторов материальной, этической, креативной, организационной, коммуникативной сфер профессиональной среды. Предлагаются рекомендации по совершенствованию учебного процесса вуза с учетом выявленных особенностей представлений студентов.

Профессиональные представления, профессиональная среда, ценности, оценки специалистов.

Для цитирования: Лисичкина Ю.В. Представления студентов инженерно-технических специальностей о будущей профессиональной среде // Социально-гуманитарные технологии. 2021. №4 (20). С. 64-70.

ENGINEERING STUDENTS 'REPRESENTATIONS ABOUT THE FUTURE PROFESSIONAL ENVIRONMENT

Lisichkina Yu.V. ¹

¹ State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia

The article presents the results of theoretical and empirical studies of professional ideas of students - future specialists in the engineering field. On the basis of theoretical analysis, the functions of students' ideas about the professional environment, the role of ideas in the process of personal and professional development are revealed. With the help of empirical research, it has been shown that there are significant differences between the perceptions of students and the assessments of the factors of the professional environment by specialists. It is shown that second and third year students have an idealized image of the environment. Students assume a high level of development of factors of material, ethical, creative, organizational, communicative spheres of the professional environment. Recommendations have been developed for improving the educational process of the university, taking into account the identified features of students' perceptions.

Professional views, professional environment, values, expert assessments.

For citation: Lisichkina Yu.V. Engineering students 'representations about the future professional environment. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2021; 4 (20): 64-70. (In Russ.)

Изучение представлений будущих специалистов о профессиональной среде является актуальными для решения задач подготовки, обучения и повышения профессионализма, психологической безопасности субъектов труда. Представления являются компонентом сложного психологического механизма, с помощью которого у личности формируются основные жизненные отношения к труду, людям, сфере познания и тесно связаны с потребностями субъекта деятельности. Исследование представлений о профессиональной среде лежит в плоскости изучения восприятия социальных объектов. Теоретическое значение проблемы представлений определяется ее ролью в детерминации как актуальной, так и в будущей деятельности субъекта труда. Представление в данном случае является одним из регулятивных механизмов профессионального становления, результатом функционирования которого можно обозначить модель субъективного отражения профессиональной деятельности, служащей ориентиром для собственного программирования учебно-профессиональных целей и задач. В то же время, образы, формирующиеся в процессе представления, в некоторой степени, являются отражением ценностной сферы будущего субъекта деятельности, его отношения к факторам профессиональной сферы.

Теоретический анализ отечественных работ показывает наличие интереса к проблеме формирования и развития профессиональных представлений. Так, в исследованиях Л.Д. Желдоченко показана динамика представлений о профессии студентов вузов, особенности взаимосвязей мотивации к деятельности и представлений [1]. Автор выявил, что представления студентов на начальном этапе обучения отличаются амбивалентностью и расплывчатостью. Исследователи обращаются к проблеме взаимосвязей профессиональных представлений и этнической идентичности [4,6]; трудовой мотивации, аддиктивного поведения, профессионального самоопределения [6,7]. В.Н. Обносков доказывает, что развитие профессионализма обусловлено динамикой профессиональных представлений, переходом от слабо дифференцированных образов профессии к целостной модели своего поведения как субъекта профессиональной деятельности [5]. Е.И. Рогов, определяя методологию изучения профессионального самосознания, отмечает значимость формирования представлений, включенных в процесс формирования профессионально важных качеств [8].

На наш взгляд, исследование представлений субъекта о профессиональной деятельности должно осуществляться в сравнении с представленностью профессиональной среды в реальной действительности. Средством изучения здесь могут стать оценки специалистов, работающих в конкретной профессиональной сфере. Такой подход позволяет выявить противоречия между требованиями профессии и компонентами профессиональной подготовки будущих специалистов.

Учитывая общепринятое положение о том, что деятельность является значимой детерминантой перцептивного процесса, мы можем признать содержание и организацию процесса обучения в вузе как основной фактор, влияющий на специфику представлений. Поэтому, изучение и формирование адекватных представлений является необходимым для совершенствования процесса обучения в условиях учебно-профессиональной деятельности.

Адекватно сформированные представления субъекта позволяют ему ориентироваться в профессиональной среде. В этом случае ориентация является показателем способностей субъекта деятельности усваивать правила и нормы профессиональной группы, преобразовывать профессиональную среду, прогнозировать собственное поведение и различные изменения в среде [7]. Очевидно, что представления о профессиональной среде включены в процесс формирования профессионального Я-перспективного, адаптации субъекта к условиям работы, конструирования трудовых отношений. В сущности, в этом случае, речь идет о представлении как об ориентировочном механизме поведения, отвечающим за личностно-профессиональное развитие. Система ориентации, являющаяся совокупностью взаимосвязанных когнитивных, мотивационных, ценностных компонентов, в свою очередь, позволяет субъекту осознать и интерпретировать действительность. Таким образом, может идти речь о векторе адекватности - неадекватности представлений как значимом факторе процесса профессионального развития. По нашему мнению, адекватные представления о профессиональной среде могут быть определены как сформированные образы, определяющие компоненты ситуации, соответствующие необходимому исполнению профессиональных нормативов; обеспечению эффективного профессионального взаимодействия, собственного личностно-профессионального развития и изменения среды.

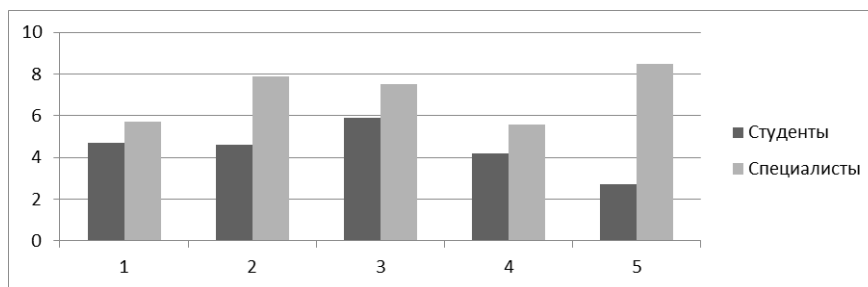
Основываясь на данных исследования Н.Л. Шлыковой о случаях отражения производственной среды человеком [11], можно определить следующие функции представлений о профессиональной среде:

- представления опосредуют взаимодействие субъекта и среды, включены в процесс формирования установки к деятельности;
- формирование образа среды, детерминация модели своего поведения;
- процесс представления является компонентом процесса прогнозирования, определяя отношения и содержание профессиональной активности;
- представления обуславливают качество и объем информации, необходимой для выполнения деятельности;
- обуславливают отношения субъекта к деятельности и самому себе.

Значимым в интерпретации специфики представлений студентов о профессиональной среде являются положения Е.А. Климова об «ответных “активностях”», которые осознанно или неосознанно включены в процесс моделирования среды. При этом отчетливость образов зависит от пола, возраста, установок, ценностей, мотивов деятельности субъекта [2].

С целью определения представлений студентов о будущей профессиональной среде, а также выявления различий между представлениями студентов и работающих специалистов, был использован опросник, разработанный нами на основе методики Н.Л.Шлыковой «Ценностные ориентации субъекта деятельности». Респонденты - будущие специалисты оценивали по 10-балльной системе то, насколько факторы профессиональной среды будут представлены в их будущей деятельности. Респонденты, являющиеся специалистами, оценивали развитие фактора профессиональной среды в данный период времени. Опросник позволяет вывить представления об организации деятельности, материальных, креативных, этических, коммуникативных составляющих профессиональной среды. Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы «SPSS Statistics-20.0». Для проверки предположений о достоверности различий, нами была проведена статистическая обработка данных с помощью критерия Краскала-Уоллеса. В исследовании участвовало 98 студентов второго - третьего курсов инженерно-технических специальностей; 75 специалистов, работающих на одном из предприятий Московской области не менее 1 года.

Анализ данных эмпирического исследования показал следующее. Студенты полагают, что в будущей профессиональной деятельности в наибольшей степени будет проявляться многоплановость деятельности (рис.1). Уровень вероятного проявления этого фактора выше среднего (5,9 б.).

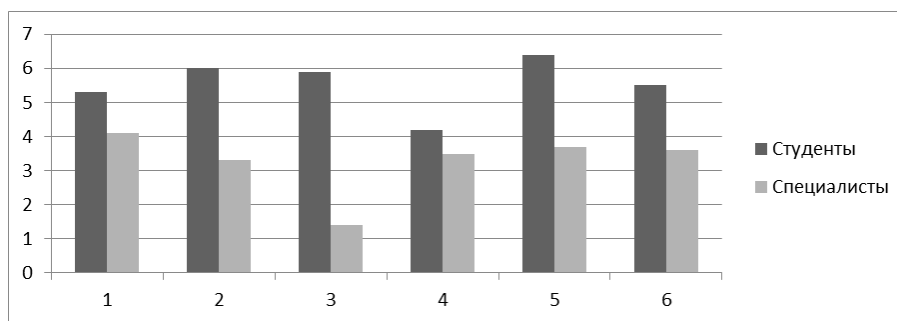
Условные обозначения: 1) функциональная перегрузка; 2) высокая скорость решения задач; 3) многоплановость деятельности; 4) монотонность; 5) ограниченность во времени

Рисунок 1 – Представления студентов и оценка специалистами организационных факторов профессиональной среды

Возможно, что данный показатель является отражением тревожности студентов относительно собственной профессиональной компетентности. В наименьшей степени студенты ожидают ограничения во времени при решении профессиональных задач (2,7 б.). Обратим внимание на то обстоятельство, что именно этот фактор специалисты оценивают как наиболее проявляющийся в деятельности (8,5 б.). Значимые различия между группами выявились также по фактору «высокая скорость решения задач» ($H=85,422$, $p=0,000$).

Очевидно, что данный показатель свидетельствует об искажениях в представлениях студентов относительно временных параметров деятельности. Согласно исследованиям М.И.Широкой, когда речь идет о временной саморегуляции, то значимым фактором становится организация деятельности [10]. Мы можем предположить, что в процессе обучения в вузе затруднено формирование у студентов такой модели организации собственной деятельности, при которой обеспечивается необходимый темп решения задач. При этом, надо учитывать, что, чем более в среде регламентирован временной режим, тем более когнитивные функции субъекта направлены на контроль временных параметров, а не на личностно-профессиональное развитие и эффективность выполнения рабочего задания. Очевидно, что развитие временной компетентности становится значимым фактором развития профессионала.

Анализ данных о представлениях студентов факторов коммуникативной сферы показал: студенты уверены, что они будут информированы о важных действиях и решениях, принимаемых топ-менеджером (6 б.), а также могут надеяться на профессиональную поддержку со стороны коллег (6,4 б.) (рис.2).

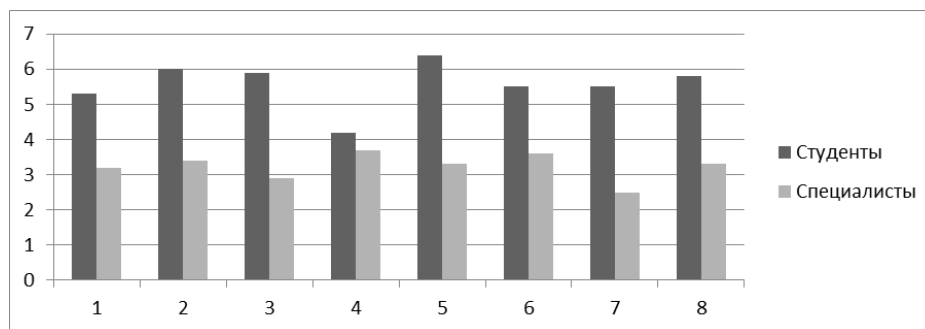

Условные обозначения: 1) продуктивное взаимодействие с топ-менеджером; 2) наличие информации о решениях, принимаемых топ-менеджером; 3) влияние на принятие решений; 4) общение с руководителем вне работы; 5) профессиональная поддержка; 6) психологическая поддержка

Рисунок 2 – Представления студентов и оценка специалистами коммуникативных факторов профессиональной среды

В наименьшей степени они ожидают возможности общения с руководителем вне работы (4,2 б.). Значимые различия представлений студентов и оценок специалистов выявлены по всем факторам, кроме выше обозначенного и фактора «продуктивное взаимодействие с топ-менеджером». Особо обращает внимание фактор возможности влиять на процесс принятия решений в организации, который, по оценкам специалистов, почти не проявляется в реальной деятельности (1,4 б.) ($N=81,355$, $p=0,000$). Подобный оптимизм студентов относительно развития коммуникативной сферы в их будущей профессии может стать сложным барьером в процессе формирования активного субъекта профессиональной деятельности. В случае отсутствия у человека способности к точному отражению ситуации, фиксации ее значимых коммуникативных признаков возникает опасность узости сканирования действительности. В итоге данная особенность когнитивного контроля становится угрозой надежности деятельности профессионала, его психологической безопасности [11].

Что касается факторов креативной сферы, то наблюдается следующее: студенты ожидают высокую степень самостоятельности и творчества в будущей профессиональной деятельности, полагая, что в редких случаях будет регламентация по последовательности решения задач, по времени (6 б.) и им будет предоставлена вся информация для решения профессиональных задач (6,4 б.) (рис.3). При этом оценки специалистов проявления этих факторов – ниже средних значений (3,4б; 3,3 б.).

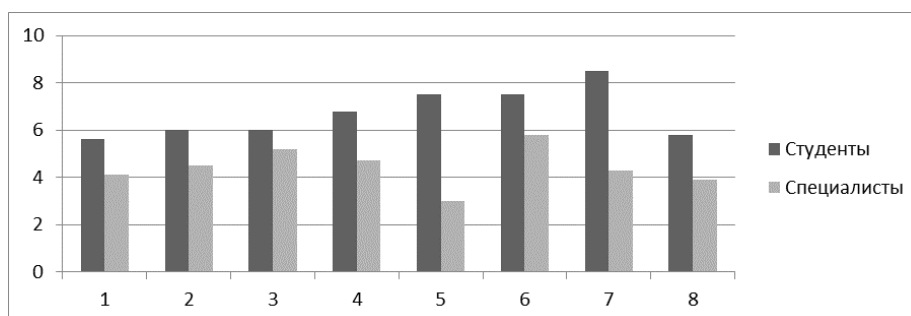

Условные обозначения: 1) самостоятельность в деятельности; 2) отсутствие регламента по последовательности действий; 3) творческий характер деятельности; 4) возможность проявить свои способности; 5) доступность информации, необходимой для работы; 6) отсутствие тотального контроля; 7) отсутствие оформления большого количества документации; 8) отсутствие большого объема операции.

Рисунок 3 – Представления студентов и оценка специалистами креативных факторов профессиональной среды

В этом случае надо говорить о необходимости заблаговременной готовности будущих специалистов к регламентированной деятельности, формирования компетенций, отвечающих за планирование индивидуальной деятельности в соответствии с требованиями организации. Несомненно, важным является обучение поиску релевантной информации для снижения рисков безопасности деятельности [9]. В большей степени студенты сомневаются в том, что смогут проявить свои способности (4,2 б.). С подобным фактом нас знакомит исследование Л.В. Желдоченко, в котором подчеркивается недостаточный уровень принятия себя в будущей работе на данном этапе профессионализации [1]. По этому фактору различия с оценками специалистов незначительны ($N=45,521$, $p=0,000$). Однако, можно предположить, что причины таких оценок у студентов и специалистов различны: студенты, по-видимому, не уверены в том, что обладают высокими специальными способностями, необходимыми в профессиональной деятельности. Специалисты же, оценивают характеристики среды, а не собственные качества. Проявление самостоятельности и готовности к творчеству и инновациям является важным, но не необходимым обстоятельством, по мнению специалистов. Тем не менее, на наш взгляд, обеспечение профессиональной готовности к деятельности включает в себя четкое определение студентом тех компетенций и личностных качеств, которые он может проявлять и развивать в конкретной профессиональной среде.

С достаточно высокой степенью оптимизма судят студенты о материальных факторах будущей профессиональной среды (рис.4). Так, по мнению студентов, вознаграждение за работу будет соответствовать вознаграждениям, выплачиваемым в других организациях за ту же работу (8,5 б.); статусу в организации (7,5 б.); степени моральной ответственности за судьбы других людей (7,5 б.).

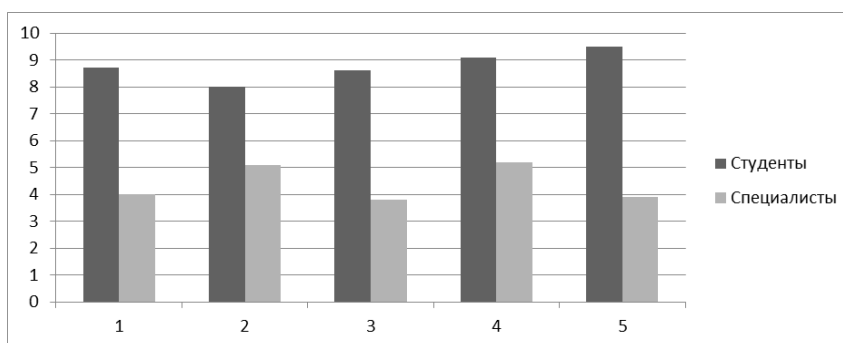
Условные обозначения: 1) оплата соответствует объему и сложности работы; 2) оплата соответствует степени материальной ответственности; 3) оплата соответствует степени опасности деятельности для собственного здоровья; 4) оплата соответствует степени ответственности за жизнь и здоровье других людей; 5) оплата соответствует степени моральной ответственности; 6) оплата соответствует статусу в организации; 7) оплата соответствует вознаграждениям, выплачиваемым в других организациях за ту же работу; 8) оплата соответствует рекомендуемым нормативам

Рисунок 4 – Представления студентов и оценка специалистами материальных факторов профессиональной среды

В целом, все оценки данной сферы имеют значения выше средних. Здесь наблюдается противоречие: с одной стороны, студенты не верят в возможность в полной степени проявлять свои способности, навыки и умения в будущей профессии, с другой, - наблюдаются высокие ожидания студентов относительно оплаты труда. По-видимому, в данном случае, особо ярко проявляется факт взаимосвязи ценностных ориентаций и представления субъектов. В процессе познания действительности представления претерпевают изменения, в настоящее же время, можно говорить о неопределенности образа будущей профессиональной среды, об обобщении совокупности потребностей, ценностей, мотивов и ожиданий. Наибольшие различия в представлениях студентов и оценках специалистов выявлены по фактору «оплата соответствует степени моральной ответственности» ($N=74,031$, $p=0,000$). Вероятно, специалисты испытывают большую ответственность за свои действия по сравнению со студентами.

Самые высокие оценки были выявлены при оценке студентами факторов этической сферы будущей профессиональной среды (от 8 до 9,5 бб.) (рис. 5). При этом, различия с оценками специалистов являются значимыми по всем факторам, что свидетельствует об идеализации студентами справедливости и честности организационной политики. Этические ценности субъекта выражены у субъекта в потребностях честных, «прозрачных» отношениях со стороны руководства, коллег, клиентов.

Если принять во внимание факт наличия связей ценностей и представлений, то логично предположить, что у студентов выражены этические ценности, развитые нравственные качества [2]. Учитывая положение о том, что деловая этика рассматривается в качестве неотъемлемой части социальной ответственности организаций, можно утверждать, что специалисты не считают своих работодателей социально ответственными руководителями (уровень проявления этических ценностей не достигает средних значений). По мнению И.Г. Минервина, в современной России деловая среда характеризуется негативными чертами (коррупция, произвол, «неповоротливость чиновничьего аппарата, а зачастую и личная небезопасность») [3]. Можно полагать, что надежда студентов на честность управленческого аппарата – это не только потребность, но и следствие понимания, что моральные ценности, экономически оправданны и эффективны.

Условные обозначения: 1) отсутствие ложной информации при разъяснении политики учреждения (социальной, экономической, правовой и т.д.) сотрудникам; 2) отсутствие ложной информации при взаимодействии с партнерами; 3) отсутствие ложной информации при работе с клиентами; 4) во внутренней политике организации руководство использует методы, направленные на формирование рационального психологического климата; 5) во внешней политике организации руководство преследует гуманистические цели, а не личные интересы.

Рисунок 5 – Представления студентов и оценка специалистами этических факторов профессиональной среды

Таким образом, результаты исследования показали, что:

- 1) студенты склонны идеализировать будущую профессиональную деятельность и среду, что является барьером для личностно-профессионального развития субъекта деятельности;
- 2) представления студентов могут быть обусловлены ценностной сферой студентов, а также социально-экономической ситуацией в стране;
- 3) в ходе сравнительного анализа выявлено, что существуют значимые различия представлений студентов и мнения специалистов о профессиональной среде: по оценкам

специалистов, профессиональная среда недостаточно развита. Ожидания студентов по всем факторам выше реального уровня развития.

В связи с выше сказанным, совершенствование учебно-профессионального процесса в условиях вуза предполагает следующее:

- снижение тревожности и повышения оценки собственных профессиональных качеств возможно при получении конкретных результатов деятельности, наиболее приближенных результатам выполнения функциональных обязанностей в реальной профессиональной среде;
- обучение студентов навыкам саморегуляции, организации и планирования собственной деятельности, регуляции времени для обеспечения высокого темпа решения профессиональных задач;
- формирование профессионально направленной коммуникативной компетентности, предполагающей развитие способностей к взаимодействию с представителями профессии, а также информационного обеспечения собственной деятельности;
- акцентировать внимание на развитии личностно-профессиональной и моральной ответственности за свои действия.

Перспективным является выявление динамики представлений студентов различных специальностей в процессе учебной деятельности.

Литература:

1. Желдоченко Л.В. Профессиональные представления как детерминанта учебной мотивации студентов вуза//Мир науки. Т.4. № 6. 2016. С. 1-8.
2. Захарова Н.Л., Шлыкова А.П. профессиональные ценности работников кадровых служб// Социально-гуманитарные технологии. 2020. № 3(15). С. 57-63.
3. Минервин И.Г. Предпринимательская культура и деловая этика// Экономические и социальные проблемы России .2008. № 1. С. 6-43.
4. Науменко М.В., Панкратова И.А. Особенности взаимосвязи трудовой мотивации и профессиональных представлений учителей с различным стилем педагогической деятельности// Мир науки. 2016.Т.4. № 4. С. 46.
5. Обносов В.Н; Психологические Особенности влияния представлений о выбранной профессии на профессиональное самоопределение учащихся ПТУ. М.: НИИ ОПП АПН СССР, 1986,20 с.
6. Панкратова И.А., Науменко М.В. Особенности профессиональных представлений студентов, переживающих синдром интернет-зависимости// Мир науки.2016. Т. 4. №4. С.48.
7. Рогов Е.И. Профессиональные представления – ведущий фактор формирования самосознания профессионала//Мир науки. 2018. № 4. Т.6.С.1-9.
8. Рогова Е.Е., Панкратова И.А. Взаимосвязь профессиональных представлений и трудовой мотивации педагогов дошкольных образовательных учреждений// Мир науки. 2016. Т.4. №6 С.20.
9. Синявец Т.Д. Теоретико-методологические основы контроллинга системы управления персоналом. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2014. 372 с.
10. Широкая М.Ю. «Пространство времени» в профессиональной деятельности человека как актуальная проблема психологии труда// Мир психологии.2019. № 2(98). С.144-154.
11. Шлыкова Н.Л. Психологическая безопасность субъекта профессиональной деятельности // Тверь: Триада.2004.151 с.

Информация об авторе:

Ю.В. Лисичкина, аспирант второго года обучения «Психологические науки» кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

Information about the author:

Yu.V. Lisichkina, 2nd year post-graduate student “Psychology” of the Department of Humanity and Social Disciplines, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

5.8.7 Методология и технология профессионального образования

УДК.378

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГА

Когтева Е.В. ¹, Нефедова А. Н. ²

¹ Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды
Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия

² МБОУ СОШ №5, г. Королёв, Россия

В статье рассматривается такой феномен современного педагогического знания как профессиональная компетентность педагога, являющаяся основным показателем его профессионализма и получившей новое значение в современных условиях, определяющих потребность общества в квалифицированных компетентных специалистах. Авторами представлены различные подходы как к дефиниции самого понятия, так и к его структуре. В статье рассмотрены основные компоненты, составляющие компетентность педагога, актуальность некоторых её аспектов на современном этапе, а также условия формирования и дальнейшего развития профессиональной компетентности педагога в процессе профессиональной деятельности.

Педагог, компетентность, профессионализм, компонент, самосовершенствование.

Для цитирования: Когтева Е.В., Нефедова А.Н. Некоторые аспекты и условия развития профессиональной компетентности педагога // Социально-гуманитарные технологии. 2021. №4 (20). С. 71-77.

SOME ASPECTS AND CONDITIONS FOR DEVELOPING THE PROFESSIONAL COMPETENCE OF A TEACHER

Kogteva E.V. ¹, Nefedova A.N. ²

¹ State Educational Institution of Higher Education Moscow Region
«Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia

² School №5, Korolev, Russia

The article deals with such a phenomenon of modern pedagogical knowledge as the professional competence of a teacher, which is the main level of their professionalism and has acquired a new meaning in modern conditions that determine society requirements in qualified competent specialists. The authors present various approaches both to the definition of the concept itself and to its structure. The article discusses the main components that make up the teacher's competence, the relevance of some aspects at the present stage, as well as the conditions for the formation and further development of the teacher's professional competence in the process of professional activity.

Teacher, competence, professionalism, component, self-improvement.

For citation: Kogteva E.V., Nefedova A.N. Some aspects and conditions for developing the professional competence of a teacher. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2021; 4 (20): 71-77. (In Russ.)

Вступление России в «единое европейское образовательное пространство» в 2003 году потребовало пересмотра содержания обучения, а также переосмысления некоторых направлений политики государства в области образования, в том числе ориентации высшего профессионального

образования на потребности рынка труда. В то же время и на рынке труда, и в обществе приходит понимание значимости труда педагога, так как именно он, при наличии у него высокого уровня компетентности, обеспечит общество высококвалифицированными специалистами, способными эффективно решать поставленные задачи и нестандартно действовать в современном постоянно изменяющемся информационном обществе.

Процесс интеграции российского высшего образования в европейскую систему в последнее время выявил проблемы с преемственностью между всеми ступенями образования в России, их взаимодействием, интеграцией программ, подходов и целей, а также с недостаточным вниманием, уделяемым непрерывному образованию, образованию на протяжении всей жизни человека. Как и любой процесс преобразования, он потребовал внедрения в образовательную систему общего и высшего профессионального образования новых педагогических технологий, основанных на использовании достижений современных ИКТ, новых форм обучения, таких как: дистанционное, модульное, проблемное, контекстное, проектное, рефлексивное, инклюзивное и др.

Реализация указанных инновационных направлений, предполагающих создание устойчивого механизма развития системы образования и обеспечение его высокого качества, требует особой подготовки педагогов и определяет ориентиры в изучении такого феномена как «профессиональная компетентность учителя» [14].

Однако, прежде, чем начать рассуждения о компетентности педагога, необходимо понимать, что представляет собой и в чём заключается его деятельность. По мнению В.А. Сластенина, педагогическая деятельность – особый вид социальной деятельности, направленный на передачу от старших поколений к младшим накопленного человечеством культуры и опыта, создание условий для их личностного развития и подготовку к выполнению определенных социальных ролей в обществе [15].

Действительно, компетентный преподаватель осознаёт, что его роль состоит не только в том, чтобы передать ученику имеющиеся у него знания, но и воспитать социализированную личность, подготовить ученика к взрослой жизни. Задачей компетентного педагога является зарождение, поддержка и развитие в ученике качеств и способностей неординарно, критически мыслить, анализировать события и оценивать деятельность свою и других. Для того, чтобы достичь в этом результата, педагог должен сам постоянно совершенствоваться, узнавать что-то новое, повышать свой профессиональный уровень, другими словами, чтобы научить учиться других, педагог должен сам всю жизнь учиться и хотеть учиться. Это условие можно считать одним из основных в развитии профессиональной компетентности педагога.

В свое время Л.Н. Толстой, давая определение учителю, писал, что не тот учитель, кто получает воспитание и образование учителя, а тот, у кого есть внутренняя уверенность в том, что он есть, должен быть и не может быть иным. Он отмечал, что такая уверенность встречается редко и может быть доказана только жертвами, которые человек приносит своему призванию. Л. Н. Толстой не был педагогом в официальном смысле, но его взгляды на то, каким должен быть педагог, чтобы обучение было успешным, остаются актуальными и в наше время и совпадают с современными представлениями о педагогическом мастерстве и компетентности. По его мнению, высшей степенью педагогического мастерства является творчество, а «преподавать на уровне искусства значит преподавать так мастерски, что не видно мастерства» [13].

В чём же проявляется специфика деятельности педагога? Прежде всего в том, что, несмотря на общее целеполагание на развитие всесторонне развитой личности, педагог не свободен в выборе конечного результата своего труда, так как общество, его потребности, этапы развития определяют цели педагогической деятельности. На современном этапе развития информационного общества, сопровождаемом бурным развитием технологий и растущим объёмом информации, стало востребованным непрерывное образование, предполагающее создание инновационной образовательной среды, основной субъект которой, педагог, обладает такими качествами как инициативность, мобильность, открытость всему новому, готовность к самосовершенствованию и самообразованию.

Перефразируя О.Б. Широких, считавшего, что профессионализм преподавателя заключается в совокупности знаний, умений и навыков с одной стороны и способности реализовать новое с другой,

можно определить компетентность преподавателя как совокупность его компетенций и способности к самосовершенствованию [16].

Однако, они «прилагаемы» к базовым компетенциям, таким как глубокое знание преподаваемого предмета, составляющих когнитивную компетентность педагога в совокупности с операционно-технологической компетентностью или умением передавать эти знания, используя современные технологии, и её аксиологическим компонентом, умением доказывать правильность своих суждений, знанием возрастных особенностей обучаемого, преодоления трудностей связи теории с практикой [14].

Впервые понятие «профессиональная компетенция» в педагогике появляется в последние десятилетия XX века и становится объектом изучения таких учёных как Л. А. Башариной, А. А. Воронниковой, Н.В. Кузьминой, В.Я. Синенко, С.С. Татарченковой и др. Значительный вклад в изучение профессиональной компетентности педагога внесли А. В. Адольф, А.Л. Андреев, Ю.В. Варданян, а также Л.К. Гребёнкина, А.К. Маркова, Л.М. Митина и др., исследовавшие процесс формирования профессионализма учителя.

За годы изучения данного феномена, в отечественной педагогике так и не сложилось его чёткого общепринятого определения, и он не получил исчерпывающего анализа, хотя прочно вошёл в научный лексикон. Однако, анализ имеющихся научно-педагогических работ по данному вопросу показывает, что большинство исследователей (В. М. Введенский, Л. М. Митина, В. Я. Синенко и др.) склонны рассматривать педагогическую компетентность как совокупность знаний, умений и навыков, а также необходимых личностных качеств.

До сих пор ведутся споры по вопросу схожести и различия таких понятий как «профессиональная квалификация» и «профессиональная компетентность». По мнению Ж. Делора, важно «...приобрести не только профессиональную квалификацию, но и в более широком смысле компетентность, ...» [3]. На первый взгляд эти термины идентичны, однако разница заключается в том, что «квалификация» подтверждает степень готовности, теоретической способности педагога к выполнению своих профессиональных обязанностей и является обязательным аспектом, элементом «компетентности», основанной на опыте и практической деятельности педагога.

Много споров в научном сообществе вызывает вопрос идентификации и стратификации таких понятий как «профессиональная компетентность» и «профессиональное мастерство», а также их место в структуре профессионализма педагога в условиях его профессиональной деятельности. Среди учёных, занимающихся этим вопросом присутствуют абсолютно полярные точки зрения, так, например, Л. М. Митина считает, что педагогическая компетентность является компонентом педагогического мастерства, в то время как А. К. Маркова придерживается абсолютно противоположной позиции, представляя педагогическое мастерство достигнутым уровнем педагогической компетентности. По её мнению, труд педагога может считаться профессионально компетентным, если его педагогическая деятельность и его педагогическое общение осуществляется на высоком уровне, при этом реализуется личность педагога и достигаются высокие результаты его деятельности [8].

Профессиональную компетентность педагога можно представить в виде интеграции определённого круга знаний и профессионального опыта при условии наличия профессионально значимых личностных качеств, представляющую собой составную часть профессионализма.

Для понимания сущности педагогической компетентности необходимо представлять её структуру, однако в научном сообществе нет единства в подходах к данному вопросу. Так, например, А. К. Маркова исследуя педагогическую деятельность, выделяет пять сторон труда педагога, которые, по её мнению, и представляют модули профессиональной компетентности:

- педагогическая деятельность или «технология» труда педагога;
- педагогическое общение или климат этого труда;
- личность или внутренние смыслы, ценностные ориентиры педагога;
- обученность и обучаемость обучающихся;
- воспитанность и воспитуемость обучающихся [8].

Являясь сторонником акмеологического подхода к изучению данного вопроса, Н. В. Кузьмина выделяет следующие 5 видов компетентности, сформированность которых в совокупности и представляет собой профессиональную компетентность педагога:

- специальная компетентность (обширные знания педагога в области преподаваемой дисциплины, квалификация и накопленный профессиональный опыт);
- методическая компетентность (владение психологией, методологией и методикой обучения, необходимыми для обеспечения качественного усвоения предмета обучающимися);
- социально-психологическая компетентность (знания психологии общения, позволяющие выстраивать педагогическое взаимодействие);
- дифференциально-психологическая компетентность (знания и умения, позволяющие педагогу определять личностные особенности обучающихся и формировать эффективную мотивационную стратегию обучения);
- аутопсихологическая компетентность (умение критически оценивать свою деятельность, свои способности, выявлять недостатки в своей работе, в себе, в стремлении к самосовершенствованию) [6].

В отличие от структуры, предложенной Кузьминой Н. В., структура профессиональной компетентности педагога В.А. Слостенина представлена совокупностью общих и частных профессиональных умений педагога, которые распределены по четырем группам, представленным на рисунке 1 [15].

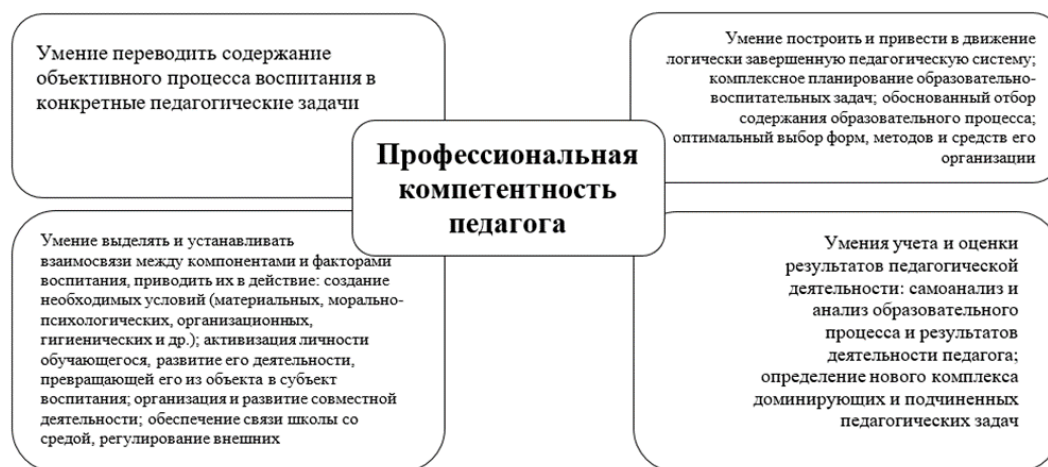

Рисунок 1 – Структура профессиональной компетентности педагога согласно В.А. Слостенину

По мнению В.А. Слостенина, полное соответствие специалиста требованиям квалификационной характеристики можно определить как сформированность всей совокупности профессиональных умений, представленных в рассмотренной структуре [15].

Структура педагогической компетентности педагога, предложенная Д.С. Ермаковым, состоит из 5 компонентов: потребностно-мотивационного, когнитивного, практически-деятельностного, эмоционально-волевого и ценностно-смыслового [4].

Введенский В.Н. представляет профессиональную компетентность как совокупность следующих компетентностей: коммуникативной, информационной, регулятивной и интеллектуально-педагогической, выделяя при этом три уровня профессиональной компетентности педагога: общий - ключевые и операциональные компетентности; частный – компетентности конкретной специальности; конкретный – компетентности отдельного педагога [2].

В работе Дж. Равена «Компетентность в современном обществе» рассматриваются 39 видов компетентностей, в том числе: готовность и способность обучаться самостоятельно, решать сложные вопросы; принимать решения и др. [12]. В рамках же европейского проекта по реализации компетентностного подхода в сфере высшего профессионального образования «Tuning Educational Structures in Europe» их было выделено 85.

В то же время Л.М. Митина выделяет всего две составляющие ПКП: деятельностную и коммуникативную, [9] причём последняя, по ряду объективных причин, вызванных условиями развития современного общества, становится базовым компонентом педагогической компетентности педагога.

Коммуникативная компетентность педагога проявляется в успешности диалогического взаимодействия, которая, в свою очередь, станет таковой при условии, что педагог обладает такими качествами как:

- *трансцендентность* – осознание себя как источника знаний, нахождение в постоянном поиске новых знаний, увлеченность предметом, совместное решение проблем учеников;

- *эмпатия* – умение сопереживать, сочувствовать, понимать, чувствовать состояние другого, выражать это понимание [11];

- *конгруэнтность* – соответствие поведения и высказываний педагога, способность не закрываться «маской», действовать свободно, не боясь совершить ошибку, адекватно выражать в поведении свои чувства и переживания;

- *конструктивность* – способность проникнуть в суть проблемы, найти положительное в противоречии, создать основу для дальнейшей плодотворной работы, рационального и целесообразного поведения;

- *причастность* – способность воспринимать свою жизнь в контексте «общей» жизни, умение сотрудничать, работать в команде, видеть себя частью целого;

- *рефлексия* – способность к самоанализу и анализу взаимодействия, к прогнозированию развития ситуации, умение решать внутриличностные противоречия и конфликты, понимание индивидуальности каждой личности.

Такое многообразие и разноплановость суждений о структуре профессиональной компетентности педагога объясняется различными подходами к представлению самого понятия, так, например, сторонники аксиологического подхода воспринимают компетентность как образовательную ценность, а приверженцы функционально-деятельностного подхода считают, что -это готовность к выполнению профессиональных функций в рамках педагогической деятельности. Инновационность универсального подхода «новая компетентность» (Б.С. Горшунский) проявляется в представлении компетентности средством, обеспечивающим социальную и профессиональную мобильность, открытость к широкому кругу вопросов, выходящих за рамки специализации.

В. Н. Введенский, внёсший огромный вклад в исследование данного вопроса, считал, что профессиональная компетентность педагога... не сводится к набору знаний, умений, а определяет необходимость и эффективность их применения в реальной образовательной практике. Имея большой опыт в педагогической деятельности, а также в разработке принципов и организации отечественного непрерывного образования, Введенский даёт собственное определение понятию «профессиональной компетентности педагога», представляя её как способность педагога превращать специальность, носителем которой он является, в средство формирования личности учащегося с учетом ограничений и предписаний, накладываемых на учебно-воспитательный процесс требованиями педагогической нормы, в которой он осуществляется [2].

Изменения, происходящие в обществе, неизменно влекут за собой изменения в системе образования, как общего, так и профессионального. В последнее время неотъемлемыми составляющими профессиональной компетентности педагога стали: его умение работать в рамках инклюзивного образования, требующее высокой квалификации компетентного педагога; исследовательская и презентационная компетентности, в рамках которых педагог должен не только проводить исследовательскую деятельность, но и презентовать её результаты научному педагогическому сообществу в виде статей, выступлений на конференциях и форумах; информационно-коммуникативная компетентность, предусматривающая владение современными ИКТ для достижения своих профессиональных целей.

Развить творческую индивидуальность, быть готовым к постоянным изменениям в сфере образования и уметь к ним быстро адаптироваться - значит развить свою профессиональную компетентность, ведь именно благодаря профессионализму педагога духовное и социально-экономическое общество сможет полноценно развиваться [5].

На данный момент целью современного образования считаются самообразование и самосовершенствование личности, ее способность к адаптации в социуме, подготовка учащегося к трудовой деятельности, а также полное соответствие перспективной личности, где личность педагогического работника выступает как гарант достижения всех выше поставленных задач и целей. Исходя из этого, можно констатировать, что на данный момент спрос на педагога, имеющего высокую квалификацию и способного творчески мыслить, а также воспитывать учащихся в современном постоянно меняющемся мире, резко повысился.

Важно заметить, что наряду с этим возник и целый ряд барьеров, противоречий между «новым и старым», разрешение которых представляет ещё одно условие для успешного развития профессиональной компетентности педагога. Примером такого противоречия может служить тот факт, что в обществе и на рынке труда есть запрос на компетентных специалистов, обладающих гибким мышлением, который пока не может быть полностью удовлетворён, так как система их подготовки недостаточно разработана, остаётся во многом формализована и не может обеспечить профессиональное обучение по индивидуальным траекториям [1].

Действительно, качество профессиональной подготовки педагога, является одним из основных условий (предпосылок) формирования основ профессиональной компетентности. Ещё одним важным условием её развития и углубления является повышение квалификации, постоянное самосовершенствование педагога. В качестве дополнительных элементов профессиональной компетентности педагога также могут выступать способность обобщать свой опыт, продуктивно взаимодействовать с инновационным опытом коллег, креативность, инициативность и др. В последнее время, в системе повышения квалификации отмечается приоритет профессионально-деятельностных компетентностей над предметно-знаниевыми.

Одним из новых качеств, характеризующих компетентного педагога стала профессиональная мобильность, проявляющаяся в готовности педагога к инновациям в профессиональной деятельности. В связи с этим, значительно возрастает значение дополнительного профессионального образования в развитии и совершенствовании профессиональной компетентности педагога.

Превращение этой системы из достаточно формализованной в развивающуюся, способную обеспечить полноценное развитие новых педагогических компетенций у педагога в соответствии с требованием времени, является одним из важнейших условий развития его профессиональной компетентности. Для обеспечения выполнения этого условия необходимо постоянное сопровождение педагога, (тьюторинг), как методическое, так и научно-методическое, направленное на профессиональное совершенствование, рост как отдельного преподавателя или учителя, так и педагогического коллектива в целом.

Методическое сопровождение, особенно молодого педагога, может быть организовано на трёх уровнях: институциональном, групповом и индивидуальном. На институциональном уровне методическое сопровождение может быть организовано в виде психолого-педагогических семинаров, методических и научно-практических конференций, практикумов по педагогическому мастерству и других подобных мероприятий.

На групповом уровне элементами методической помощи могут выступать методические объединения, групповое наставничество, организация взаимопосещения педагогов и обмен опытом, открытое обсуждение воспитательных мероприятий, работа в творческих микрогруппах, а также школы передового опыта.

Наконец, индивидуальное методическое сопровождение молодого педагога может быть организовано в виде индивидуальных консультаций, собеседований, наставничества, тьюторства, организации индивидуального самообразования, личного творческого проектирования и других мероприятий.

На сегодняшний день существует достаточно возможностей для профессионального развития педагога, которыми он активно пользуется, участвуя в методических объединениях и в профессиональных конкурсах, вебинарах и мастер-классах, занимаясь исследовательской деятельностью. Но, из всех вышеперечисленных способов ни один не будет достаточно

эффективным, если педагог не обладает акмеологической компетентностью и не осознаёт необходимость в самосовершенствовании и повышении своего профессионализма.

В заключении стоит отметить, что профессиональная компетентность педагога представляет собой не единожды приобретённую, а динамическую, непрерывно изменяющуюся качественную характеристику предполагающая, что педагог: не довольствуется глубокими знаниями, полученными в период обучения, но и совершенствует их посредством повышения квалификации и самообразования; успешно применяет их в своей практической деятельности, демонстрируя тем самым свою когнитивную и операционно-технологическую компетентности; в своей жизни и профессиональной деятельности демонстрирует аксиологическую компетентность, руководствуясь духовно-нравственными ценностными ориентирами.

Литература:

1. Андропова, Е.В., Брезгин Ю.И., Медведев В.Е. Диверсификация образования будущего специалиста как педагогическая проблема // Пути повышения качества профессиональной подготовки студентов : материалы междунаро. науч.-практ. конф. / ред. кол.: О.Л. Жук и др. – Минск : БГУ, 2010 – С. 3-7.
2. Введенский В.Н. Компетентность педагога как важное условие успешности его профессиональной деятельности // Инновации в образовании. 2003. № 4. С. 21–31.
3. Делор, Ж. Образование: сокровище скрытое. UNESCO, 1996. 283 с.
4. Ермаков, Д.С. Компетентности в решении проблем // Народное образование -2005 - №9 - С.87-93
5. Кривошеев, В.Ф. Важные проблемы развития общег образования // Образовательная политика. - 2006. - №7. - С.48-53.
6. Кузьмина, Н.В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. – М.: Высшая школа, 1990. – 119 с.
7. Кузьмина, Н.В., Гинецинский В.И. Актуальные проблемы профессионально-педагогической подготовки учителя // Советская педагогика. – 1982 - №3 - С.63-66.
8. Маркова, А.К. Психологический анализ профессиональной компетентности учителя // Советская педагогика. 1990 № 8. – С.2-14.
9. Митина, Л. М. Психология труда и профессионального развития учителя: учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. - М.: Академия, 2004. – 362 с.
10. Образовательные технологии в системе повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров : материалы Респ. науч.-практ. семинара / ред. кол. А.Ф. Климович, Минск : БГПУ, 2010. С. 166-167.
11. Педагогика. Учеб. под ред. Л.П. Крившенко. - М., 2005. 422 с.
12. Равен, Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. – М.: «Когито-Центр», 2002. – 396 с.
13. Ратнер Ф. Л.: Педагогические взгляды Л. Толстого на личность и мастерство учителя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/molodoj-tolstoj-sbornik/ratner-pedagogicheskie-vzglyady.htm> (дата обращения: 21.10.2021).
14. Савельева, С.С. Педагогические условия формирования профессиональной компетентности учителя в образовательном процессе вуза: монография [Электронный ресурс]. – Воскресенск, 2012 – Режим доступа: https://www.rsvpu.ru/filedirectory/3468/Saveljeva_PedUslovFormirovanProfKompetentUchit.pdf (дата обращения: 29.10.2021)
15. Слостенин, В.А., Первалов С.Г. Педагогическая деятельность как творческий процесс// Педагогическое образование и наука. - 2005. - №1 - С.25-34
16. Широких, О.Б. Ценностные ориентации профессионально-личностной подготовки учителя в России : Вторая половина XIX в. - 90-е гг. XX в. : автореферат дис. ... доктора педагогических наук : 13.00.01 / Моск. пед. гос. ун-т. - Москва, 2005. - 33 с.

Информация об авторах:

Е.В. Когтева, кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королёв, Россия.

А.Н. Нефедова, учитель английского языка, МБОУ СОШ №5, г. Королёв, Россия

Information about the authors:

E.V. Kogteva, PhD {Sociology}, associate professor of Department of Foreign languages, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

A.N. Nefedova, English teacher, School №5, Korolev, Russia

УДК.378

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В РАМКАХ МЕТОДИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ В ВУЗЕ Кузнецова О.И. ¹, Кручинина С.А. ²

^{1,2} Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия

Современный отечественный рынок труда претерпевает серьезные качественные изменения, вызванные конъюнктурой рынка труда. Это в значительной степени затрагивает систему образования. Современные образовательные программы должны отличаться практико-ориентированным подходом, что в свою очередь может обеспечить практическая подготовка. Реализация практической подготовки в современном вузе сегодня – это важный шаг в части освоения студентами профессиональных компетенций и приобретения необходимого трудового опыта в осваиваемой профессии. Статья посвящена обобщению опыта методического сопровождения практической подготовки в вузе. Представлены имеющиеся наработки в области подходов к разработке образовательной программы в части реализации приказа о практической подготовке.

Практическая подготовка, профессиональные компетенции, матрица реализации практической подготовки обучающихся.

Для цитирования: Кузнецова О.И., Кручинина С.А. Опыт реализации практической подготовки обучающихся в рамках методической составляющей образовательной программы в вузе // Социально-гуманитарные технологии. 2021. №4 (20). С. 78-82.

IMPLEMENTATION EXPERIENCE PRACTICAL TRAINING OF STUDENTS IN THE FRAMEWORK OF THE METHODOLOGICAL COMPONENT OF THE EDUCATIONAL PROGRAM AT THE UNIVERSITY

Kuznetsova O.I. ¹, Kruchinina S.A. ²

^{1,2} State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia

The modern domestic labor market is undergoing serious qualitative changes caused by the labor market conjuncture. This largely affects the education system. Modern educational programs should be distinguished by a practice-oriented approach, which in turn can provide practical training. The implementation of practical training in a modern university today is an important step in terms of mastering professional competencies by students and acquiring the necessary work experience in the profession being mastered. The article is devoted to the generalization of the experience of methodological support of practical training at the university. The available developments in the field of approaches to the development of an educational program regarding the implementation of the order on practical training are presented.

Practical training, professional competencies, matrix of implementation of practical training of students.

For citation: Kuznetsova O.I., Kruchinina S.A. Implementation experience practical training of students in the framework of the methodological component of the educational program at the university. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2021; 4 (20): 78-82. (In Russ.)

В настоящее время рынок труда в Российской Федерации качественно обновляется. Появляются новые перспективные виды деятельности, которые требуют не только теоретических знаний, но и определенных практических навыков, отвечающих современным требованиям работодателей. В свою очередь, система образования не должна оставаться в стороне, а идти «в ногу со временем». Главная задача здесь – своевременно и качественно обеспечить подготовку высококвалифицированных специалистов. В связи с этим, Министерство науки и высшего образования утвердило приказ № 885/390 «О практической подготовке обучающихся» от 05.08.2020 г.

Практическая подготовка – форма организации образовательной деятельности, подразумевающая выполнение обучающимися, в устанавливаемом образовательной организацией самостоятельно объеме, практической деятельности, непосредственно связанной с осваиваемой профессией и направленной на выработку и совершенствование практических навыков и компетенций (согласно ст. 2, пункт 24 273-ФЗ). Если рассматривать практическую подготовку как форму организации образовательной деятельности, то следует отметить, что она также включает в себя и практику как вид учебной деятельности. Это становится понятно, если мы обратимся к пунктам 6, 7 и 9 Приказа 885/390 «О практической подготовке обучающихся».

Данный приказ необходимо отразить в документе основной образовательной программы. Особое внимание стоит уделить тому, что включать практическую подготовку как составную часть учебной дисциплины целесообразно в таких формах, как проведение лабораторных работ, выполнение курсовой работы (проекта), а также разнообразных видов учебной деятельности, подразумевающих активное участие обучающихся в выполнении конкретных видов работ, непосредственно связанных с осваиваемым направлением подготовки (или специальностью).

В отличие от понятия «практика», ранее использованного в законе об Образовании (до 2020 г.), обозначавшего вид учебной деятельности, понятие «практическая подготовка» – это форма организации образовательной деятельности, основной целью которой выступает освоение профессиональных компетенций и умение применять их в дальнейшем в трудовой деятельности.

Поскольку приказ «О практической подготовке обучающихся» вышел сравнительно недавно, к настоящему времени достаточный опыт в части методического сопровождения еще не накоплен. В связи с этим, в данной статье предлагается рассмотреть опыт реализации данных приказов в рамках методической работы ГБОУ ВО МО «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова» (далее – МГОТУ).

В МГОТУ практическая подготовка регулируется Положением об организации практической подготовке обучающихся по основным образовательным программам. Практическая подготовка является важной составляющей учебного плана в любой образовательной программе и может быть представлена в нескольких формах (рис. 1):

1. Как часть учебной дисциплины
2. Как составная часть практики (учебная или производственная)

Также предполагает возможность реализации в форме исследовательского проекта, курсовой работы и т.п.

Рисунок 1 – Элементы практической подготовки

В соответствии с частью 6 статьи 13 Закона об образовании с целью повышения качества образования, в том числе путем усиления роли практической составляющей образовательного процесса, необходимо обеспечивать проведение занятий в форме практической подготовки, как в рамках отдельных дисциплин (модулей), так и в рамках учебной и/или производственной практик. В таблице 1 представлен возможный вариант матрицы реализации практической подготовки обучающихся на примере образовательной программы по направлению подготовки 39.03.01 «Социология».

Таблица 1
Матрица реализации практической подготовки обучающихся

Индекс	Наименование дисциплины	Формируемые компетенции	Практическая подготовка (кол-во часов)
Блок 1.В.01.01	Основы профориентационной работы	ПК-1; ПК-2	24
Блок 1.В.01.02	Социология управления	ПК-3; ПК-5; ПК-6; ПК-7	24
Блок 1.В.01.03	Социология организаций	ПК-3; ПК-5; ПК-6; ПК-7	24
Блок 1.В.01.04	Социология труда	ПК-3; ПК-5; ПК-6; ПК-7	24
Блок 1.В.02.01	Анализ качественных данных в социологии	ПК-3; ПК-4; ПК-5; ПК-6	16
Блок 1.В.02.02	Анализ больших данных в социологических исследованиях	ПК-3; ПК-4; ПК-5; ПК-6	48
Блок 1.В.02.03	Анализ и визуализация данных в R	ПК-3; ПК-4; ПК-5; ПК-6	20
Блок 1.В.03.02	Социология рекламы	ПК-3; ПК-4; ПК-5; ПК-6	8
Блок 1.В.03.03	Социология общественного мнения	ПК-3; ПК-6	8
Блок 1.В.03.04	Социология конфликта и девиантного поведения	ПК-3; ПК-7	8
Блок 1.В.03.07	Социология коммуникаций	ПК-1; ПК-2	8
Блок 1.В.03.09	Основы социальной политики	ПК-3; ПК-7	20
Блок 1.В.ДВ.02.01	Современные информационные технологии в социальных науках	ПК-3; ПК-4	96
Блок 1.В.ДВ.02.02	Адаптированные информационные технологии	ПК-3; ПК-4	96
Блок 1.В.ДВ.04.01	Социология города и региона	ПК-3; ПК-7	8
Блок 1.В.ДВ.04.02	Социология международных отношений и геополитика	ПК-2; ПК-3	8
Блок 2.В.03(П)	Производственная практика (проектно-технологическая)	ПК-1; ПК-3; ПК-6; ПК-7	108

Количество часов, отведенных на практическую подготовку обучающихся, рекомендуется определять в соответствии с описательной частью и профильностью, а также исходя из возможности реализации указанного количества часов в форме практической подготовки в соответствии с утвержденным Положением о практической подготовке обучающихся.

Представленные в матрице дисциплины и соответствующие им компетенции отражают реализуемые часы и в рамках освоения образовательной программы согласно учебного плана. Форма аттестации по практической подготовке соответствует форме аттестации по дисциплине (модулю) или практике (учебной, производственной), в состав которой она входит. В МГОТУ в случае реализации практической подготовки как составной части учебной или производственной практики предусматривается заполнение обучающимися дневника прохождения соответствующей практики, с указанием сроков, объемов и конкретных видов выполненных работ. А итоговое оценивание осуществляется в автоматизированном режиме в соответствии с разработанной и внедренной балльно-рейтинговой системой контроля и оценивания уровня знаний и внеучебной созидательной активности обучающихся.

Как видно из представленной таблицы, практическая подготовка может быть реализована дисциплинами, как обязательной части учебного плана, так и дисциплинами части, формируемой участниками образовательных отношений.

Профессиональные компетенции, указанные в рамках освоения представленных в матрице дисциплин, формулируются на основе профессиональных стандартов или требований представителей работодателей. Определенные виды практической деятельности в соответствии с учебным планом помогают сделать образовательную программу наиболее актуальной и наполненной в части приобретения практических навыков по осваиваемой профессии. Хочется отметить, что в реализации организационно-методической части образовательной программы, особое внимание уделяется разработке комплекта индивидуальных заданий на учебную и производственную практики, подразумевающие возможность их усложнения и масштабирования (увеличения объема в зависимости от этапа подготовки). Взаимосвязь выбранных форм и средств реализации практической подготовки осуществляется с учётом особенностей осваиваемых компетенций обучающихся, а также требований регионального рынка труда.

Кроме того, необходимо отметить следующие особенности, касающиеся методического сопровождения организации и проведения практической подготовки обучающихся:

- Практическая подготовка может быть организована как на базе самой образовательной организации (в том числе на базовых кафедрах), так и в профильной организации (или ее структурном подразделении);
- Для подтверждения профильности организации, необходимо иметь следующие документы: устав, положение о структурном подразделении, штатное расписание профильной организации
- При формировании образовательных программ, как комплексов основных характеристик образования, необходимо учитывать возможность проведения занятий с обучающимися в форме практической подготовки, как в рамках производственной, так и учебной практик.

В конечном счете, справедливо будет отметить то, что практическая подготовка в целом играет важную положительную роль в формировании профессиональных компетенций обучающихся.

Это в свою очередь обеспечивается комплексным подходом в рамках подготовки и реализации основных образовательных программ.

Литература:

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.12.2019 № 403-ФЗ.
3. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Министерства просвещения Российской Федерации от 05.08.2020 № 885/390 «О практической подготовке обучающихся».
4. Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://fgosvo.ru/fgosvo/> (дата обращения 20.10.2021).

Информация об авторах:

О.И. Кузнецова, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

С.А. Кручинина, аспирант 3 года обучения кафедры математики и естественнонаучных дисциплин, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия

Information about the authors:

O.I. Kuznetsova, PhD {Sociology}, Associate professor, Associate professor of the Department of Humanitarian and Social Disciplines, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

S.A. Kruchinina, 3rd year post-graduate student of the Department of Mathematics and Natural Sciences, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

УДК 159.955

ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В СВЯЗИ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ СВОЙСТВАМИ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Ластовенко Д.В. ¹, Музалевская А.А. ²

^{1,2} Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия

В статье рассматриваются особенности принятия решений студентами инженерных специальностей в связи с интеллектуальными свойствами. Приводятся результаты эмпирического исследования взаимосвязи особенностей принятия решений, когнитивной флексибельности и имплицитной оценки интеллекта респондентами. В исследовании приняли участие студенты инженерных специальностей Технологического университета (n=50). Показано, что у студентов с доминирующей стратегией «Бдительность» выше показатели когнитивной флексибельности. Они позитивно оценивают свои успехи в обучении, воспринимают трудные ситуации как контролируемые и себя как личностей способных к развитию.

Принятие решений, имплицитные теории интеллекта, когнитивная флексибельность, студенты.

Для цитирования: Ластовенко Д.В., Музалевская А.А. Особенности принятия решений в связи с интеллектуальными свойствами студентов инженерных специальностей // Социально-гуманитарные технологии. 2021. №4 (20). С. 83-88.

SPECIFICS OF DECISION-MAKING IN RELATION TO INTELLECTUAL ABILITIES OF ENGINEERING STUDENTS

Lastovenko D.V. ¹, Muzalevskaia A.A. ²

^{1,2} State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia

The article deals with the peculiarities of decision-making by engineering students in connection with intellectual properties. The results of an empirical study of the relationship between decision-making traits, cognitive flexibility and implicit evaluation of intelligence by respondents are presented. The study involved engineering students of the University of Technology (n=50). It was shown that students with the dominant strategy "Vigilance" have higher indicators of cognitive flexibility. They positively assess their success in learning, perceive difficult situations as controllable and themselves as individuals capable of developing.

Decision-making, implicit theories of intelligence, cognitive flexibility, students.

For citation: Lastovenko D.V., Muzalevskaia A.A. Specifics of decision-making in relation to intellectual abilities of engineering students. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2021; 4 (20): 83-88. (In Russ.)

Введение в проблему

Исследование процесса принятия решений, используемых стратегий в преодолении сложных или неоднозначных ситуаций представляет собой актуальное направление психологических исследований, особенно для обеспечения функционирования субъекта в изменяющихся условиях профессиональной деятельности. Эффективные стратегии принятия решений и преодоления

сложных ситуаций позволяют субъекту достигать большей выгоды при решении учебных и профессиональных задач.

Принятие решений позволяет субъекту снизить или, по крайней мере, уменьшить неопределенность и выбрать способ действия в конкретной ситуации. В более узком контексте принятие решений можно рассматривать как процесс выбора одной альтернативы из нескольких, который позволяет субъекту сформировать впоследствии программу деятельности. Выбор альтернативы представляет собой избирательную мыслительно-поисковую активность и преобразование субъективных смыслов [9].

Выбор альтернативы может строиться на целенаправленном поведении субъекта или на использовании определенных паттернов и стереотипов решений, которые были реализованы при решении в деятельности ранее. Аналогичный подход предложен Д. Канеманом, который выделяет систему 1 (интуиция) и систему 2 (логика), где в системе 1 решение практически не подвергается рациональному анализу и принимается автоматически, а в системе 2 решение принимается произвольно и с выбором наиболее рациональных альтернатив [2].

Похожим образом разделяют решения, принятые аналитически (эксплицитно) и интуитивно (имплицитно). Имплицитное принятие решения включает неосознаваемое сравнение ситуации с прошлым опытом субъекта и отдает предпочтение решению, которое ранее позволило получить желаемый и наиболее полезный результат. Несмотря на очевидные недостатки имплицитных решений, они могут быть релевантны в ситуациях, если субъект обладает необходимым опытом решения похожих задач, что наглядно видно на процессе решения каких-либо задач экспертами [2].

С изучением процесса принятия решений также связано понятие «флексibilität» (flexibility). Когнитивная флексibilität позволяет субъекту генерировать альтернативы решения проблемы, осуществлять контроль за ходом выбора одной из альтернатив и в целом определяет убежденность в том, что субъект может контролировать ситуацию. Флексibilität трактуется в психологических исследованиях достаточно широко. Её понимают как способность приобретать новый опыт и стратегии для модификации устоявшегося способа решения задачи; способность адаптироваться в изменяющихся условиях окружающей среды и продуцировать новые идеи; способность ставить новые цели с учетом изменений внешних условий и действовать в соответствии с этими целями [10].

На принятие решений и использование в процессе той или иной стратегии помимо флексibilitности оказывает влияние и имплицитная оценка субъектом своих возможностей. Представление субъекта о самом себе как о развивающейся личности, способной постоянно приобретать новые знания и использовать их, дает ему уверенность в процессе принятия решений и косвенным образом может определять эффективность и результат обучения [4].

Имплицитные теории личности и интеллекта представляют собой систему имплицитных (неявных) убеждений и представлений субъекта о собственном интеллекте, интеллектуальных возможностях и о своей личности. По представлению К. Двек (Dweck, 1999) одни считают, что интеллект и личность контролируются и поэтому их можно развивать (теории приращения), а другие считают, что интеллект и личностные свойства биологически обусловлены (теории заданности), не могут контролироваться и развиваться. Согласно представлениям о предопределенности интеллекта результат действий и деятельности определяется уже имеющимися способностями и не сильно может быть изменен за счет целенаправленной активности субъекта или поиска других вариантов решений [12]. Наличие или отсутствие убеждений о возможности развития и принятие целей и возможностей обучения, оказывает влияние на программу действий субъекта и его мотивацию по отношению к ситуации в целом. В образовательном контексте это определяется мотивацией индивида на приобретение знаний и решение необходимых задач. При этом студенты, принимающие теорию заданности, склонны избегать сложных задач, нацелены на получение положительной отметки и избегание негативной оценки своих способностей. Для тех, кто придерживается теории о приращиваемом интеллекте, новая учебная задача должна быть в достаточной мере сложной, чтобы привести к получению новых знаний и развитию профессиональных навыков [10].

В нашем исследовании мы обратились к изучению особенностей вышеназванных конструкторов как одних из факторов, влияющих на процесс обучения и успешность профессионального становления студентов инженерных специальности.

Методы

Объектом нашего исследовательского интереса выступили особенности принятия решений студентами инженерных специальностей в связи с интеллектуальными свойствами, такими, как когнитивная флексибельность и имплицитная оценка интеллекта.

Методы и методики эмпирического исследования.

В период с октября по ноябрь 2021 было обследовано 50 студентов с 1 по 5 курс очной и очно-заочной формы в возрасте от 18 до 43 лет ($M = 23,4$, $sd = 3,6$). Выборку проведенного исследования составили 14% женщин и 86% мужчин. Выборку исследования представляют студенты ГБОУ ВО МО «Технологический университет» таких направлений подготовки как: 24.05.01-Проектирование, производство и эксплуатация ракет и ракетно-космических комплексов, 15.03.05-Конструкторско-технологическое обеспечение машиностроительных производств, 15.03.06-Мехатроника и робототехника. Участие в исследовании было добровольным, вознаграждение или иное стимулирование не предусматривалось.

Для диагностики использовались следующие опросники:

1. Опросник когнитивной флексибельности (CFI), адаптация С.С. Кургинян и Е.Ю. Осаволюк (шкалы: альтернативы, контроль) [5].

2. Мельбурнский опросник принятия решений (Melbourne decision making questionnaire, MDMQ) адаптация и валидизация Т.В. Корниловой опросника «Flinders' Decision Making Questionnaire» (шкалы: бдительность, избегание, прокрастинация, сверхбдительность) [3].

3. «Опросник имплицитных теорий и целей обучения» К. Двек, разработка и адаптация Т.В. Корниловой и соавторами (шкалы: принятие теории «наращиваемого» интеллекта, принятие теории «обогащаемой» личности, принятие целей обучения, самооценка обучения) [4].

Для статистической обработки полученных в результате диагностики данных использовался статистический пакет IBM SPSS Statistics 22.0. В частности, были использованы корреляционный анализ, кластерный анализ (метод k-means), t-критерий для равенства средних.

Проводился анализ корреляционных связей между выявленными показателями у студентов инженерных специальностей. Согласно цели исследования, общая выборка студентов была разделена при помощи кластерного анализа на группы с разными профилями принятия решений (по наиболее выраженным стратегиям). В последующем последствии оценивались сходства и различия между группами по показателям когнитивной флексибельности и имплицитной оценки интеллекта.

Результаты и их обсуждение

Первичная обработка данных показала, что в исследуемой выборке как стратегии принятия решений преобладают бдительность ($M = 15,68$, $sd = 1,5$) и избегание ($M = 11,38$, $sd = 1,9$). По шкалам имплицитной оценки интеллекта самый низкий показатель у шкалы «Принятие целей обучения». По показателям когнитивной флексибельности у студентов выше шкала «Альтернативы» (Рисунок 1). Студенты-инженеры способны генерировать альтернативные решения, но при этом не всегда оценивают ситуацию как ту, которую они способны проконтролировать.

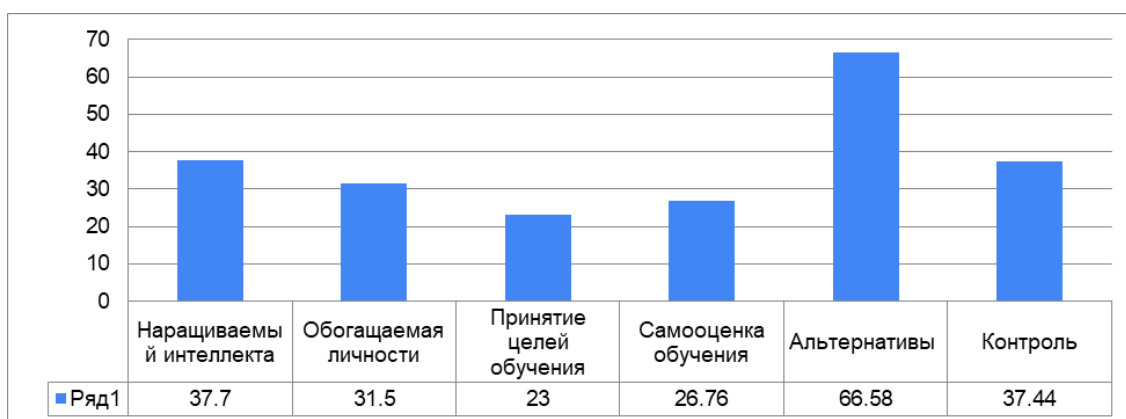

Рисунок 1 – Показатели имплицитного интеллекта и когнитивной флексибельности

В результате корреляционного анализа были выявлены значимые взаимосвязи между некоторыми показателями. Так у студентов-инженеров «Бдительность» отрицательно взаимосвязана с «Избеганием» и положительно связана с показателем «Альтернатива». Параметры «Избегание» и «Прокрастинация» отрицательно взаимосвязаны со шкалами «Обогащаемая личность», «Принятие целей обучения», «Самооценка обучения» и «Контроль». Шкала «Сверхбдительность» отрицательно взаимосвязаны со шкалами «Наращиваемый интеллект», «Обогащаемая личность» и «Контроль» (Таблица 1).

**Таблица 1
Корреляционный анализ по показателям**

	Бдительность	Избегание	Прокрастинация	Сверхбдительность
Бдительность	1	-,300*	-,190	,004
Избегание	-,300*	1	,557**	,504**
Прокрастинация	-,190	,557**	1	,561**
Сверхбдительность	,004	,504**	,561**	1
Наращиваемый интеллект	,208	-,256	-,219	-,310*
Обогащаемая личность	,080	-,451**	-,328*	-,300*
Принятие целей обучения	,232	-,498**	-,340*	-,096
Самооценка обучения	,131	-,374**	-,555**	-,235
Альтернативы	,292*	-,200	,066	,123
Контроль	,277	-,547**	-,387**	-,392**

Кластерный анализ позволил выделить 2 кластера, которые отличаются по профилю ведущих стратегий принятия решений. Для кластера 1 ($n = 28$) характерно преобладание бдительности как ведущей стратегии принятия решений при достаточно низких показателях неадаптивных копингов. Для фактора 2 ($n = 22$) характерен более ровный профиль, так как можно заметить меньший разрыв между всеми копингами/стратегиями при более высоких показателях неадаптивных шкал, по сравнению с группой 1 (Рисунок 2).

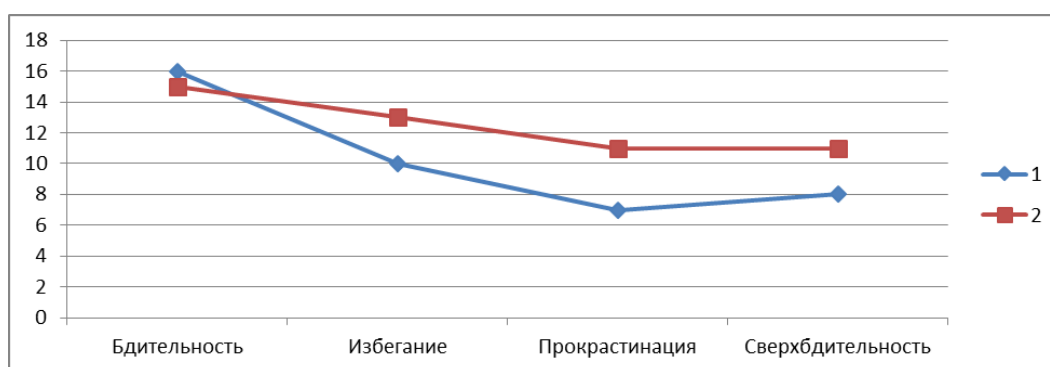

Рисунок 2 – Особенности принятия решений в выделенных группах

Группа 1 в качестве предпочитаемого и основного копинга использует бдительность, в то время как у группы 2 нет предпочитаемого стиля преодоления. Студенты-инженеры из группы 2 могут использовать разные копинги в зависимости от текущей ситуации. Более активное использование неадаптивных стратегий может говорить о том, что студенты в группе 2 чаще избегают решения сложных задач, не могут выбрать адекватную цели и задачам стратегию, что может негативно сказываться на обучении профессиональным знаниям и умениям.

Статистический анализ различий (t-критерий для равенства средних) показал, что между выделенными группами существуют различия по ряду показателей (Таблица 2). Группа с высокими показателями бдительности также выше по показателям «Контроль», «Обогащаемая личность» и «Самооценка обучения». Группа с неадаптивными стратегиями выше по показателям «Избегание», «Сверхбдительность» и «Прокрастинация».

Таблица 2

Фрагмент таблицы статистического расчета различий между выделенными группами

	Критерий равенства дисперсий Ливиня		t-критерий для равенства средних	
	F	Зн.	t	Зн. (2-х ст.)
Избегание	1,165	0,286	-7,301	0
Сверхбдительность	1,815	0,184	-5,649	0
Прокрастинация	9,008	0,004	-8,223	0
Контроль	0,75	0,391	2,739	0,009
Принятие теории «обогащаемой» личности	0,094	0,76	2,876	0,006
Самооценка обучения	0,105	0,748	3,349	0,002

Таким образом, группа 1 склонна воспринимать трудные ситуации как контролируемые, свою личность как способную к развитию и выше оценивать свои усилия и успехи в процессе обучения. Студенты с неадаптивными стратегиями меньше уверены в возможности контролировать сложную ситуацию, в возможности своего саморазвития и улучшения качества собственного образования.

Выводы и заключение

Подводя итоги анализа особенностей принятия решений студентами инженерных специальностей в связи с когнитивной флексибильностью и имплицитной оценкой интеллекта и личности, можно сделать ряд выводов:

1. У студентов-инженеров продуктивный копинг «Бдительность», определяющий интолерантность к неопределенности, большую рациональность и рефлексивность, взаимосвязан с показателем «Альтернатива», подразумевающим возможность субъекта выдвигать и анализировать большее количество альтернатив в процессе принятия решений. В свою очередь использование непродуктивных копингов (избегание, прокрастинация, сверхбдительность) может определяться тем, что субъект воспринимает себя неразвивающимся в интеллектуальном и личностном отношении, негативно оценивает свое обучение и не стремится приобретать новые навыки, не воспринимает ситуацию как контролируемую.

2. Было выделено два профиля студентов по использованию разных стратегий принятия решений. Для первого профиля характерно использование в качестве ведущего копинга бдительность. Второго профиля характеризуется в целом небольшим количественным разрывом между всеми копингами, при достаточно высоких показателях использования непродуктивных стратегий в сравнении с группой 1. Студенты первого профиля в большей степени уверены в своей способности контролировать происходящие события, развиваться и успешно обучаться.

Поскольку были обнаружены определённые стилевые отличия, представляется перспективным добавить в выборку исследования студентов других направлений. Это позволит сравнить их со студентами инженерных специальностей и выявить насколько характерно наличие различий в когнитивной флексибильности и имплицитной оценке интеллектуальных особенностей для студентов разных направлений.

Ввиду наличия достаточного количества респондентов с неадаптивными стратегиями принятия решений и низкой верой в возможности своего интеллектуального и личностного развития в последующем необходимо уточнить учебную мотивацию, особенности самоотношения и мышления этих студентов.

Литература:

1. Дункер К. Качественное (экспериментальное и теоретическое) исследование продуктивного мышления // Психологические исследования // Психологические исследования. 2019. Т. 12, № 67-68, С. 2. URL: <http://psystudy.ru/images/stories/n67-68/dunker67-68.pdf>
2. Карабанов А.П. Современные направления исследования аффективных механизмов принятия решений // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2017. №3 (9).
3. Корнилова Т.В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 31. С. 4. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n31/883-kornilova31.html> (дата обращения: 18.11.2021).
4. Корнилова Т.В. Модификация опросника имплицитных теорий К. Двек (в контексте изучения академических достижений студентов) / Корнилова Т.В., Смирнов С.Д., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новотоцкая-Власова Е.В // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С. 106-120. URL: https://istina.msu.ru/media/publications/articles/025/351/813115/Kornilova_2008_Modification_of_c._dweks_questionnaires_in_the_context_of_students_academic_achievements_study_Psikhologicheskii_Zhurnal.pdf
5. Кургиян СС, Осаволук ЕЮ. Опросник когнитивной флексибельности: структура русскоязычной версии (CFI-R), надежность и валидность опросника. Психологический журнал. 2018;39(2):105–119. DOI: 10.7868/S0205959-218020101
6. Осаволук Е. Ю., Кургиян С. С. Когнитивная флексибельность личности: теория, измерение, практика // Психология. Журнал ВШЭ. 2018. Т. 15. № 1. С. 128-144. URL: <https://psy-journal.hse.ru/data/2018/10/07/1157350943/430-872-1-SM.pdf>
7. Осаволук Е.Ю. Роль когнитивной флексибельности в проявлении атрибутивного стиля и стратегиях совладающего поведения в период ранней взрослости // Психологические исследования. 2020. Т. 13, № 74. С. 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2020v13n74/1817-osavolyuk74.html>
8. Халифаева О.А., Коленкова Н.Ю., Тюрина И.Ю., Фаина А.Г. Взаимосвязь стилей мышления и академической успеваемости студентов. Образование и наука. 2020;22(7):52-76. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-7-52-76>
9. Шадриков, В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности / В.Д. Шадриков. – М.: Наука, 1982. – 172 с.
10. Costa A. Faria L. Implicit Theories of Intelligence and Academic Achievement: A Meta-Analytic Review // Frontiers in Psychology. V. 9. 2018. P. 829 URL= <https://www.frontiersin.org/article/10.3389/fpsyg.2018.00829>
11. Dweck C. S. Self-theories: Their role in motivation, personality, and development. – Psychology press, 2013.
12. Zirenko M.S. Implicit theories of intelligence and personality: relations to intelligence, motivation and personality // Психология. Журнал ВШЭ. 2018. Vol. 15. No. 1. P. 39–53 URL: <https://psy-journal.hse.ru/data/2018/10/07/1157351034/425-862-1-SM.pdf>

Информация об авторах:

Д.В. Ластовенко, ведущий психолог учебно-научной лаборатории социологических исследований, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

А.А. Музалевская, кандидат технических наук, доцент кафедры техники и технологии, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия

Information about the authors:

D.V. Lastovenko, leading psychologist of the educational and scientific laboratory of sociological research, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

A.A. Muzalevskaia, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Engineering and Technology, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.